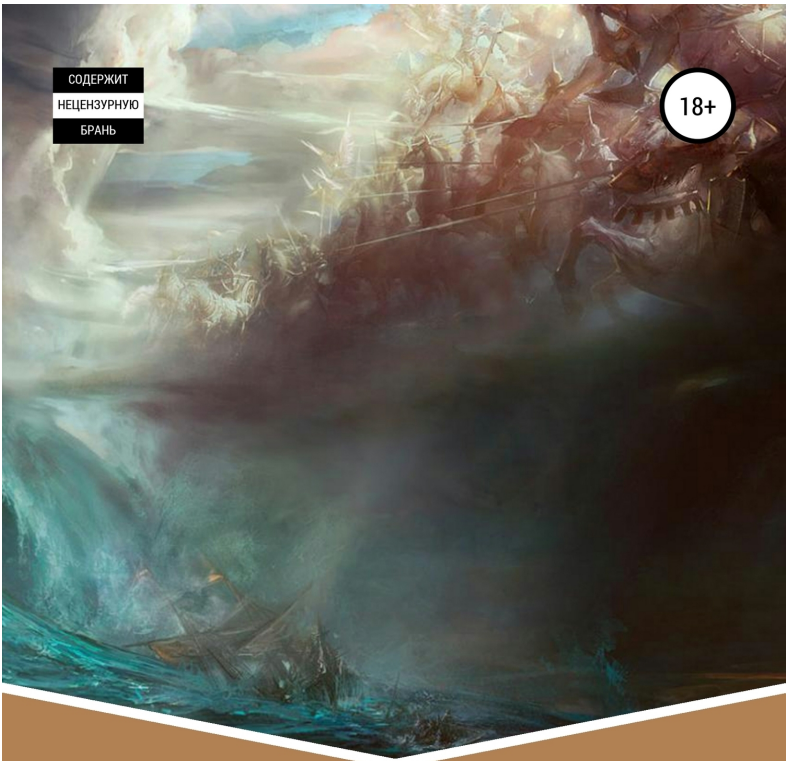

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Шоболов
Русская Амазонка

Вячеслав Олегович Шоболов

Русская Амазонка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63073146

SelfPub; 2020

Аннотация

Целеустремлённый человек, кто он? Он рискует или убивает в крайней ситуации, чтобы спасти себя или друга? Он верен своему слову и обещаниям. Но судьба преподносит серьёзные испытания. Сможет ли героиня противостоять им, ведь она Амазонка? Не пытайтесь угадать сюжет книги, он непредсказуем, как сама жизнь. Вам нравятся детективы, любите эротику или драки? А может быть, вы склонны к интригам спецслужб? Тогда эта книга ваша. Здесь пища для ума, юмор и грусть. Читайте! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Потерянные в океане	5
Сергей	5
Настя	14
Сергей	16
Настя	21
Сергей	24
Настя	26
Сергей	28
Настя	29
Сергей	30
Настя	44
Сергей	53
Настя	62
Сергей	64
Настя	67
Сергей	72
Роберт Стрент	79
Сергей	94
Настя	104
Сергей	107
Роберт Стрент	116
В плену каменных джунглей	131
Сергей	131

Роберт Стрент	146
Сергей	159
Настя	185
Трешмен	197
Настя	203
Роберт Стрент	207
Сергей	218
Конец ознакомительного фрагмента.	221

Вячеслав Шоболов

Русская Амазонка

Потерянные в океане

Сергей

В голове шумело. Вокруг все плавало в радужном свете. После выпитого было тяжеловато, но не противно. С удовольствием затянулся сигаретным дымом. Качка усиливалась. В каюту идти не хотелось, вечер только начинался. Может быть, встречу кого. У бассейна было пусто, только у дальних лееров стояли двое. Девушке видимо становилось холодно, она поежилась от ветра. С грустью посмотрел в их сторону – я тоже так хочу. Но после такого количества спиртного вряд ли хоть одна представительница противоположного пола захочет говорить со мной. К черту всех! Напьюсь окончательно!

Палуба пошла из-под ног. Ого! Кто из нас пьян: я или корабль? Порыв ветра надул рубашку пузырем. Холодно, однако. А ведь скоро экватор. Боком ударило о поручни. Ну, больно же! Зачем я так набрался? Начало подташнивать. Куда пойти? В каюте этот сосед со своими политическими раз-

говорами, на средней палубе танцы, а-ля маскарад. О боже! Зачем так пить? Я сильно рефлекторно икнул. Только этого мне не хватало. Теперь уже в ушах звенит. Если чем-нибудь не отвлекусь – усну.

Пол под ногами все сильнее, с каждой минутой, начинал приплясывать. Похоже, ураган надвигается? Или я пьян в ураган? Ик... Порывом ветра меня бросило на панель. Куда это я забрался? В такую погоду лучше к себе. Тугой заряд воды опрокинул меня навзничь. Все кругом шаталось и качалось. Люди с визгом разбегались по каютам. Шквал обрушился с новой силой. Гирлянда зашипела и стала взрываться. Сноп искр осветил все вокруг: перепуганные лица, упавшие музыкальные инструменты на эстраде, поваленные стулья и меня, мокрого с головы до ног.

Огромная волна, с другого борта, повесила меня на леера. Чтоб вас всех! Я вцепился мертвой хваткой, из ближайшей двери повалил черный дым. Видимо, короткое замыкание сделало свое черное дело.

Я отпустил поручни и пошел к двери. Надо тушить. Удар в спину. Мокрый, лежу. Опять встал, хватаясь за панель. Дверь рядом. Взялся за ручку. Дикий женский визг прорезал темноту. Очередной водяной вал смыл меня к площадке. С другой стороны накатило. Ком тошноты подступил к горлу. Полная тьма, нечем дышать. Горькое и холодное заполнило рот.

Сколько я летел секунду, две? Мысли в голове колыха-

лись, как студень. Я в воде за бортом. Кричать?

– Человек за бортом! – это меня заметили. Не утонуть бы. Темнота. Опять нахлебался. Теперь сигареты намокли. Бред какой-то. Они

думают меня спасать или нет? Вот он корабль, но уже чуть в стороне. Держусь на гребне. Полетели круги. Пытаюсь плыть. Волны сносят в сторону. Две или три палубы без света, дым все валит.

– Еще человек за бортом!

Кого это опять угораздило?

– Плавсредства на воду!

Белый цилиндр летит с борта, и, упав, развернулся яркой тканью надувного плота. Если не доберусь – приплыли. Плыву то под водой, то сверху, и пузатенький все ближе. Вот он милый, вот родной. Взобраться бы. Раз, другой, третий. Бесполезно. Слишком высокий борт. Леерный тросик не помогает. Только подтянусь, волны сбрасывают, и уж зубами хватался, а толку? Руки оторвать этим конструкторам.

А там паек есть. Чайку бы сейчас горяченького! После всех кувырканий решил отдохнуть и чуть не закричал. Пароходик то, "туту"! Уплыл голубчик, пиши – «пропало». В голове промелькнуло, насколько времени хватит сил? Если верить науке, то через четыре часа можно заказывать панихиду. Так что, Серега, хочешь жить – полезай вовнутрь. Легко сказать, да еще с «большого бодуна». Набодался я сегодня хорошо...

Стал руками перебирать по тросику или фалу, не знаю как его там. Вход ищу. Вот он, стрелочкой обозначен. Ну, давай, старайся, собери всю силу русскую. Раза с пятого, с полным животом морской воды. Перевалился через борт, а ноги свисают. Думаю, отдышусь, потом весь вползу.

– А-а-а! Мамочка! – что-то меня за ногу схватило и не отпускает. Акула!

– А-а-а! Спасите! – думал и вторую ногу отцапает, но вдруг понимаю, что боли нет, только тяжесть. Это, наверное, уже шок. Подергал ногой – не отпускает. Может штаны снять? Да, конечно, и вымерзнуть как мамонту. Э-э, была, не была, залезу весь, а там посмотрим, что за рыба-кит меня за ногу держит.

Вполз. Перевел дыхание, а сам чувствую, что ногу отпустило. Дурак. Это судорога была, а ты – кит, кит, сом с яйцами. Усмехнулся сам себе и лежу в луже, надо воду черпать, но так и уснул.

Разбудила дикая головная боль и тошнота. Долго я морскую воду из себя выплескивал, наконец, отплевался. Открыл глаза, вытер слезы и ахнул. Вот это звезды. Море еще болтало, но небо очистилось. Сколько же времени? На своей «амфибии» рассмотрел: без двадцати три. Утром начнут искать. Главное жив, остальное приложится. Хмель прошел, а боль осталась. Надо в аптечке посмотреть таблетку от головной боли. Я лежал, свесив руки с борта. Попал в оборот, ничего не скажешь.

Хотел найти аптечку и чуть не закричал. Рука коснулась чего-то холодного, но живого. Сердце бешено колотилось. Значит рыба – была? С опаской опять дотронулся, но чешуи не было. Откуда-то из глубины еще пьяного сознания дошло: это человеческая нога. Звезды давали немного света, чтобы что-то разглядеть. Стал ощупывать соседа. Кожа гладкая, нежная. Мороз пробежал по спине – девушка. Причем, без сознания. Больше всего удивило, что на ней только плавки. Вот вляпался, еще истерику закатит. Осторожно перевернул ее на спину. Русалку поймал. Проверил пульс – жива. Одно из двух: либо спит, либо в обмороке. Под ногами хлюпает вода. Надо отчерпывать. В темноте ничего не разберешь, но с этим делом справился быстро, устал, наверное, вымотался за ночь. Лучше немного поспать, а утром будет видно, что к чему. Аптечку в темноте так и не нашел. Свернулся калачиком и уснул.

Проснулся от духоты. Одиннадцать часов. Солнце крадет-ся к зениту. Первое, что оказалось перед глазами – стройные девичьи ноги с черным треугольником кружевных трусиков. Ее рвало.

– Тебе помочь?

– Нет, – чуть слышно отозвалась незнакомка.

Скорее всего, это были последствия проглоченной морской воды, я то уже через это прошел. При дневном свете сразу разобрался с рундуком. Сухой паек на трое суток, запас пресной воды в металлических термосах, аптечка,

несколько фальшвееров, фонарик, спички в целлофане, сухой спирт. Короче – жить можно. Открыл термос и плеснул в крышку воды.

– На, выпей.

– Не надо, – раздался дрожащий голос.

– Выпей, легче станет.

– Не буду...

– Вот упрямая, – отодвинул полог тента и высунулся к ней, – желудок сорвешь, нельзя так.

Недоверчиво покосившись в мою сторону, она взяла крышку.

– Полежи пока на солнышке, а я заварю чаю, и будем завтракать, – достав все необходимое, расположился на ящике.

Она не стала меня слушать и задом вползла под навес, скрестив на обнаженной груди руки, устроилась напротив.

– Ты как заправский моряк.

– Я не моряк, а журналист.

– Писака значит.

– Скриплю, как могу, а ты по морям голышом плаваешь? Русалкой работаешь?

– Нет, зубастой акулой, – обиделась она.

– Чего ты дуешься, я тебя не обзывал, каждый свой хлеб как-то зарабатывает, – она молчала.

– Все равно я вам не верю, – все так же агрессивно огрызнулась девчонка.

– Не злись тебе не идет.

– Мне лучше знать, что мне идет, а что нет.

– Ну, ты крыса, слушай... – рассмеялся я и всыпал заварку в кипяток.

– Да пошел ты...

– Начали за здоровье, а кончили за упокой, – открыл консервы, печенье, разорвал пакетики с пластиковыми столовыми приборами. Протянул ей.

– Ешь.

Она хотела взять, но тут же отдернула руку, опять прикрывая свою наготу. Слезы из ее глаз брызнули чуть не ручьем.

– Что ты комплексуешь, можно подумать, я этого никогда не видел.

– Но ты-то одетый, а я нет, – прохныкала она. Молча, снял рубашку и отдал, чтобы как-то успокоить. Отвернулся и стал копать в рундуке. Она проворно оделась. Ели молча.

– А ты ничего.

– В каком смысле?

– В любом. Заботишься, не пристаешь, шутишь.

– Работа у меня такая – с людьми ладить. Ты наелась?

– Да, спасибо.

– Тогда давай знакомиться, Сергей, – я протянул руку.

– Настя, – она в ответ подала узкую ладошку с тонкими длинными пальцами. Впервые за все время ее глаза засветились улыбкой.

– Русалка по имени Настя, ты как за бортом оказалась?

– Ты думаешь, я что-нибудь помню, все как в кошмаре.

Мрак, крик, дым, вода, холод. Бр-р-р.

– Так оно и было.

– А что теперь?

– Плыдем навстречу судьбе.

– Философствуешь?

– Оптимистом легче прожить.

– А если нас не найдут?

– Этого не может быть.

– Ты думаешь?

– Насть, посуди сама. Человек оказался за бортом, это в море всегда «ЧП». Тем более нас двое.

– Не двое, больше. Когда начался пожар, там еще прыгали, – от этих слов у меня похолодело внутри. Машинально дернулся к выходу.

Вокруг океан, гладкий, спокойный не за что зацепиться глазу. Вернулся назад.

– Теплоход должен был застопорить машины и вести с рассвета поиски.

– А если он утонул?

– Не думаю, не те времена, хотя я уже ничему не удивляюсь, даже тому, что ты передо мной.

– Сколько мы протянем?

– Минимум три дня, а при желании, и на неделю хватит.

– Ты спокойный как слон, – при этих словах невольная улыбка пробежала по моему лицу, – вот опять улыбаешься.

– Слоном меня в армии дразнили, только слоны разные

бывают: меня звали Бешеный слон. К тому же, зачем волноваться, от этого ничего не изменится.

– Хорошо вам, мужикам, все у вас просто и гладко, а тут платье с туфлями смыло и уже целая трагедия, да еще чуть истерику не закатила. Ты не обращай внимания, я не такая. Иногда находит.

– Ты же ведь официантка, если мне память не изменяет?

– Да, бросила все и теперь плыву.

– Жалеешь?

– Никогда не думала, чтобы такая махина, и могла попасть в подобную передрагу. Правда, я на море недавно, и это мой первый шторм.

– Это не шторм, а ураган. Не горюй, Настя, выкрутимся. А чтобы было легче, и не так быстро одолевал голод, давай спать.

– Я попробую, но давно днем не спала, может не получится.

– Скажи себе – надо, – и я задремал довольно быстро

Настя

Что теперь будет? Куда нас несет? Найдут или нет? А если нет? Меня прошиб нервный озноб. Я слышала, нет страшнее смерти, чем от голода. Нет уж, лучше утопиться. Пусть лучше акулы растерзают, это быстрее. Зачем я только на флот пошла? Романтики захотела, дура. Вот ты ее и получила. Хорошо, что хоть не одна. Ну, я вчера и вцепилась в его ногу. Правда, что утопающий хватается за соломинку. Как хочется в туалет! Что делать? Горшка здесь нет. Криво усмехнулась своим мыслям. Сейчас начни шевелиться, он проснется. Что ж при нем это делать? Дурацкий стыд, не помирать же? Можно подумать, что я при мужчинах не раздевалась. Что естественно, то не безобразно. Но на горшке-то я при них не сидела. Я чувствую, что пока надумаю, все будет здесь, это еще хуже. Может поплавать немного? Это идея. Меньше объяснений будет. Не наступить бы на него. Кажется, спит? Если проснется, то окликнет. Нет, спит.

Вот и хорошо. А водичка теплая, класс. Трусы бы не упустить, а то и срам прикрыть будет не чем. Как хорошо! А я боялась, дура.

В первый момент, показалось, что сердце остановилось. Скорее всего, так и было. Может это не ее плавник, а я паникую. Но все равно надо выбираться. Что ж такой борт высокий. Ой! Нет, не получается.

– Серега! Акула! А-а-а!!!

Сергей

Крик прорезался откуда-то из глубины сна. Господи, кто ж так орет? Светло. Тент, ящик, а ее нет.

– Серый! Мамочка! – она кричала и плакала одновременно, от этих причитаний кровь стыла в жилах. На меня смотрели вышедшие из орбит глаза, на лице мертвенно бледном, перекошенном от ужаса. Акула была рядом, но, наверное, не очень голодная, поскольку сразу ее не разорвала. Одной рукой схватил за ворот рубашки, и рывком бросил на плот. Я тоже был напуган, а тут в глаза бросился ее голый зад, из-за этого вспылил.

– Что гольшом поплескаться захотелось, за ночь не наплавалась, дура! Жить надоело?

– Я...Я... – она в голос разревелась, уткнувшись в комочек собственных трусиков. Во мне кипела ярость, за ее глупость, хотел еще наорать, но она была такая мокрая и жалкая, что показалась маленькой девочкой, совсем ребенком, так горько она плакала. Гнев прошел. Стал на колени. У нее началась настоящая истерика. Это надо было остановить. От души дал пару пощечин. Стало тихо. Она убрала руки от лица.

– Ты, что спятил?

– Нет, на, пей, – дал ей воды, – успокоилась?

– Угу, – Настя смиренно кивнула и сделала несколько ма-

леньких глотков.

– Полегчало?

– Да, спасибо, – она трусиками утерла нос и удивленно на них уставилась, потом перевела взгляд на свои стройные ноги и расхохоталась.

– Ты, что? Крыша поехала?

– Почти.

– Объясни толком. То плачешь, то смеешься.

– Если тебе рассказать, ты точно посчитаешь меня дурой. Все гораздо проще, чем ты думаешь. – Я молчал, ожидая оправданий.

– Мне захотелось в туалет, я постеснялась и ничего лучше, чем сделать это в воде, не придумала. Результат на лицо: ты не только меня лицезреешь, но и концы чуть не отдала. Дура я и есть дура, – она вновь рассмеялась. Ситуация была более, чем комичная, и я не выдержал и тоже рассмеялся.

– Давай на будущее договоримся, что во всех сомнительных случаях мы будем советоваться, тогда избежим многих неприятностей. Идет?

– Идет.

– А теперь одевайся, русалка по имени Настя, – мои глаза лучились улыбкой.

– Сейчас это уже не имеет значения.

– В принципе, да. В мире все относительно. Ложись, спи, горе да беда.

– Лучше расскажи мне что-нибудь. С детства люблю слу-

шать разные истории.

– А?! Радионяня начинает свой рассказ?

– Что ж так и будем все время спать?

– Силы надо беречь. Мы же не знаем, сколько нас будут искать.

– Вредный мужик. Не злись на меня, ладно? – она положила свою руку на мою и улыбнулась. На нее определенно нельзя было злиться. Девчонки есть девчонки. Поднял ее ладошку с музыкальными пальцами.

– Играешь?

– Во что?

– Не во что, а на чем?

– Да, на пианино и гитаре.

– Я тоже.

– Никогда бы не подумала, что при такой силище можно заниматься музыкой.

– Это хобби, так жить веселей.

– Ты, наверное, и стихи пишешь?

– Да, иногда.

– Почитай что-нибудь.

Я внимательнее посмотрел в ее глаза, что можно сейчас озвучить?

– Что?.. Может вот это:

Не знаю... Но каждому вставать и падать?

Не знаю... Но каждому смеяться и плакать?

Не знаю... Но каждому грозит гроза.
Но есть на свете твои глаза.

– Нет не то. Это в другой раз оно очень длинное, лучше ...

Глаза! Боже мой! Какие глаза!
Карий кружок, а вокруг бирюза.
Я боюсь обмануться, но их глубина,
Так зовет вдруг и манит, не вижу я дна.

Бархат ресниц несмело дрожит,
Тени печаль под ними лежит.
Тихонько губами я к ним прикоснусь,
И тут замираю, а вдруг обожгусь?

Об эти черные два уголька.
Искры блеснули в их уголках,
Это же смех, а может и страх,
А может и тайны неведомой флаг.

Ох, и глаза! Ну, и глаза!
Сколько же раз вы сводили с ума?

– Классно, жаль, что не про меня, очень похоже.

– Когда-нибудь я и тебе напишу, просто стихи это состояние души, а сейчас настроение не то, извини.

– А, что? Я ничего. – Она пожала плечами. – Иногда я людям завидую, как это у них ловко получается слова складывать.

– До революции этому специально учили, на меня бывает, находит, и я не могу от рифм отделаться и говорю все время стихами.

– Везет. Почитай еще.

– Давай в другой раз, для стихов надо, чтобы душа пела, а она сейчас замирает.

– Ну ладно. Может, перекусим? – Настя смотрела на меня такими жалобными глазами, что отказать, не повернулся язык.

Мы немного поели и растянулись на полу. Я смотрел в потолок, страшно хотелось курить. Когда нас найдут, первое, что сделаю – закурю.

Настя

А с ним спокойно. Я и не думала, что он такой сильный, как пушинку выдернул меня из воды, а все-таки пятьдесят три килограмма. Поделом тебе, дуре, за все, сидела бы под крылом у мамочки и сопела в две дырки. Но ведь ты же сама все оборвала, добивалась, стремилась, отдавалась, только ради того, чтобы попасть на флот и ходить в загранку. Чего теперь обижаться. Тем более это положение не самое худшее. Можно было вообще утонуть. Кто-то точно утонул, а мне повезло. Он второй раз спасает, а мог и бросить или испугаться. Если станет приставать, сопротивляться не буду. Хм? А почему именно «приставать»? Может он ухаживать начнет. Многие ли за тобой ухаживали и ласкали по-настоящему? Ведь им всем одно нужно – добраться до твоего тела, получить свое и гуляй милая. Твари. Нет, конечно, это приятно, но не то. А ты, естественно, принца ждешь в свои двадцать два? У других уже семьи, дети. Авось, я не уродина какая-нибудь, от мужиков отбоя нет. Но что я, в конце концов, разнюнилась: хочется любви, любви. Да, я как все хочу настоящей и на всю жизнь. Банально.

– Ты чего улыбаешься?

– Да, так, размечталась.

– А? Мечты, мечты! Где ваша сладость, ушли мечты, осталась гадость.

– Это точно.

– И о чем же, если не секрет, мечтается?

– Просто в себе копаюсь.

– Иногда это полезно. У меня это тоже было.

– Давно?

– Года четыре назад.

– А тебе сколько?

– Двадцать шесть. Много?

– В самый раз.

– Для кого? – от этого вопроса почувствовала, что покраснела.

– Вообще.

– Ладно, ты, как хочешь, а я пошел купаться, меня это пекло скоро расплавит.

– Ты, что с ума сошел?

– Нет.

– А акула?

– Они крайне редко нападают на человека, и ведь ты покараулишь на плоту?

– Но из меня спасатель плохой.

– В любом случае, я иду.

– В туалет? – съехидничала я.

– Нет, ошибаешься, если такая нужда возникнет, то я стесняться не буду, такова наша природа и от этого нам не уйти, в этом нет ничего зазорного, пойми.

– Пожалуй ты прав.

– А ты будешь плавать?

– Нет, ты на меня побрызгаешь.

– Как скажешь, – он стащил с себя джинсы, кроссовки и носки, откинул полог и прыгнул.

Сергей

Вода доставила настоящее наслаждение. Не могу сказать, что не боялся акул, но надо было вывести Настю из остаточного испуга. Нанырвавшись, подплыл к надувному борту. Она сидела и смотрела все еще широко открытыми глазами, в которых мелькали искорки страха. Обдал ее водой. Она ойкнула, потом взялась за пуговицы на рубашке и стала расстегивать.

– Пока я не вылезу, не прыгай.

Мы поменялись местами. Я с удовольствием наблюдал за ней. Приятно смотреть на красивое женское тело. Стройные женские ноги, небольшая округлая грудь с маленькими сосками, русые, длинные волосы, струящиеся по воде. Настя была на полголовы ниже меня, а я считал себя высоким, все же служил в ГБ, а туда маленьких не берут. Теперь можно было с уверенностью сказать, что Настин испуг прошел, и глаза ее светились радостью свободы.

– Тащи меня, – она протянула руку, – все же в этом есть свое блаженство.

– Только есть захочется быстрее.

– Не будь занудой, живем один раз, а если умирать, так, что и расслабиться нельзя?

– О, это мы так далеко зайдем. Перед смертью не надышишься.

– У всех смертников есть последнее желание, а у меня несколько, и ты меня не убедишь, я не признаю никакие авторитеты, а ты им не являешься.

– Ладно, делай, что хочешь, а я буду идти до конца.

Опять растянулся на полу и через некоторое время задремал.

Настя

Вот интересно, если он будет умирать, и я соглашусь ему отдаться, неужели он откажется. Или я не в его вкусе? Хозяйство у него богатое и мускулатура красивая. Черноглазенький искуситель. Хотелось бы знать, насколько у него терпения хватит просто смотреть на меня. А я бы согласилась и еще как... Размечталась глупенькая.

* * *

День догорел незаметно. Близилась экваториальная ночь. Все загоралось огнями: небо и вода. Океан светился и мерцал. Выкатывалась рыжая луна, отбрасывая причудливые блики. Они не видели этой сказочной ночи, они спали. Настя свернулась калачиком, сама того не подозревая, у Сергея на груди, а он осторожно обнимал это хрупкое создание, как бы охраняя ее покой. Что их ждало впереди, они не знали. Течение все несло и несло их от того страшного места пожара.

Весь прошедший день пропавших тщетно искали с их корабля и ближайших судов. Никто не знал, как далеко ураган утащил спасательный плот, эту песчинку в океане. Была поднята береговая авиация Соединенных Штатов. По уточненным данным общее число пропавших составило десять человек. Обнаружить их не удалось. В бортовом журнале по-

явилась запись: «Пропали без вести...».

Сергей

Второй и третий дни прошли, как и первый. Вечером третьего дня предложил экономить продовольствие и воду. Жара стояла жуткая, постоянно хотелось пить. Мы часто купались, но только по одному. Медленно меня, да, наверное, и ее, начинала одолевать тревога о дальнейшем нашем положении. Когда я засыпал, какой-то неприятный холодок опасности или страха остался в груди.

Настя

Меня как обычно разбудил «туалет». Толком, не проснувшись, направилась к выходу, но стоило откинуть полог, как током ударило. Земля. В дымке, но земля. Довольно широкая полоса гор и скал.

– Сергей, Серый!

Сергей

– Что опять случилось? – ели открыл глаза.

– Земля!

– Где? – меня, как пружиной подбросило. – Судя по очертаниям, это остров. Значит и большая земля должна быть недалеко. Но до нее еще надо добраться.

Мы сидели, как зачарованные. Нас несло точно на эту черную громадину. С трудом верилось, что качка скоро кончится. Да, но если это только горы поросшие травой... Боже, о чем я думаю? Это же земля, а значит, шансов выжить значительно больше! Я посмотрел на Настю, она, молча, плакала, эх девчонки.

– Сережа, это же спасение?! Правда?!

– Не знаю, но это лучше, чем наша посудина.

Берег рос на глазах, и по мере приближения, новые страхи одолевали меня. Плот несло течением точно к отвесному утесу, который казался совершенно черным, а у подножия кипела пена. О высадке не могло быть и речи.

– Настя, давай собираться, – мне хотелось отвлечь ее от момента удара, шансов было пятьдесят на пятьдесят. Сердце бешено стучало. Мы уложили остатки вещей и пищи. Плотом задраили пол.

– Зачем ты его застегнул?

– Держись, Настена, сейчас нас начнет мотать, как лягуш-

ку в футбольном мяче.

– И ты думаешь, что...

– Не надо об этом. Задача одна – продержаться, – ее порыва я никак не ожидал. Она бросилась со слезами в мои объятия.

– Не хочу, Сережа, миленький! Не хочу! Сделай что-нибудь! Ну, пожалуйста, – и пришел первый удар.

Нельзя сказать, что он был страшен, но и приятного было мало. Один бросок на острую скалу и мы пойдём на корм рыбам. Мы намяли друг другу бока, насажали синяков о рундук. Это длилось около пяти минут. Нам они показались целой вечностью, но с каждым толчком становилось легче. Я рискнул откинуть полог. Плот протащило вдоль побережья. Течение отклонилось от горы и огибало остров слева. Нас вновь выносило в открытый океан. Хоть вплавь, а надо добраться до земли.

Страхи оказались пустыми. Через несколько минут мы качались на спокойной волне перед огромным песчаным пляжем.

– Как в кино, – прошептала Настя.

Движение остановилось, мы застыли на зеркальной глади лагуны. Глазам не хотелось верить: спокойная, прозрачная, голубая вода; буйные джунгли опоясывают остров почти до самых вершин утесов. Райская идиллия.

Глядя на остров, вздохнул свободнее – есть пища и пресная вода, в тоже время появилась надежда, что здесь найдут

быстрее, не может быть, чтобы этого клочка земли не оказалось на карте. Первой задачей стало добраться до берега. Долго не решался предложить преодолеть оставшиеся метры вплавь, боялся появления акул.

– Чего мы ждем? Я готова.

– Тогда прыгаем.

Мы потревожили водную гладь своими телами и, толкая плот перед собой, двинулись к берегу. Когда днище заскрипело по песку, на ватных ногах вышел на сушу и упал, Настя растянулась рядом.

– С прибытием, Робинзон! – улыбнулась Настя.

– С удачей, Пятница! – все тело сковала непомерная тяжесть, но главное мозги зашевелились свободнее. Смертельная угроза миновала.

– Сережа, давай плот на берег затащим? – вцепившись в причальный тросик, с улыбками на лице, мы справились с этой проблемой.

Валяться под солнцем крайне жарко. Побрели в тень деревьев, а, увидев кокосовые орехи, мне страсть как захотелось один расколоть, но не тут-то было. Без определенного навыка и каких-либо режущих предметов это было непростым делом, но, найдя острый осколок камня, приложив максимум усилий и исчерпав почти все свое терпение, я разлил в крышки от термосов кокосовый сок – райское наслаждение. Нервное напряжение все же сказалось, мы задремали.

Вечер не дал прохлады.

– Пойдем? – Настя кивнула в сторону воды. Я, молча, поднялся. Она шла чуть впереди, скинула рубашку и каким-то грациозным, приятным для глаза, движением осталась обнаженной. В первый раз во мне шевельнулось желание. Я прекрасно понимал, что должник перед ней, не стал церемониться и тоже разделся.

Плавали, молча, ныряли. Вода, как парное молоко, не хотелось выходить. Перевернулся на спину и разбросал руки в стороны. Волны баюкали. Во мне просыпалась дремавшая сила. Теперь чтобы выжить, надо действовать, а не спать. Ощутил приятное покалывание во всем теле и бодрящее тепло, это энергетические потоки усиливали свое воздействие на каждую клеточку моего организма; этим элементам йоги нас учили в спецназе. Резким движением перевернулся и нырнул. Под водой плыл к ней, в несколько рывков очутился рядом и встал в полный рост.

– Хотел напугать, – рассмеялась Настя, – Я тебя видела.

Подхватил ее на руки и понес на берег. Она не сопротивлялась, не пищала, только обхватила мою шею и положила голову на плечо.

– Я тебе нравлюсь? – ее вопрос я ждал.

– Да.

– А почему раньше не подавал вида?

– Тогда надо было выжить, а близость не дает возможности хладнокровно мыслить. – Она смотрела в мои глаза и силилась понять, о чем речь.

– Настя, наука выживания сложная вещь и требует отдачи всех сил, и отвлекаться, расслабляться нельзя, я потом многому научу. А теперь я весь твой и готов исполнить любое желание и каприз.

Ее руки с моих плеч скользнули на спину, и она прижалась ко мне всем телом, что я почувствовал упругость ее замерзших сосков. Первый поцелуй был долгим и страстным, как глоток у голодного ребенка. Руки, получившие свободу после нескольких дней условного этикета, блуждали по телам друг друга, изучая и забираясь в самые сокровенные уголки. Я дышал и не мог насытиться, я ласкал и не мог наласкаться. Ее живот трепетал от моих поцелуев, ноги дрожали в истоме. Ее жадность поражала, пальцы порхали вверх, вниз и назад, чуть касаясь, и заставляя бегать мурашки по спине. Я рисовал узоры языком на ее груди, и она отзывалась, все сильнее напрягаясь, дыхание участилось, все как бы шептало: «хочу, хочу, ... давай еще ...». Не жалел ни себя, ни ее. Каждая клеточка пела, как натянутая струна от прикосновения. Ее тело лоснилось от загара, пахло солнцем и солью. Я тихонько скользил языком по средней линии живота, когда опустился ниже пупка, Настя вся напряглась и как бы затаилась, а кончик все полз и полз. Вот первые шелковинки кудряшек, они отливают золотом и манят прижаться, приятно щекочат щеку. Настя вся выгнулась, кончик языка дрожит в уголке губ, глаза полуприкрыты – само ожидание. Не стал обманывать надежд, что для двоих, то свято. Лишь распахнул я створ-

ки плоти, горячей, розовой, живой, и чуть коснулся языком, тот поцелуй был слаще меда, дрожь заставил под рукой, как подтверждение – ты со мной. О, трепет мышц, ресниц мерцанье и этих тел благоуханье. Кончики пальцев теребили соски. Она вцепилась в плечи мои, но я не желал ее конца, лишь раздражить перед моментом встречи, вот в чем была моя игра. И вот дрожат ее ресницы и руки ищут и влекут. И он вползал так осторожно, как бы боясь ее испугнуть. Тех нежных волн неспешное качанье вело в неведомую даль, и лишь в конце мелькнула вспышка, разбрызгав искры и цветы. Лишь легкий стон, почти рыданье в ночной тиши услышал ты.

Обессиленные, уставшие, довольные, счастливые мы лежали рядом и смотрели в звездное небо. Мы не заметили, как наступила ночь. Ночевать на песке опасно, можно под утро застудиться. Я взял Настю на руки и уложил в нашем маленьком, рыжем домике. Настроение было, как у кота объевшегося сметаны. Мы прижались друг к другу и скоро уснули.

Утро. Рано. Солнце только оторвало себя от воды. Осторожно выбрался из объятий Насти, и направился к воде. Быстро искупался и решил пробежаться. Горячие лучи, и ветер обсушили мое тело. Через полчаса почувствовал каждый мускул своего, отвыкшего от тренировок, тела. Захотелось, на этой воле, вновь вспомнить чему меня так усердно учили в войсках государственной безопасности.

Прервал тренировку только от чувства, что кто-то смот-

рит в спину. Подбежал к ней.

– Ты уже встала?

– Как видишь. С добрым утром!

– С золотым утром! Ты умылась и хочешь есть?

– Я еще только иду глазки мыть, а что ты тут делал?

– Занимался.

– Это каратэ?

– Нет, это синтез нескольких школ единоборств, – уклончиво ответил я, зачем пугать девчонку, что это наука убивать.

– А меня научишь?

– Это долго и сложно.

– Ну и что, – заупрямилась она.

– Если не будешь хныкать и наберешься терпения, то научу.

– Я буду стараться.

– Пошли, побрызгаемся, бесштанная команда.

После купания она категорично заявила:

– Есть хочу...

Так начался наш первый день. Первоначальная эйфория прошла, надо было оценить обстановку и взвесить наши шансы для выживания. Положение оказалось хуже, чем у пресловутого Робинзона. Оружия никакого, даже ножа нет. Одежды тоже почти нет, благо она и не нужна. Остатки сухого пайка мы доели за завтраком. Из жилья только наш плот. Надо признать – не густо. Хорошо хоть еще спички есть и

термоса от воды.

Оставалось надеяться на тропические растения, которых мы не знали, и благоприятность климата. Но главное найти пресную воду, которая должна быть. Этим мы и занялись. Описывать джунгли не берусь, потому что названия растений все равно не знаю, скажу только – море зелени, лиан, непролазных чащоб, духота, гомон птиц и пестрота красок.

К обеду мы нашли то, что искали, чему были очень рады, также нашли бананы и финики. Правда, это не близко от берега. Блуждания по лесу сильно выматывали из-за постоянных обходов. Чтобы здесь ходить, нужен топор или мачете, к тому же постоянно приходится смотреть под ноги. Не так уж романтично, как это описывают в книгах. Настя все время охала и ахала, восхищаясь окружающим.

Устроили отдых у найденного ручья. Жевали бананы, запивали водой. Первые страхи голодной смерти отступили. Но труднопроходимость заставляла думать, стоит ли осматривать весь остров? Так уж устроен человек, что он пока живет – надеется. Может быть, здесь кто-то живет? А вдруг с обратной стороны близко большая земля и мы спасены? Значит надо смотреть.

Как далеко мы отошли от берега трудно сказать – много петляли. Примерное направление определял по солнцу и часам. Где находится верхняя точка, догадаться было несложно. Чтобы не терять еще день на эти похождения предложил идти сегодня – вдоль ручья.

– Почему ты все время молчишь?

– Я могу и петь, не только говорить, но ты быстро устанешь, Настя. Выдохнешься, а хотелось бы вернуться назад к вечеру.

– Это обязательно?

– Нет, но желательно.

Чем выше поднимались, тем больше тревожных мыслей посещало мою голову. Внутреннее чутье подсказывало, что здесь есть или были люди, но подтверждений этому опасению или догадке не было.

– Сергей, что ты все время оглядываешься?

– Меня не оставляет мысль, что здесь что-то не так.

– Слушай, не пугай меня, – она прижалась ко мне.

– Пока явной опасности нет, но на душе какое-то предчувствие.

– Теперь я буду бояться, потому что не понимаю. Зачем ты меня напугал?

– Неизвестность всегда настораживает, нас так учили – не знаешь – не расслабляйся. Когда смотришь вокруг, постарайся подметить есть ли следы человека.

– А разве это плохо?

– Нет страшнее зверя, чем на двух ногах, да и мы не знаем здешних обитателей. Могут быть змеи, хищники, ядовитые насекомые, поэтому прежде чем наступить или дотронуться до чего-нибудь – смотри.

– Хорошо, что предупредил, а то я все люблюсь, – я

невольно улыбнулся ее непосредственности.

Мы вышли к истоку нашего ручья, из-под камня сочилась вода, и, собравшись в небольшую лужицу, текла дальше, вниз. Мы напилась. Подъем стал круче. Бананы, взятые с собой, стали мешать. В одну из передышек задал Насте вопрос:

– Тебе ничего не кажется?

– А что мне должно казаться?

– Сейчас почва стала каменистей, травы меньше, приотришись, это не напоминает тебе тропу? – она долго крутила головой, потом осторожно сказала:

– Очень похоже, но если это она, то ей лет сто в субботу.

Короче, я не уверена.

– Ладно, пошли дальше.

Все разрешилось на вершине. Она была плоской, все находящиеся на ней камни снесены к краям и уложены в виде круга. В центре возвышался холмик все из тех же камней. Сердце учащенно билось. Все сомнения отпали. Здесь были люди. Чтобы окончательно убедиться, раскидал бугорок и стал копать в середине, там оказалась древесная труха. Скорее всего, здесь стояла сигнальная мачта или это место служило для каких-то ритуалов. Настя смотрела на все широко открытыми глазами. Объяснения стали не нужны.

– Сережа, это опасно?

– Не думаю, слишком все старое, что даже оттого, что тут стояло ничего не осталось.

Это была самая высокая точка. Под нами два моря: джунглей и воды. Причем первое без прогалов или пустошей. Дыма не видно. Насколько хватало глаз, земля не просматривалась – кругом океан. Но ходить сюда придется, и надо принести один фальшвеер. Никак не прельщала участь Робинзона, хотя и с такой Пятницей. Улыбнулся, вспомнив фильм «Сеньор Робинзон».

– Ладно, гольш, пошли назад, пока солнце не село. Правда, можем не успеть, а сумерки в джунглях наступают быстро.

– Может, здесь переночуем?

– Если не боишься без костра, то шалаш можно какой-нибудь соорудить за оставшееся время.

– Лучше так, чем совсем в лесу.

Мы спустились на край зарослей и стали таскать ветки. Шалашик получился ничего себе, уютненький.

Уже в темноте мы доели остатки припасов. Впечатления от прошедшего дня и духота не давали уснуть. Разные мысли приходили в голову. Настя тихонько лежала у меня на груди, но я чувствовал, что она не спит.

– Почему не спишь, Настена? – зачем-то шепотом спросил я.

– Не хочется, расскажи что-нибудь.

В этот раз ее просьба не показалась смешной или неуместной. Сразу вспомнилось детство, пионерский лагерь, и как вечерами не могли заснуть и рассказывали страшные исто-

рии про черную руку или гроб на колесиках. Улыбнулся.

– Спрашивай или предлагай тему.

– Лучше о себе.

– Все как у всех. Кончил школу, поступил на журналистику в университет, после первого курса забрали в армию. Попал служить в спецвойска, получил соответствующую подготовку. Потом дали диплом, и стал писать в «Комсомольской правде». Сейчас направляюсь в командировку в Штаты со спецзаданием.

– И, конечно же, с секретным, – вставила Настя.

– Эх! Настя, мы свои секреты давно уже все разбазарили... по секрету всему свету... Только теперь это не имеет никакого значения, поскольку неизвестно, когда мы отсюда выберемся.

– А ты коммуняка, Серега!

– Давай оставим политику в покое.

– Жена сейчас с ума сходит?

– У меня нет жены, с чего ты решила?

– Такой мужик и без женщины, не верю.

– Женщин сколько угодно, но единственной нет.

– Что и никогда не любил?

– Вам бы только в чужом грязном белье копаться. Это имеет какое-то принципиальное значение?

– Я хочу про тебя все знать, а то кто-нибудь спросит: «Кто тебя спас?», и ответить будет нечего.

– Скажи просто – Сергей.

– Так не интересно. Девчонки начнут расспрашивать, а я буду молчать или описывать эротические сцены.

– А! Понятно, тебе для протокола, тогда записывай: Сергей Бесштаный, родился в колхозе «Путь Ильича», не крестился, к суду не привлекался...

– Ты все шутишь... – обиделась она.

– Не забивай голову не нужной информацией, нас как учили в армии: не бери тяжелого в руки, а дурного в голову, – она молчала.

– Но мне, в самом деле, не о чем говорить. Конечно, была первая любовь, которая не дождалась из армии, а теперь с моей работой иметь семью слишком опасно, с точки зрения ревности.

– И что никогда не хотелось вернуться из командировки к семейному теплу?

– Работа отбирает все свободное время, особенно не задумывался, а ты чем лучше?

– Я падший ангел, с меня спрос маленький. Скольжу по воле волн, авось прибудет куда-нибудь.

– Дело-труба. Без стержня в жизни нельзя, хотя это не мое дело. Я не поп, а ты не на исповеди.

– Ну, совсем запозорил. Что ж ты тогда со мной возишься, если я такая плохая?

– Я вообще не знаю, какая ты. Раз говоришь о себе плохо, так оно и есть. Мне в принципе все равно. Но на будущее никогда не говори о себе плохо, это сделают за тебя твои

друзья.

– Да, да поучи меня, как жить, а то я не знаю...

– Слушай, давай закончим воду в ступе толочь?

Что за человек такой? Сплошные колкости, а с виду не скажешь, ладно поживем, увидим. Какое-то время я еще размышлял и прислушивался к ее вздохам. Потом духота взяла верх, и я задремал.

Настя

Разбудил птичий гомон и жажда. Если мне память не изменяет, где-то рядом должен быть источник. Сережка спит. Зря я с ним вчера так, вредный характер, вечно вывернусь наизнанку, всегда хочу показаться хуже, чем есть. Ладно, перемелется.

Жадно напилась холодной воды, и засмотрелась на ручеек. Журчит, бежит, прыгает. Наверное, не одни мы здесь пили, и если Сергей прав относительно того, что тут кто-то был то... Стала внимательней рассматривать лужицу, и до меня дошло, а ведь водоем искусственный – из отдельных камней выложен и чем-то обмазан, а за годы стал как естественный. Надо еще поискать. Если я осторожно похожу вокруг шалаша, страшного ничего не случится.

Внимательно глядя под ноги и по сторонам, сделала первый круг. Все тот же лес, правда, не такой густой. Я боялась далеко отходить от родника, но в одном месте заросли мешали пройти прямо, и, перепрыгнув через него, пошла вправо, и, ступив два шага, чуть не закричала, угодив ногой в холодную воду. Меня смутило то, что этот приток шел перпендикулярно основному руслу. Странно. Спустя какое-то время, можно было сделать вывод, что это сеть оросительных каналов, дробящих часть джунглей на квадраты, и в каждом из них, после тщательных поисков, находились растения очень

похожие на культурные. В заблуждения вводили толстенные деревья, росшие кругом, но по стebelьку каждой из находок я прихватила с собой. Радость переполняла меня, хотелось петь и смеяться в голос. Это было открытие, подтверждавшее наблюдения Сергея. Надо ему сказать. Заспешила назад, но остановилась в раздумье, а куда идти? Я все время держалась воды, но сколько раз поворачивала и в какую сторону?.. Сердце бешено колотилось. А чего собственно паниковать? Буду подниматься все время вверх, выйду на площадку, а там найду вчерашнюю тропу и шалаш.

Довольная своей сообразительностью, стала подниматься. Уже не пугало, что дорога незнакомая, цель и так ясна. Только вот заросли мешают быстрее идти. Вот в том прогальчике я, наверное, пролезу. Пригнувшись, стала продираться, в этом полумраке джунглей особо ничего не разберешь. Вот понесла нелегкая.

Сердце вдруг испуганно сжалось. Где-то рядом в кустах раздался шорох. Вспомнились наставления Сергея о возможных обитателях и хищниках. От этого стало еще страшнее. Притаилась. Надо спрятаться, вон там какая-то дыра. Но это... Старалась двигаться бесшумно, а в последний момент чуть не закричала. Из этого затхлого полумрака на меня смотрели две глазницы замшелого черепа. Зубы мерцали смертельным оскалом. Развернувшись, кинулась бежать, сломя голову, не разбирая дороги. Угнувшись в очередной раз от ветки, лоб в лоб столкнулась с Сергеем.

– Тихо, тихо, отдышись! На тебе лица нет. Что опять случилось?

– Там... – указывая пальцем, только и смогла вымолвить я.

– Спокойно, я с тобой. Акул пережили и это пересилим. Говори медленно и не бойся ничего, – его рассудительность вернула меня к действительности.

– Я нашла оросительные каналы, ими усеян весь лес. Несла тебе растения похожие на домашние и растеряла. Услышала шорох, решила, что зверь и спряталась, а там скелет с зубами.

– Мог быть и без зубов. Веди, следопыт, – его улыбка почти взбесила меня, опять снисхождение, чем я хуже него! Ну, я ему докажу, он думает, что у меня со страху в глазах померещилось.

– Пошли, Фома неверующий!

– Не нервничай, верю.

Повернулись идти, а куда, не знаю, бежала, не выбирая дороги. Слезы, от обиды, чуть не брызнули.

– Что не помнишь? – он говорит, а у меня ком в горле встал, сказать ничего не могу.

– Поищем вместе, смотри поломанные ветки, кроме нас тут никого не было, – серьезность Сергея, немного успокоила.

– А шуршал в кустах кто?

– Это, наверное, был я, так, что это где-то рядом.

Его наблюдательность поражала, в считанные минуты Сергей определил направление, и я смогла различить на влажной земле собственные следы.

С детства боялась покойников, а тут целый скелет, да еще этот страшный оскал. Теперь, когда я была не одна, можно спокойно осмотреться. По всей видимости, это была старая хижина, но настолько добротная сделанная, что смогла выстоять эти годы. Заслугой всему оказалась крыша, набранная из бревен и покрытая широкими листьями пальмы, а за прошедшее время еще и усиленная опавшей растительностью. Стены, конечно, поредели, но их заменили заросли, а может, их и вообще не было, климат позволял обходиться.

Помещение маленькое; в дальнем углу, на каком-то настиле, лежал он; ближе к выходу стоял стол, врытый в землю, рядом табурет. Наличие кровли создало идеальные условия для жилья, здесь было сухо, а это враг гниения. На столе темной массой, как потом выяснилось, возвышался подсвечник, перед ним, оплетенный паутиной и загаженный птицами, под страшным слоем пыли, чернел какой-то прямоугольник.

Первое к чему подошел Сергей, была кучка посуды у дальней стены.

– Это довольно ценная находка, но ножей нет. Посмотри у него на поясе ничего не лежит?

– Ты, что с ума сошел? Он же мертвый, – испугалась я.

– Поэтому он не кусается, но у этого бродяги должно быть

оружие.

Я взяла палочку и брезгливо поковырялась в районе та-
лии. Труха, пыль кости рук и ничего...

– Пусто, Сережа.

– Жаль. Что такое не везет и как с этим бороться, – он
стал собирать остатки утвари.

– Пошли, Настена, нам тут делать больше нечего, – гре-
мя находками, Сергей направился к выходу. Как-то обидно
стало за этот старый дом и его хозяина. Разочарованно под-
дела палочкой уголок предмета, лежащего на столе, и ахнул-
ла: верхняя часть его отделилась, и моим глазам предстали
бледные строчки.

– Сережа, – боясь вспугнуть догадку, тихо позвала я.

– Что там еще, пошли, пора возвращаться на берег.

– Я думаю, это тоже надо забрать?

– Что проку в старом хламе?

– Сначала посмотри, потом говори, – он нехотя вернулся,
с трудом протиснувшись в лаз. С минуту стоял, привыкая к
темноте. Аккуратно потрогал, попробовал поднять, но угол
осыпался в прах.

– Кажется, ее не возьмешь, а это книга.

– Бросим?

– Нет, Настя, это, пожалуй, самое ценное, а я вначале не
обратил внимания.

Бережно, как ребенка, он стащил ее со стола, но опасения
были напрасны, обложка осталась прочной.

– Делим находки, и пошли, – скомандовал он.

День какой-то выдался ненормальный. Сплошные открытия, я и Сергея не могла узнать. Он стал как одержимый, глаза сияли странным огнем, движения более резкие. Всю дорогу он о чем-то думал и молчал, гнал нещадно, я еле успевала за ним, но не пищала. Наконец выбрались на наше место. Все цело, плот сиротинушкой лежал на песке.

– Я пойду за едой, а тебе мыть посуду, справишься?

– Постараюсь, – он скрылся в зарослях, очень хочется кушать.

Песок и соленая вода сделали свое дело. Посуда заблестела, но одна тарелка оказалась дырявой. Интересно, а что он собирается в ней варить? Тушеных бананов я еще не ела, но очень хочется кушать. Где он пропал? Я искупалась и растянулась на песке. Пожалуй, нет ничего блаженней, чем купаться голышом. Странное дело – стыд. Вначале боялась ему открыться, а сейчас второй день мы с ним без одежды, а я и думать об этом забыла. Но все же, мужики голые смешные со своими колобошками мохнатыми. Как они им только не мешают. Я бы, наверное, все время за что-нибудь ими цепляла или прищемляла. Нет, ей богу смешные, особенно когда из воды выйдет, весь сморщится, сжурится, колокольчики-бубенчики – динь-динь! Вот умора! Толи дело у нас – все гладенько, аккуратненько, ничего не мешает. Приятно посмотреть.

– Вставай, Венера, обед с завтраком прибыл.

– Ого! Царская еда!

– Жаль руки только две, всего не донесешь.

– Пока этого хватит, а потом я корзину сплету.

– А ты умеешь? – с недоверием поинтересовался Сергей.

– Меня дед учил в деревне, когда маленькая была.

– Нужное дело, ешь, потом поговорим.

Не успели мы съесть по паре бананов, как разговор начался сам собой.

– Что ты думаешь о дальнейшем житье-бытье?

– Голод нам не страшен, жажда тоже, а что еще?

– Настя, все гораздо серьезней, чем, кажется на первый взгляд.

– А что тебя смущает?

– Твоя последняя находка.

– Ты про книгу?

– Нет, сама хижина. Это говорит о том, что здесь никого не было много лет.

– Маловероятно. Хоть и плаваю недавно, а движение на море, я заметила, оживленное.

– А почему до нас, его никто не нашел?

– Плохо искали, я и сама наткнулась случайно, от страха ведь залезла.

– Хорошо, если так.

– Ты думаешь, нас не найдут?

– Не знаю, теперь не знаю. Не хочу быть Робинзоном. Одичаем скоро.

– А ты оказывается скептик.

– Хочешь мира – готовься к войне.

– Вот и давай готовиться, ты же не собираешься сидеть, сложа руки?

– Нет, конечно, но не хотелось бы, чтобы кто-нибудь и мой скелет ковырял палкой.

– Дурак! Сам сказал! – от обиды готова была ударить его. Козел.

– Я не об этом. Жизнь коротать здесь не хочу. Безвыходных положений не бывает, бывают только безвыходные дураки.

– Тогда поплыли, куда глаза глядят.

– Глупо.

– А что не глупо, сидеть и ныть, как все плохо. Займись делом, время пройдет, кто-то заметит. Книгу надо пролистать, он, скорее всего, вел наблюдения.

– Это может быть и библия.

– Ты сколько языков знаешь?

– Английский, немецкий и русский.

– Я тоже, значит, если не на других языках, должны разобратся. Ты садись, читай вслух, а я буду корзину плести.

– Давай сначала сходим за берестой и лозой.

Так мы и сделали. Через несколько часов мы напоминали идеальную семейную парочку: муж читает вслух, а жена занимается домашним хозяйством. Только вот с изучением находки загвоздочка вышла: язык был старый и не очень по-

ходил на современный. Часть мест была крайне бледно написана, что ничего не разберешь, так, что понимали с пятое на десятое слово. Сергей злился и пытался даже материться.

К слову сказать, начало состояло только из данных о посещении портов, погруженной провизии, грузах и т.д. Первоначальное название корабля мы так и не поняли, а после трети прочитанного его стали называть «Бешеный». Это был тридцати восьми пушечный галеон английской постройки. Остальные данные для меня были понятны, как зайцу телефон. То, что его в 1668 году захватили пираты, было ясно, как божий день.

Пальцы мои устали, и я запросила передышки. Мы пошли купаться.

Сергей

В армии у меня проявилась одна способность – почти фотографическая память, которая долгими тренировками была усилена и доведена до абсолюта. Это дает мне возможность воспроизвести прочитанное почти дословно.

17 апреля 1671 года. Наш «Бешеный» попал в страшный шторм. Нас бросало и швыряло около суток. Остались без парусов и руля, чтобы избежать опрокидывания срубил весь рангоут и такелаж. Шпангоуты трещали так, что мороз пробирал по коже. Несколько бимсов лопнули. Пушки с боеприпасами сбросили за борт. Когда все что можно отдали морю, оставалось только молиться.

От всей команды в пятьдесят человек осталось чуть меньше половины. Помпы работали не останавливаясь, люди падали с ног от усталости, но продолжали бороться за плавучесть. Силы неравные, вода прибывает от накатывающихся валов. Нас еще спасает крепкий корпус. На этом писать кончаю, надо идти менять Питера, если спасемся хвала Господу Богу и Пресвятой Деве Марии. Спаси и сохрани наши души.

28 апреля 1671 года. Впервые выдалась свободная минута и можно записать о нашем счастливом спасении. На рассвете 18 апреля, когда сил едва хватало за что-то держаться, мы только молились. Шторм стих, и мы дрейфовали, но наши часы были сочтены. Расшатанный набор корпуса больше не

держал воду, мы тонули. Надеяться на спасение бесполезно, кругом океан. И когда Стивенсон хотел покончить с собой, извергая проклятья, глаза его полезли из орбит.

– Земля, – тихо сказал он, и нож выпал из руки, он, не переставая, стал креститься. Мы все, у кого еще были силы, поднялись к фальшборту. Да, это была земля. Течение несло нас на скалы. Что решить: прыгать и плыть или отдать себя судьбе? Сил плыть нет, значит ждать и молиться.

Удар был страшен. Потерял сознание, а пришел в себя оттого, что стал захлебываться. Полулежал, полу висел на мелкой воде, на канате, привязанном к борту. Надо мной возвышалась громада корпуса «Бешенного», лежавшего на сломанном боку на песчаной отмели. Не привяжись я тогда – конец.

Всего нас спаслось семь человек, остальные погибли. Немного придя в себя, мы спешным порядком перетащили, в первый отлив, остатки вещей с корабля на берег. Работали как сумасшедшие, боялись, что приливом смоем остатки судна.

Теперь все позади. «Бешеный», разбитый прибоем, унесло в море. Мы на острове. Пища есть, порох и пули есть, кое-какой инструмент, воду нашли. На самой высокой точке поставили мачту с тряпкой, может, кто заметит. Решили дежурить по очереди.

Строим себе дом. Определить свое местонахождение без секстанта бесполезно. Хорошо, что никто не теряет надежду

о спасении.

Прожили первый месяц. Раны зажили, еды хватает. Трезвый образ жизни не дает взбеситься моим морякам. Мы устроились очень хорошо. Ведем земледелие, двое из ребят были в прошлом крестьяне. Прокопали оросительные каналы, будем надеяться на хороший урожай.

Отменили дежурства, пустая трата времени, год прошел, но, ни одного паруса. Достаточно мачты с тряпкой, увидят – причалят.

Чернила высохли. Все эти годы писать не имело смысла. Одно и то же. Но последние события заставили размочить засохший пузырек. Вчера, 23 июля 1675 года, над нашим островом пронесся ураган. Мы не пострадали. У нас сложилась традиция: тот, кто идет за водой к источнику, пока набирается кувшин, поднимается к мачте и осматривает океан. Джим перепугал нас до смерти. Корабль! Его постигла наша участь. Это были испанцы. Двух палубный галеон, Без признаков жизни, несло на наш остров. О спасении не могло быть и речи. Но там могли быть люди. Гарпер вызвался смотаться на лодке, сделанной нами, до борта и обратно. Мы не стали возражать. Он успел. Его рассказ резанул по нервам свободных людей сильнее ножа. Привезенное оружие и порох радовали, но услышанное разрывало душу.

Судно по самую батарейную палубу было загружено золотом. Захваченная посуда говорила сама за себя. Команды не было, но до нее дела нет. Но золото! Наша скромная добы-

ча казалась песчинкой в куче песка, по сравнению с тем, что должно было погибнуть.

Мы стояли все на вершине и с замиранием сердца следили, как разбилась эта посуда о скалы и затонула недалеко от берега. В солнечную погоду ее контур хорошо виден на дне. Но как достать, там глубоко. Мы должны были смириться с этим горем. А с другой стороны, зачем оно нам здесь? Ценности в мире относительны.

Я оторвал взгляд от книги и понял, что Настя давно не плетет, а смотрит на меня с побледневшим лицом.

– Ты что?

– Серега, давай посмотрим?

– А что там увидишь? Иловые заросли или вообще ничего.

– Скажи, лень идти и я тебе поверю.

– Поднимайся и бегом, чтобы меньше языком болтала.

– Зачем бежать?

– Вместо тренировки, ты ж просила научить, вот и готовься физически.

Всю дорогу бежали, сделав две остановки. Сердце прыгало в груди, мы обнялись, чтобы не упасть от усталости. Да, форму надо восстанавливать. День был, как по заказу.

Мы долго всматривались с высоты утеса в глубину, но кроме гальки и песка ничего не увидели, а метрах в пятнадцати начиналась черная пучина.

– Ничего нет.

– Его и не могло быть, Настя.

– Почему? Куда он делся?

– Прибой растащил обломки, остальное занесло песком и илом.

– Значит, он есть.

– Ты прямолинейна, но он недоступен.

– А там глубоко?

– Если они не достали, то мы тем более.

– А с аквалангом?

– Ну, ты и упрямая.

– Черт с ним, пошли дочитывать, может, мы смотрим не в том направлении.

– Хорошо, побежали.

– Опять?

– Силу надо качать, сегодня же начнем тренировки. Или не хочешь?

– Я хочу стать ниндзей черепашкой, можно.

– Хоть Брюсом Ли, вперед.

Спуск прошел легче, мы не спешили и не отдыхали.

Разобравшись с первыми листами текста, чтение пошло быстрее, с языком освоился. После кораблекрушения, шло описание быта островитян. Настю смутило описание утвари, она вся была из золота или серебра, но мы же ничего не нашли в хижине.

– Здесь что-то не так?

– Что тебе не нравится?

– Куда все делось? Корабля нет, тарелок нет, вилок нет. Где все? Выходит не мы первые?

– Это тоже не подходит. Книгу никто не трогал.

– А зачем она им? Золотишко собрали и ушли, а остальное, как ты сказал.

– Нам от этого не легче.

– Ошибаешься. Если я права, про остров знают и нас найдут.

– Согласен. И, тем не менее, я сторонник дочитать ее.

– Листай, хоть какое-то занятие.

Как я и ожидал, большого внимания заслуживало окончание бортового журнала. Вся команда дожила до старости, и постепенно каждый умер своей смертью, о чем свидетельствовала отдельная запись. Они прожили здесь пятнадцать лет.

Последняя запись гласила:

«14 декабря 1686 года. Силы с каждым днем оставляют меня. Скорее всего, это мое завещание. Я не жалею о прожитой жизни. Пусть я был грешен, но все искупилось упорным трудом. Ухожу за своими друзьями, дни мои сочтены. Я, Джонатан Смайлс уроженец Лондона, родившийся 2 сентября 1618 года, сын капеллана Хогарта Смайлса завещаю все наше золото и другие драгоценности, а также останки испанского галеона, который мы считали своей добычей, тому, кто найдет мой бранный прах. Весь нехитрый скарб я укладываю в свое ложе, и буду молиться за спасение моей греш-

ной души. Аминь.

Под записью стояло число и витиеватая роспись.

Второй раз за этот день меня пробил озноб. Это надо быть настолько тупым, чтобы не перевернуть в том доме все вверх дном. Но приближался вечер, все откладывалось до утра.

– Как ты думаешь, что там может быть? – Настя, склонив к плечу голову, смотрела на закат.

– Даже не берусь гадать. Судя по записи это вещи, если я правильно перевел. Сама знаешь, что в английском много слов с одинаковым написанием имеют разное значение. Во всяком случае, слова «gold» здесь нет.

– Никогда не думала, что стану кладоискателем.

– О, Настена! Это заразная штука, а главное опасная.

– Почему?

– В юности мы излазали все заброшенные церкви, и готовы были не оставить камня на камне лишь бы найти поповское золото.

– Нашли?

– Нет, конечно.

– А что в этом опасного?

– Могло завалить в подвале или стена рухнуть, к тому же вспомни фильмы и книги.

– А?! Пьяный Джон Сильвер вынул свой стеклянный глаз, и вместо лупы стал через него разглядывать найденный алмаз.

– Там такого не было.

– Ты такой правильный, Сережа, что зевать хочется.

– А я думал пукать.

– Следующий раз я так и сделаю. Купаться идем? – она встала и сладко потянулась. Без соблазна на ее тело смотреть было нельзя. Каждый волосок, в лучах солнца, отливал золотом, соски заострились, живот подтянут, на ногах от напряжения выделился каждый мускул.

– Вот я сейчас тебя поймаю, – затевалась любовная игра. Метнулся в ее сторону.

– Ой! – взвизгнула Настя и бросилась бежать к воде.

С визгом и криком мы подняли фейерверк брызг. Нагнал ее на глубине и ухватил за талию. Она как заправский тюлень выскользнула из моих объятий, обдав пеной. Мотнув головой, стал озираться. Беглянки не видно. Медленно перебирая руками и ногами, стал выжидать ее появления.

Что-то долго она не всплывает? Считаю до тридцати и начинаю искать. На семнадцатом счете дикая боль пронзила мою драгоценность...

– А-а-а! – что есть силы стал выгребать к берегу. Вылетел и, преодолевая боль, уставился на свой конец. На нем болтался приличный краб. Осторожно расцепил ему клешни и со злостью бросил об песок. Сзади послышался всплеск:

– Сереж, ты чего? – Настя с опаской заглядывала через плечо. Я посмотрел на нее, потом на моего раненного «богатыря» и почувствовал подвох. Моя поза оставляла желать лучшего. Я стоял полу-присев, широко расставив ноги и вы-

пятив вперед свое мохнатое хозяйство, а на лице, скорее всего, блуждал ужас, да еще руки растопырены в разные стороны.

– Не видишь, знакомлюсь с местными обитателями, это краб, который питается мужскими членами.

– Очень больно? – с каким-то странным состраданием поинтересовалась она.

– О! Это почти поцелуй Горгоны! – на этот раз она прыснула со смеха. – А! Так это твои проделки! – моей ярости не было границ, я так резко повернулся к ней, что от неожиданности, Настя качнулась назад и плюхнулась на песок. Хотелось, если не убить ее, то покалечить хорошенько. Она только закрыла глаза и побледнела, как полотно. Мои зубы скрипнули, я отошел в сторону и сел. Сука!!!

Ну, ничего, я тебя проучу. Вскочил на ноги и кинулся бежать в заросли.

– Сережа! Стой! Мне будет страшно! – неслось мне вдогонку, но я не остановился. За первыми деревьями перевел дыхание и обернулся. Настя бежала за мной до середины пляжа, а сейчас возвращалась к нашему плоту. Посмотрим, как она себя поведет в одиночестве.

Возле плота она села на песок, и, уткнув лицо в колени, принялась плакать. Побольше поплачет, поменьше в туалет ходит. Поделом.

Настя

Ну, зачем? Зачем? Я это сделала. Правда я не думала, что будет так больно. Лучше бы он меня ударил. Да-да и расквасил всю физию. Скажи спасибо, что не тронул. Только, что теперь делать и где его искать. Авось остынет, и ночевать придет. Ведь ему, наверное, хочется? Залезу в плот, а он пусть думает, что ищу, и заберется ко мне, а уж тут я перед ним повинюсь, ох и повинюсь. А слезы все текут сами по себе.

Постелила его одежду и, свернувшись калачиком, легла. Интересно, если он не вернется сегодня, что я буду есть завтра? Чего-нибудь придумаю, утро вечера мудренее. Почему, когда человек остается один, в голову лезут разные дурные мысли. Чтобы не лезли – надо спать.

Прибой убаюкивает, что-то шепчет, шепчет. Все-таки здесь хорошо, спокойно, главное есть пища и вода. Странное создание человек, рядится, одевается, стесняется, никогда не думала, что ходить голой так приятно, и чем дальше, тем спокойнее к этому относишься. Но что я буду делать, когда «дела» начнутся? Ходить с окровавленными ногами совсем не светит, к тому же, что получается, если он все время будет видеть меня раздетой, то перестанет возбуждаться, а значит и приставать. Э-э! Я так не играю. Завтра же сплету себе юбку и нагрудник. Почему он не идет? Стало себя жалко, я

показалась себе совсем маленькой девочкой, беззащитной и брошенной, никому не нужной. Как я быстро привыкла к его заботе. Когда вернется, попрошу, чтобы он стал учить меня приемам. Не век же за мужской спиной прятаться.

Но почему все мне, за что? Почему именно я попала на этот остров. Или я, в самом деле, такая плохая, и судьба меня наказывает. Опять слезы текут. Казалось бы, не холодно, а дрожь пробирает. Лежать жестко. Возилась, возилась, так и уснула в соплях.

Сергей

Пока не совсем стемнело, нашел сплетение лиан и забрался на него. Наломал листвы и устроил себе гнездо. Далеко ведь не ушел – опасно, а на дереве она не найдет, просто не догадается. Лег на спину, скрестил руки на груди и уснул.

Утром разбудил гомон птиц. Тихонько спустился, прошел к опушке: ее не видно, значит, еще спит. Если я пойду к хижине, что она может натворить? В принципе ничего. Заблудиться не должна, в незнакомый лес не полезет, а дорогу к фруктам и воде знает. А к вечеру, я ее проведу.

Говорить, что мы бегали вверх и вниз по лесу не верно, потому что он густой, мы только пытались это делать по едва различимым приметам. Тропы, если они и были, заросли травой и лианами. Но путь к хижине уже хорошо известен. Ноги сами несли. Местами, в самом деле, бежал. Форму надо восстанавливать.

Вот и нора. Протиснулся и дал глазам привыкнуть. Подобранный, по дороге, палкой сгреб останки капитана на пол. Потом надо будет их закопать. Разломать нары большого труда не составило. Да, есть сундук. Другой вопрос открою ли я его? Зря боялся, со скрипом крышка отвалилась.

Я считал, что в книгах о замирании сердца при находке кладов, пишут специально для остроты сюжета, но при виде этой клади дух перехватило моментально. Не знал чему ра-

доваться: посуде или разному оружию, драгоценностям или золоту. Глаза разбегались.

Теперь многое из написанного становилось на свои места, но дыхание не хотело восстанавливаться. Мысли ураганом неслись в голове. Сам себе усмехнулся: первое, к чему потянулась рука – оружие, потом посуда. Насколько же ценности относительноны в нашем цивилизованном мире. Золото здесь было просто металлом, ненужной грудой. Да, раньше знали толк в холодном оружии. Кортики, абордажные сабли, шпаги, короткие мечи, которые привели меня в замешательство. Откуда они здесь? Я готов был поклясться, что держу в руках настоящий самурайский меч. Но эта загадка так и осталась для меня тайной, не найдя ни объяснений, ни подтверждений моим гипотезам. Чтобы там ни было, но почерневшие от времени, они приятно лежали в руках.

Посуда тоже радовала глаз. Пузатые кувшины, кубки, подносы, столовое серебро, кофейный сервиз. Все это подняло мне настроение, конец сыроядению, но сначала надо уплатить долги – похоронить останки пирата.

Выбрал самый большой поднос и уложил на него половину останков нашего заботливого капитана, вышел наружу, и не отходя далеко, выкопал ножом яму, сложил в нее свою ношу, сходил еще раз, и после этого насыпал холмик. С помощью абордажной сабли изготовил нехитрый крест и воткнул, посидел немного над могилой. Пожалуй, теперь пора проведать шутницу?

По дороге смастерил себе простейший пояс из лиан, потом сделаю основательнее. Прокладывать путь саблей куда легче, чем обходить незначительные заросли.

Настя

Открыв глаза, с наслаждением потянулась. Сразу вспомнила, что одна. Подумаешь, мне еще проще. Первым делом надо искупаться. Заплыла на середину лагуны и легла на спину. Волны чуть качают. Настоящее блаженство, как в раю. А почему как? Он, наверное, и был таким. Здесь ничего не менялось сотни лет. О еде думать не надо, об одежде тоже, делать нечего, красота! А зачем нам все остальное? Машины, дома, заводы, работа? К черту все! Так лежала бы и лежала. Ни какой головной боли; спи, ешь, купайся, загорай. Может вообще здесь остаться? Мужик есть и остальное в наличии. Что еще надо?

Легкое чувство голода заставило вернуться на берег. Доела остатки вчерашней снеди. Взгляд упал на незаконченную корзину. К черту! В раю, значит в раю! Чем я ни Ева. Такая же голая, свободная и красивая. Развалилась на песке и рассмеялась своему счастью. А вначале ныла, дура! Здесь вон как замечательно...

Солнце стало печь нещадно, пошла в воду. После плавания захотела есть. Опять за бананами тащиться, да и пить хочется. Лес окутал духотой. Деревья уже казались знакомыми и не пугали, как в первый день. Интересно сколько мы здесь? А какая разница? Берег скрылся за листвой. Скоро огромное дерево, от него влево, там узкая лазейка. Но, подойдя к

этому великану, сердце в груди екнуло и учащенно забилося. Я боялась поверить в увиденное. Прямо на пути зияла дыра из порубленных лиан. Срезы свежие, сок еще капает, но звуков топора я не слышала. Кто это сделал? Сергей или кто другой? Со стороны лагуны это почти прямая дорога, и если бы шли с берега, то обязательно нашли меня, но там пусто. Значит, шли сверху, кругом круча и причалить негде, следов человека мы не нашли, ну, Серега, напугал! Все-таки нашел он сундук. Последуем его примеру.

Дальше шла, не думая, по проложенной тропе. В считанные минуты добралась до банановой рощи. Но... Да, но... Видит око, да зуб неймет. Лиса и виноград. Ничего, Сережа, я тебе докажу, что и мне можно что-то доверить. В детстве, как обезьяна по деревьям лазила, а здесь еще и лианы есть. Не хуже Тарзана получится.

После нескольких метров подъема по стволу дерева, мне совсем расхотелось быть Тарзанкой или Тарзанихой, не знаю, как правильно, но знаю, что ободралась вся, это точно. И вообще лазить по деревьям голышом это извращение. И бананы станут, не нужны. Но очень кушать хочется. Наконец намеченная гроздь рядом.

Все ногти обломала об заразу такую, тяжелая гадина, никак отрываться не хочет. Ну, ничего! Мы тебя не нытьем так катаньем возьмем. По одной штуке надергаю...

Да, если так питаться, то скоро стану, похожа на один саднящий синяк. И куда эти чертовы бананы запропалились, я

же их старалась кидать на открытое место. Из всех сорванных нашла всего с десяток, а нести их как? Вот тебе и корзина вспомнилась. А пить, как хочется! Ох! Дорогой трудную мы в город Изумрудный придем когда-нибудь. Шагай, Ева драная!

После воды, как на свет народилась. И во всем-то он прав, этот мужик. А-а! Он, небось, как царь Кощей над золотом чахнет. Как я раньше не догадалась. Бросила свои запасы у воды и вприпрыжку побежала к хижине «дядюшки Тома».

Тихо, пусто, только крест свежий появился.

– Сережа! – молчание, никого.

Крышка легко поднялась, тут я и села, не веря своим глазам. Этого не может быть, как в сказке: золото, бриллианты, рубины, жемчуг, браслеты. Страшно прикоснуться, вдруг проснусь. Положила руку сверху – холодное. Искушение было выше моих сил. Надо примерить. Выбирала долго, потом решила посмотреться в ручье.

Черная гладь скользящей, по отполированному камню, воды отразила совсем незнакомую мне девушку. Сколько я не смотрела на себя? Широко раскрытые карие глаза смотрели с восхищенным удивлением с загорелого лица, которое обрамляли темно-русые вьющиеся, длинную до груди, волосы. Над челкой, переливаясь всеми цветами радуги, блестела маленькая бриллиантовая диадема. Длину загорелой шеи подчеркивали три нитки жемчуга разной длины. На левой руке змейкой извивался серебряный браслет с позоло-

той, подмигивая рубиновыми глазками-точками. На среднем пальце правой руки мерцали слезки алмазов в тончайшей оправе кольца. Я встряхнула головой, не веря своим глазам, и мочки ушей покрылись каскадом мельчайших искр от се-режек искусной работы из тех же камней и металла. Присела на валун и с грустью стала перебирать в руках свою маленькую корону.

Принцесса без постели и нарядов. Да, да... Новое платье короля... От обиды слезы сами побежали по щекам. Красивая, а для кого? Для этого солдафона? Или для этих попугаев? Попка дурак – к! Попка ду – рак – к! Тьфу! Черт бы вас всех побрал, вместе с вашим раем! Кому я здесь нужна?! Даже трахнуть не кому! Гады! Все гады! Банан что ли съесть с горя? Стоп! А где они? Я же их здесь оставила? Это совсем подло!

– Серый! Выходи! Я знаю, что ты здесь! Мы квиты! Слышишь?! Я согласна на все! Только выходи! Несносный мужик! – нервы не выдержали, и разревелась в голос.

Легкий шорох заставил вздрогнуть и обернуться. В траве стояла золотая чаша, наполненная кокосовым молоком. Осторожно, боясь расплескать, поднесла ее к губам, и с жадностью стала пить это райское наслаждение. Хотела сесть удобнее и чуть совсем не упала – перед ручьем стоял огромный серебряный поднос, полный отборных бананов и каких-то еще плодов.

– Я приветствую мою королеву! – повела глазами в сторо-

ну голоса, и рот сам собой открылся от изумления. Такого я уж совсем не ожидала: в двух метрах от меня стоял воин с копьём в руках и полной боевой раскраске. Я просто потеряла дар речи.

– Не падай в обморок русалка-Настя! Это всего лишь – я.

– Ох! Ну и денек! Ты, что смерти моей хочешь?

– Нет. Только даю понять, что надо жить вместе и дружно, а будешь еще шутки выкидывать, исчезну и все. Ну, как – мир?

– Мир! Чумазенький! Мир! Куда ж я от тебя денусь? – я бросилась ему на шею и, наверное, именно в этот момент поняла, какой он по-настоящему добрый и самый близкий.

Сергей

Не вижу смысла вспоминать и пересказывать каждый день, прожитый на острове. Пробежусь вкратце по основным моментам, чтобы потом избавиться от дополнительных пояснений.

Это была наша последняя ссора, и дни стали почти как близнецы. В сложных ситуациях всегда выручает выработанная привычка. Чтобы не сойти с ума от безделья, я настоял на каждодневных занятиях и тренировках. Начали с искусства выживания в безвыходных положениях: что есть, где взять воду, как развести огонь, где прятаться и как, умение маскировки, охотиться и ставить силки, делать ловушки, владеть всеми видами холодного оружия. Почему-то у нормальных людей холодным считается только нож или сабля, а ведь почти все предметы, окружающие нас, можно отнести к этому виду.

Учеба была сложная, трудная, но нужная. Я сделал нам луки, копья, бумеранги, нунчаку, булавы, шесты. Я упорно учил Настю премудрости владения всем этим. Она сильно изменилась: посерьезнела, посуровела что ли; глаз стал зорче, рука тверже, ноги быстрее, все тело, как пружина.

Оружие это хорошо: ножи, сабли, мечи, шпаги и прочее добро, все отработали до автоматизма. Иногда меня даже поражало ее упорство, она не желала ни в чем отставать от ме-

ня.

Великолепно когда что-то есть под рукой, а если нет? Точность, техника, сила духа, внутренняя энергия, знание анатомии, надежнее всякого железа. Трудно давалась Настёне эта наука, но увлечённой всего она занималась этим с завязанными глазами. Пришлось рассказывать об основах биоэнергетики, экстрасенсорики, самоконтроле и самолечении. Кто-то, может быть, возразит: зачем девушке весь этот багаж? Она, что, профессиональный убийца или «Бабетта идет на войну»? Ответу очень просто, ни какое знание не бывает лишним. А если вспомнить, что на дворе 1990 год, в стране, в огромной Матушке-России, полная неразбериха. Нужно уметь постоять за себя всегда, а молодой девушке тем более, от всяких хамов уберечься. И прошу учитывать, что двое человек в изоляции от общества – очень мало, чтобы остаться в здравом уме. Всегда лучше быть занятым делом, чем гадать, что принесет завтрашний день, хуже нет неопределенности.

День за днем трудились над самосовершенствованием. Появились привычки, традиции, комбинации, условные знаки, мимика, жесты. Одну из традиций мы даже взяли у пиратов: поднимаясь за водой, заходили на смотровую площадку, не теряя надежды на окончание отшельничества.

По вечерам, если не занимались ночью, мы философствовали у костра, докапываясь до разных истин. В рабочие дни мы трудились на грядках, охотились, рыбачили, но плот для

этого дела был слишком громоздким, поэтому, между делом, где выжег, а где выдолбил нам пирогу, она, конечно, получилась корявенькая, но плавала и была легкая в ходу и управлении. Пицца наша разнообразилась птицей и рыбой. Короче у нас было все – кроме хлеба, даже вино я делал из фруктов, отличное сухое вино. Но вот курить бросил. Мы жили с родни спартанцам: голые, загорелые, сильные, ловкие, умные. Никакой черт нам был не страшен.

Так, худо-бедно, пробежали три с лишним года, которых в делах мы особо и не заметили, только палочки прибавлялись. Вы спросите: а дети? Почему у нас не появились дети? С одной стороны, сложный вопрос, с другой – мы четко осознавали, что жизнь на острове не сахар. Обрывать на жалкое существование еще и маленькую крошку, не стоит, к тому же, кто знал, что нас ждет впереди, после возвращения с острова в нормальную жизнь; кто из нас останется, жив здесь, в этих условиях. Все-таки мы считали себя ответственными людьми и к таким вопросам старались подходить взвешенно. Поэтому с моей стороны приходилось соблюдать особую осторожность в моменты наших любовных игр.

Я копался в огороде, когда прокричала сорока. Удивлению не было границ. Условный сигнал означал: «Кто-то идет». Кто может идти, если мы здесь одни? Наверное, Настя что-то перепутала? Поднялся к ней на смотровую площадку, коль у источника ее не было.

– Настя, ты что трещишь?

– Смотри сам – ее глаза озорно блеснули.

Я глянул в указанном направлении, и как током ударило! Яхта! Одномачтовая яхта! Курсом на остров!

– Разводи костер, а я пойду навстречу, – но убежал я не сразу, с минуту наблюдал за маневрами корабля – лежит в дрейфе, паруса нет, значит, несет течением, если не предупредить или сам не свернет – разобьется. Мои действия ясны. Вперед!

Отмахав спуск бегом, спихнул пирогу в воду и погнал ее к выходу из лагуны. Это была первая моя вылазка за пределы острова. В отличие от Робинзона Крузо, мы не предпринимали попыток покинуть наше пристанище из-за абсурдности затеи.

Внутренние часы отсчитывали минуты, времени было в обрез. Грести становилось все труднее, течение, которое нас забросило в лагуну, не хотело пропускать к спасительной яхте. Я шел наперерез, иногда делая поправку взглядом. Еще издали увидел стоящего на носу человека, он махал мне призывно рукой.

Через несколько минут борта ударились друг о друга. С причальной веревкой в руке, перемахнул через леерное ограждение, я замер перед ним, заметив на его лице удивление, смешанное с испугом. Глаза мужчины изучали меня с головы до ног. Я опустил взгляд и понял его недоумение – перед ним совершенно голый человек. Усмешка скривила мои губы.

– Вы говорите по-английски или по-немецки? – был мой вопрос.

– О! Конечно, по-английски! Что заставило Вас так спешить?

– Причина одна – Вам грозит смерть, если не измените курс!

– Это невозможно, яхта неисправна, экипаж весь погиб во время шторма, а я в ней ни черта не смыслю.

– Хреново – констатировал я по-русски.

– Что Вы сказали?

– Уходить надо, говорю.

– А понятно... – он стоял в растерянности.

– Что стоишь, как столб! Собирайся, пять минут на сборы, действуй! – приказной тон повлиял на незнакомца, как удар хлыста.

Пока этот папаша ковырялся в каюте, спустился в машинное отделение. Под ногами хлюпала вода. Секунды раздумья, но попытаться стоит, несколько минут риска, а тогда грести, что есть дури.

Пробежал глазами по табличкам, ох, эта западная педантичность, здесь и первачок разберется. Стал щелкать тумблерами, загорелись контрольные лампы на приборном щитке. Аккумуляторы работают, включил зажигание – двигатель заурчал, но не завелся. За этим занятием меня застал хозяин.

– Я уже пробовал, пустое – он безнадежно махнул рукой.

– Что с ним?

– Не знаю, заглох и все. В молодости был плохим учеником, а теперь недосуг.

– Вы собрались?

– Да. Все вещи в Вашей лодке.

– Идите наверх, я Вас сейчас догоню, – печальным взглядом пробежал по мертвым приборам. Что может быть? Много раз сталкивался с тем, что в таких случаях дело в ерунде... Вот и здесь... Переключатель – запасной бак – шелк. Зажигание... Урчание... Чихнул и ... Завелся! Завелся, черт его побери!

Мухой вылетел на палубу.

– Привяжите лодку к корме! – приказал я. Седеющий мужчина смотрел на меня со слезами на глазах.

– Быстрее! – рявкнул я, на сантименты не оставалось и минуты. Утесы стали четко видны, и доносился шум прибора. Из штурманской рубки увидел на обрыве знакомый силуэт. Настя сигналила опасность. Не бойся, голубка, теперь прорвемся.

Под моей рукой яхта вздрогнула, как застоявшийся конь. Да! С такой мощью никакое течение не страшно. Круто дал лево руля, все оказалось исправным.

Победителями, на малом ходу, мы вплывали в лагуну. Настя махала рукой с берега. Я отдал якорь и жестом пригласил незнакомца в пирогу, он повиновался.

Втроем втащили долбленку подальше на песок. Пережитое напряжение было столь велико, что первым делом присел

отдохнуть. Очень интересно со стороны наблюдать за нашим гостем. Его глаза, полные удивления, перебежали от меня к Насте и назад. Он ничего не понимал.

Роберт Стрент

Не знаю, что на меня так подействовало: напряжение последних дней, земля под ногами или эти открытые, загорелые лица молодых людей, но мои ноги стали ватными, и я сполз на песок возле борта этого странного плавсредства.

Боже мой! Страшно вспомнить, что довелось пережить, как только сердце выдержало? Да, возраст дает о себе знать. Раньше такое приключение посчитал бы за счастье, а теперь испугался. Кто бы мог подумать, что мы попадем в такой шторм? Воистину всех богов вспомнишь!

С вечера так хорошо сидели с Денном, выпили, звезды, как в сказке, а под утро этот ад! Ведь если так рассудить – меня спасло то, что я не вышел на палубу, и только слышал обрывки фраз:

«Парус сорвало...»

«Джеймс! Джеймс! Держись!.. Бросьте ему конец!»

«Сандерс, у меня перебита рука! Я не удержу штурвал!»

Потом только вопли и ... страшное молчание. Да, пожалуй, я слишком стал любить жизнь. Другой вопрос, что ее остаток передо мной будут вставать картины увиденного утром, и слышать их предсмертные крики. Бедный Дэн и его команда.

Двери в штурманской рубке нараспашку, на потолке

кровь, от паруса одни ключья, снасти порваны, спасательных кругов нет, шлюпки нет, ни одна из систем связи не работает, компьютер потух... Страх, да и только.

Три дня одиночества, а может больше?..

– Какой сегодня день недели?

– Среда, – ответили мне.

– Выходит, я плывал восемь дней?! Ого! Куда же меня занесло? И чего ждать от этих туземцев? Правда на аборигенов они не похожи, но почему совершенно голые? Но английский почти без акцента. Надо будет с ними держать ухо востро.

– Вас можно поздравить с днем рождения, – с грустной улыбкой обратился ко мне юноша.

– Почему Вы так считаете?

– Вас несло прямо на скалы. Не Вы первый, кого постигла подобная участь. Мы такие же жертвы урагана как и Вы. Давайте знакомиться, раз представить нас некому. Сергей Беркут, – рослый парень протянул мне руку. Я с трудом поднялся, обтер ладонь о штанину и с еще большим удивлением произнес:

– Роберт Стрент. Так Вы русский?!

– По паспорту русский, но это не принципиально, моя жена – Анастасия.

– Очень приятно, – ослабилась я, и чуть не охнул, моя рука будто попала в тиски. Вот это женщина! Ее глаза смотрели спокойно и в тоже время игриво, тая в себе какую-то

загадку. Темно-русые волосы рассыпались по шоколадным плечам до самого пояса. Здесь сердце мое екнуло: на, сплетенном из травы, ремне болтались ножны, из которых торчала рукоятка кинжала тончайшего серебра, отделанная рубинами. Вот она тайна! Сергей перехватил мой взгляд. Ничего видимого не произошло. Я хотел скрыть замешательство, но он меня опередил:

– Давайте разгружаться, – улыбнулся мой гид без тени подозрений в голосе и сделал шаг в сторону пироги. Я повернулся к нему.

– Один момент, Серж, – по горячим следам я хотел задать вопрос Стаси по поводу кинжала, но девушки уже не было. Челюсть сама собой поползла вниз. Не прошло и минуты, да какой минуты, секунды еле проскочили как я отвел глаза, и вот ее уже нет на пустынном пляже, где и взгляду зацепиться не за что. Ничего не оставалось делать, как идти помогать хозяину острова. А может и не острова?

– Мне немного неудобно перед Вами, Роберт, за то, что накричал тогда, но иначе было нельзя.

– Вы говорите ерунду, Серж. Я Ваш должник.

– Как знать? Кто у кого окажется в долгу? Давайте покончим с делами, а потом поговорим.

– Согласен.

С непривычки очень устал от переноски тяжести. Обливаясь потом, присел отдохнуть в тени пальмы. Переводя дыхание, озирался по сторонам. Да здесь райский уголок:

растительность, птицы, почти как на Гавайях. Неожиданно, как тень, из-за деревьев показалась Стаси, неся за плечами огромную корзину с

бананами и другими плодами. Как же ей не тяжело под таким грузом, продолжал изумляться я.

– Прошу к столу, – донеслось из-за кустов. Выйдя на звавший голос, я просто остолбенел: на поляне стоял плетеный стол и стулья; на широких листьях пальм громоздились горки копченой и жареной рыбы и дичи, печеный картофель, зеленый лук, укроп, петрушка, свежая морковь, бананы, кокосы, глиняные кувшины, жареная колбаса. В общем, у меня глаза полезли из орбит. Притихший я сел за стол, потеряв дар речи.

– Уважаемый, сер Роберт, по старинной русской традиции гостей принято встречать хлебом-солью, но вот парадокс – хлеба-то у нас и нет, а остальное, что в печи, то на стол мечи. Угощайтесь, чем бог послал, – лица этих ребят сияли улыбками и мне было стыдно подумать, чтобы у них за душой был какой-нибудь камень, но тайна все же витала в воздухе. Интуиция бизнесмена никогда не обманывала меня. Поживем, увидим.

Такой еды я не ел в своей жизни ни разу, хотя образ ее позволял испробовать все кухни мира, и я себя считал неплохим гурманом. Но такого! Не было...

Под конец трапезы завязался долгожданный разговор. Вконец разомлев от угощений, я с увлечением выслушал ис-

торию моих гостеприимных хозяев. По завершению рассказа не выдержал и спросил:

– Извините, мисс Стаси, а кинжал, что висел у Вас на поясе? Это как-то связано с пребыванием в данном живописном месте? – она одарила меня одной из прекраснейших улыбок, которые я когда-либо видел:

– Хорошо себе представляю Ваше любопытство, сер Роберт, но прежде чем ответить на все вопросы, нам бы хотелось узнать судьбу этой красивой яхты и ее владельца, если не ошибаюсь?

– Должен огорчить, хозяин мой друг Дэн погиб во время шторма, – поправил я, а про себя отметил, что в деликатности девушку упрекнуть нельзя. Впрочем, они правы: информацию за информацию.

– Мне шестьдесят семь лет. По настоянию родителей и с их помощью закончил колледж и университет. Имею степень бакалавра химии. После смерти отца, его состояние и несколько химических корпораций перешли в мои руки. Вот уже около двадцати лет являюсь генеральным директором, что дает возможность жить по своему усмотрению.

А на яхту я попал по приглашению моего друга Дэна. Сам я живу в Лос Анжелесе, а он в Сент-Петербурге. Вот и представьте, я на тихоокеанском побережье, а визави возле Атлантики. Мы обычно где живем, там и рыбу ловим, но здесь позвонил старый знакомец. Отказать не нашлось предлога, сел на самолет и к нему, дела обсудить, ну и рыбки половить,

здесь шторм разыгрался, и я попал к вам.

Вы, русские, почему-то считаете, что если у человека миллионное состояние или проценты с банковского счета позволяют ничего не делать, то мы сидим сложа руки, чушь, смею вас заверить, – я взял протянутый мне кувшин и сделал глоток. Напиток был сродни нектару. Несколько минут прошли в молчании.

– У меня нет слов! Вы маленькие волшебники. Так на чем мы остановились?

– Вы пытаетесь нас убедить, что мы ничего не знаем об американских бизнесменах.

– Я не хотел вас обидеть, но из последних общений с вашими предпринимателями складывается впечатление о предвзятом ведении дел.

– Не будем вдаваться в эту полемику, и чтобы подвести общую черту разговора об экономике и деньгах, скажу, что ни один здравомыслящий хозяин не откажется от нескольких миллионов долларов, хоть у него их будет миллиард.

– В какой-то степени Вы правы, Серж, но дело не в деньгах, а...

– А в их количестве хотели Вы сказать?

– Как раз ошибаетесь, а в умении их правильно вложить, чтобы они всем приносили пользу.

– Даже так?!

– Естественно. Ведь благотворительность освобождает от налогов. Это целая наука.

– Хотелось бы верить, что Вы поможете нам правильно распорядиться своими сбережениями в случае нашей удачной сделки?

– Ребята, вы смешные люди! Какие могут быть сбережения у журналиста и официантки? Две, три тысячи долларов?

– Мне кажется, что разговор принимает сугубо деловые рамки? Настало время вопросов, только должен сделать оговорку, играем начистоту, по-джентельменски. Мы нужны друг другу. Вы согласны?

– Откуда такое недоверие, Серж? Разве я дал повод?

– Мне бы очень не хотелось, чтобы блеск золота затмил Ваш разум, а такое с другими случилось. Вы согласны играть на равных?

– Сплошные загадки и недомолвки, в конце концов я ваш пленник и без посторонней помощи мне отсюда не выбраться! Я вам в отцы гожусь, что за подозрительность?

– Извините, мистер Стрент, Сергей не хотел Вас обидеть. Кстати, о детях, они у Вас есть?

Сердце вновь сжалось, наверное, эта боль не оставит меня до конца жизни.

Судьба-злодейка оставила меня среди людей, оторвав самый дорогой кусочек сердца. Глубоко вздохнув я ответил:

– Видишь ли, юное дитя. У меня была жена, сын и дочь. Мы должны были возвращаться из Европы всей семьей на самолете. Но дела складывались неважно, и я вынужден был остаться, а своих со спокойной душой проводил домой.

Те, кому, моя компания доставила большие неприятности, решили отомстить одним ударом, но они просчитались, погибла вся моя семья, а я остался жить.

Ей исполнилось сорок три, сыну семнадцать, а дочери пятнадцать. Все! Все рухнуло в один момент... Я не хотел жить... Зачем?.. К чему все эти миллионы? Для кого?.. Мне?! Кому я их оставляю? Я все потерял! В один момент потерял! К черту все! Я хотел застрелиться... – я тяжело дышал и молчал, опустив голову на грудь, слез не было, уже давно не было.

– Я решил жить, чтобы отомстить, да и умирать я не имел права...

– А давно это случилось?

– Десять лет назад. С тех пор я один, – глубоко вздохнул и закурил любимую сигару.

– Выходит, что они чуть моложе нас?

– Да Серж, вот они, – я протянул бумажник с фотографией семьи. Они долго рассматривали снимок, о чем-то в полголоса переговаривались по-русски. Я не вникал в смысл спора, жил минутами расставания со своими: поцелуи... улыбки... взмахи рукой на трапе самолета. Все в прошлом. Потом Стаси выпрямилась и стала с еще большим жаром что-то доказывать своему другу.

– Сер Роберт, скажите ему хоть Вы, что он не прав!

– А Вы думаете, что мне понятен происходящий спор? – я прищурился от попавшего в глаза табачного дыма.

– Да, вот же смотрите сами. Я говорю, что Серега похож на вашего сына, как две капли воды?

Взял возвращенный бумажник, и автоматически стал сравнивать два лица. Верил и не верил своим глазам, мне приходилось признавать, что молодой глаз Стаси уловил определенное сходство с поправкой на возраст.

Или от напряжения, или от вновь нахлынувшей боли, слезы потекли по щекам помимо моей воли.

– Роберт! Что Вы? Не плачьте! Я не хотела причинить Вам боль! Простите сердечно, очень Вас прошу! – Стаси стояла на коленях сбоку моего стула и своей нежной, молодой ладошкой гладила мою морщинистую руку. От этого неожиданного порыва девчонки, стало еще больнее. Нет сил больше сдерживаться, рыдания непроизвольно вырвались из груди, обхватил руками голову этого юного создания и дал волю накипевшим чувствам. В голове опять побежали картинки прошлого: жена, дети...

Видимо, я сам не заметил как уснул. Сон, вероятно, был очень крепким, потому что когда открыл глаза, то лежал в плетеном гамаке. Солнце садилось. Ребят нигде не было видно. Тихонько поднялся. Вышел на берег – пусто. Походил немного чтобы размяться. Блудить по острову на закате дело опасное – можно заблудиться. Вернулся к столу, очистил банан. Интересно, где они есть? Хотелось бы знать, поняли ли они чью жизнь спасли? Ведь для русских я эксплуататор, капиталист, можно сказать – враг, для простого обывателя.

Что они сейчас из себя представляют, железные люди? Чего от них ждать? Может весь этот теплый прием только уловка, чтобы ослабить мою бдительность? А я еще разнюнился, как баба. Самое противное, что для подозрений есть почва – кинжал, который неизвестно куда испарился. Они упорно о нем молчат. Почему? Боятся, что отниму, смешно: возраст не тот. Дома другое дело, там есть кому этим заниматься. Другой вопрос буду ли я тратить на это время? Факт остается фактом – меня не ждали – иначе подготовились бы. Что теперь об этом? Лучше обдумать варианты на будущее. Если они жертвы, как и я, то, что им надо – вернуться? Если нет, то это, скорее всего выкуп, который отпадает, потому что связи нет, если только они не воспользуются яхтой, оставив меня здесь, как заложника. Веселенькая перспективка! Убивать меня, им смысла нет. Не думаю, что они людьми питаются. Как не крути, а ничего особо плохого не выходит. Но к чему эти прятки с кинжалом? Есть только один логичный вариант – они боятся меня. Ход мыслей прервал шорох.

– Мы Вас не испугали?

– Нет, Серж, все в порядке.

– Как у Вас дела?

– О, кей!

– Это самое главное. Вы любите ночную рыбную ловлю?

– Я даже не знаю, – простодушно признался я.

– Дело в том, что у нас здесь каждая минута расписана, а

Ваше появление выбило нас из колеи. Поймите правильно –

по-другому не выжить, к тому же у меня есть к Вам деловой разговор. Согласны?

– Нет проблем.

– Мы отчалили на пироге, на носу ее горел смоляной факел. На дно Серж положил острогу, которую в темноте я толком не рассмотрел.

Несколько минут мы плыли, молча, потом он опустил весло и какое-то время смотрел на огонь в тягостном раздумье.

– Я специально увез Вас, чтобы поговорить наедине. Настя очень болезненно переживает Ваше появление. Как мы уже говорили, наше пребывание на острове длилось не один год. С одной стороны, мы привыкли к жизни дикарями, многие наши понятия и принципы очень сильно изменились, хотя бы ходить одетыми. Но не это главное, суть в том, что здесь жизнь гораздо чище во всех отношениях: моральном, физическом. Настя несколько раз поднимала вопрос о возвращении, но у нее больше аргументов за то, чтобы остаться здесь.

Вдруг появляется Вы... Все вновь, но уже реально, а не в мечтах, и с еще большей силой. Тяжело представить, сколько стоило мне труда убедить ее в том, что Вы один отсюда не выберетесь. Поэтому мы здесь одни.

Теперь я отвечу на все вопросы и развею загадки. Такое вступление было сделано специально для того, чтобы Вы поняли, что Ваш отказ нас совершенно не испугает. Наша проблема и загадка заключается вот в чем, – перед моими глаза-

ми оказалась острога, если ее можно так назвать. Это орудие было сделано из двух палок, связанных т-образно, а к малой прикреплены три кинжала.

– Но послушайте, Серж! – я буквально подпрыгнул на месте. – Этим ножам нет цены! Вы с ума сошли, ловить ими рыбу?!

– Именно это я и имел в виду. Это семнадцатый или шестнадцатый век. Поэтому Вас спрашивали, не помутится ли рассудок при виде золота. Только, что Вы заставили меня сомневаться в этом. Вдали от людей подобные вещи имеют только прямое назначение и никакой ценности не представляют. Вы согласны с этим?

– Я должен обдумать Ваши слова.

– Весь застольный разговор о Вашем достатке и наших сбережениях был заранее продуман. У нас не только эти ножи, а гораздо больше, причем в таком количестве, что это может показаться чистой фантастикой.

Если бы я не держал в руках его орудие, то решил бы, что это чистый блеф. В определенном возрасте мне пришлось переболеть «золотой лихорадкой», но я не думал, что мой иммунитет к ней настолько слаб. С другой стороны, что мне еще нужно? Все у меня есть, жизнь на закате. Денег столько, что их количество уже не имеет значения. Пожалуй, я могу теперь наслаждаться этим только эстетически, а игры в золотоискателей оставить молодым.

– Хорошо, Серж, могу Вас успокоить, мне от этого богат-

ства не надо и гроша. Распоряжайтесь им сами, – он ответил не сразу.

– Это не деловой разговор. Я не буду до конца спокоен, если не буду знать, что Вы заинтересованы в этой сделке. Давайте работать на равных условиях и честно.

– Правильно ли я понял, что мне предлагается пятьдесят процентов?

– Именно так, а все расходы в равной доле, как сейчас, так и потом.

– А что потом?

– Золота здесь столько, что оно просто не уместится на яхте, к тому же его еще надо поднять со дна океана.

– Должен признаться, что это пахнет, в самом деле, какой-то фантастикой или очень крупной авантюрой?

– Мы с Настей сначала тоже не поверили.

– Ладно, не буду спорить, на этот разговор может уйти много времени, а сейчас уже глубокая ночь. Что конкретно требуется от меня?

– Вы забираете нас отсюда и помогаете первое время устроиться в Америке; вид на жительство и прочее.

– А почему не в СССР?

– Не хочу делиться с дармоедами.

– А Вы не патриот.

– Послушайте, Стрент, не давите на больное место! Отказываетесь, так и скажите прямо!

– Запомните, Беркут, деньги и политика не терпят нев-

растеников, нужен холодный и точный расчет. Ни одно решение не должно приниматься сгоряча. И уж если Вы, чета Беркутов Серж и Стаси, просите меня о помощи, то извольте считаться и с моим мнением, и разговаривать подобающим тоном партнеров. – Я перевел дыхание, и уже более спокойно добавил:

– Пока я не узнаю детали сделки и не оговорю с вами все условия, никакого решения принимать не стану, чего бы это мне не стоило, хоть жарьте на костре.

– Извините, сер Роберт, – он как мой сын в детстве опустил голову и тихо сопел.

– Успокойтесь, Серж, принципиально я согласен с предложением, но Вы даже не представляете себе насколько оно серьезно.

– Давайте на сегодня мы закончим переговоры, и как говорят: «утро вечера мудренее». Где Вам удобней будет спать, на яхте или у нас в шалаше?

– Для полноты ощущений, останусь с вами, если не возражаете?

– Нет проблем.

Стаси спала в гамаке. Проходя мимо, я видел при свете факела ее блаженное лицо. Боже мой! Она еще совсем девочка.

В шалаше горел чадающий светильник. Правда, это был скорее маленький домик, добротный сделанный из дерева и листьев, но света было настолько мало, что рассмотреть его

не удавалось.

– Располагайтесь, отдыхайте, сколько считаете нужным, – тут меня постигло маленькое разочарование: заботливая Стаси перенесла часть постели с яхты и застелила нехитрые нары. Но экзотики на этот день и так хватало с избытком. Спать, спать, спать!..

Сергей

Напряжение вчерашнего дня так и не спало, а только усилилось от тягостного молчания Насти. Я ловил ее осторожные взгляды и понимал, что должен заговорить первым. Стрент спал, как младенец. Настя отправилась за водой. Догнал ее на тропе и нежно притянул к себе:

– Киса, ты грустишь?

– Мне жалко всего этого... А может быть я просто боюсь неизвестного... Мы много раз говорили об этом, а когда оно наступило – страшно. Если бы, тогда, сразу – нормально; сейчас дрожь пробирает от одной мысли, что мы вернемся в мир людей не корреспондентом и официанткой, а мужем и женой – миллионерами, которые даже не знают как вести банковские счета. Не знаю, Сережа, не знаю, ничего не знаю...

– Здесь нам тоже казалось страшно, человек ко всему привыкает. Нас никто не заставляет спешить выходить к людям. Освоимся, приглядимся, подучимся. Не забывай, мы вместе, а это главное.

– Какая у него была реакция?

– Мы все правильно рассчитали, вообще нормальный он мужик.

– А вдруг он сдаст нас полиции, выдаст за сумасшедших, и упрячут нас в клинику?

– Настя, ты забываешь, что мы давно вне закона, пропавшие без вести, почти покойники, а покойника даже убить нельзя.

– Кстати, убить? А без него мы уйдем отсюда?

– Круто закручен сюжет! Ты, что, Киса, на солнце перегрелась? Это человек первого десятка, мы ничего не сможем доказать, вернувшись на его яхте. Это первое, а второе, ты пойдешь его кончать? – она, молча, покачала головой.

– Просто голова идет кругом. Столько всего навалилось.

– Если здесь мы выжили, то там...

– Там люди, жадность, злость...

– Знаю, и все равно любовь должна восторжествовать. Я верю в наши силы. Читай по губам...

– Я тебя люблю, – она нежно обвила мою шею руками, поцелуй был долгим и сладостным.

– А теперь, солнце мое, стоит порадовать нашего старика красотой молодости и драгоценностей. Будь королевой, краса ненаглядная, – подтолкнул ее под мягкую загорелую попку к хижине.

– Ммя, – улыбнулась она и поступью пумы исчезла в зелени.

Наполнив кувшины водой, вернулся на берег. Наш гость наслаждался в это время плаванием.

– Когда закончите, приходите завтракать, сер Роберт!

– Уже иду, Серж, – он вышел из воды посвежевший, отдохнувший. Расположились за столом. С довольным видом

Стрент растянулся в плетеном стуле и задымил сигарой.

– Должен признать, что вы в самом деле самые счастливые люди. Все утро размышлял над вчерашними разговорами и во многом согласен с Вами. Но хочу отквитаться за те загадки, которыми вы меня терзали. Я вам тоже сделаю предложение, но не сейчас, а чуть позже. А какое, помучайтесь в догадках! Хо-хо!

– Я смотрю у Вас отличное настроение?

– Вы заставили меня пережить вчера очень сильное напряжение, что кровь быстрее побежала в жилах, чувствуешь себя моложе. И давайте перейдем на «ты» у нас в Америке не принято говорить «Вы».

– Как скажешь, но ты мне в отцы годишься?

– Ничего, привыкай, привыкай!

– Так и кажется, что ты сейчас запоешь?

– Толи еще будет, а где, кстати, Стаси?

– Одевает, если так можно выразиться, новое платье Королевы, – на последних словах улыбка с его лица постепенно сползла, и он стал медленно подниматься со своего места. Я знал, что Настя большая выдумщица, но на этот раз она перещеголяла саму себя.

Медленно ступая, в полосу света вошла фея из сказки. В волосах сияла большая диадема, в ушах иголки алмазов, на шее ажурное кольцо, на которое было больно смотреть от брызг ослепительного света. Округлость груди подчеркивали нитки жемчуга пробегающие под полушариями. Тонкая та-

лия перехвачена серебряным поясом, к которому крепились ножны из слоновой кости инкрустированной платиной и рубинами, рукоять кинжала была выполнена в форме прыгающей пумы с глазами из изумрудов. На правой руке извивалось все та же змейка, а кисть спокойно сжимала эфес роскошной шпаги, не уступавшей своим убранством общему наряду. Невольную улыбку вызвала прекраснейшая брошь, под которой... прятались пушистые волосы лобка. Как она ее там умудрилась закрепить? В левой руке Настя держала огромный пальмовый лист, который служил опахалом и зонтиком одновременно.

– О! Мой Бог! Стаси! Этого не может быть! Серж, я не сплю?

– Нет, – тихо ответил я, боясь спугнуть впечатление.

– Фантастика! Сказка!

Настя посмотрела на меня вопросительным взглядом, потом опустила его на шпагу, а затем подняла на Стрента. Я прикрыл глаза в знак согласия. Она плавно и грациозно уронила свое опахало, и опустившись на одно колено, склонила голову и протянула двумя руками шпагу остолбеневшему Роберту.

– Это наш дар на память, – торжественно произнес я. Гость с трепетом взял подарок и поддавшись общему настроению поднес к губам и поцеловал. Настя нежно взяла его под локоть и проводила назад к столу.

– Присаживайтесь.

– Друзья мои, дети мои... – на глазах у него выступили слезы. – Простите меня, старого дурака.

– За что, сер Роберт? – Изумилась Настя.

– Вчера я усомнился в вашей искренности и в том, что говорилось. Простите! Я отвык верить людям...

– Успокойтесь и давайте завтракать.

– Какое уж тут спокойствие, когда все вокруг с ног на голову переворачивается. Вы или святые, или блаженные, хотя... это одно и то же.

Я налил ему вина, мы принялись за еду.

– Мы обычные. Заметь, мы потчует тебя золотыми крошками, а пирог еще будет на десерт.

– Неужели еще что-то есть?

– Есть, есть и много.

– Вы даже не представляете сколько стоит все это. Мое состояние меркнет в блеске этих алмазов.

– Знаю и еще раз повторяю, здесь это просто груда металла и камней, красивая, но груда. А там это – смерть. Готовы ли Вы взять на себя ответственность вывезти подобное отсюда? – Эти слова были, как холодный душ. Эйфория со Стрента сошла моментально, и он стал прежним рассудительным предпринимателем.

– А ты гораздо серьезней, чем я думал. Bravo, мальчик, bravo. Это мне нравится. Мало того, что это антиквариат, но и в материале это стоит бешеных денег. Надо все обдумать. Это огромная бомба, и ее под подолом не спрячешь.

– Хочешь спрятать – поставь на видное место.

– Ладно. Доедайте и показывайте свои сокровища.

Стрент заставил нас сначала описать все предметы находящиеся внизу, в обиходе, а затем мы перебазировались в хижину. Его скрупулезность утомляла, но это была первая оценка более менее знающего человека. С каждым часом он мне все больше нравился своей покладистостью, рассудительностью, а в очках в тонкой золотой оправе Стрент чем-то смахивал на профессора. Вот, вспомнил кого он мне напоминает – Ростроповича, только с чуть более жесткими чертами лица.

Обед Настя приносила нам наверх, а ужинать, уставшие, но довольные, мы спустились на берег. Получилось сто тридцать два предмета, не считая монет золотом и серебром. Самый маленький, скромный, перстенок Роберт оценил около пятисот долларов США. Чего мудрить? Наша с Настей доля составляла около пятнадцати миллионов долларов, и это с учетом прикидки дилетанта, как выразился Стрент.

Сидя за бокалом вина, я поинтересовался:

– Что можно сделать с подобным капиталом, если вложить его в производство?

– Скажем так: жить и работать безбедно, не думая о старости.

– Я надеюсь, ты сможешь распорядиться этими средствами?

– Серж, ты не думал над тем, что бизнесу нужно учиться?

– Это бесспорно и я не пожалею сил и средств на образование.

– Правильно, мой мальчик. Ты догадался о каком предложении я говорил утром?

– Видишь ли, жизнь приучила меня не волноваться раньше времени. Продумать все заранее это одно, а трепать нервы – лишнее.

– Опять ты прав, но все же?

– Мне просто было некогда этим заниматься. Говори, чего уж там...

– Я хочу сделать тебя компаньоном, замом, наследником в конце концов! Мне нужен сын и продолжатель моего дела! Что ты на это скажешь? А?! – он с жаром хлопнул себя ладонями по коленям, и расплылся в улыбке, глядя на произведенное впечатление.

В воздухе повисла тишина. Скажем так, ему удалось достичь своей цели. От пережитых чувств «в моем зобу дыхание спёрло». От этой тирады у Насти широко открылись глаза и рот.

– Прямо скажем – немая сцена из «Ревизора». Конечно, мне лестно это слышать, но что решит Совет директоров или как там это называется? К тому же я сейчас сродни пеньку с глазами и Тарзану с ветки. Не хотелось бы, чтобы ты ошибся в своем выборе. Ведь мы знакомы два дня. Я не готов принять его... Сейчас.

– Другого ответа я и не ждал, значит всему свое время, а

теперь, дети мои, к черту дела, давайте отдыхать. Вы пойдите, порезвитесь, а я поброжу по райскому уголку со своими мыслями. О, кей?

– Нет проблем. Ты позволишь, полазить по яхте пока не стемнело?

– Делайте, что хотите, только учтите, что я ее толком и сам не знаю, она ведь не моя, но думаю, вы молодые прекрасно разберетесь, что к чему.

Взявшись за руки, мы побежали к воде. Только теперь я сообразил, что мы не плавали и не тренировались два дня. Вот оказывается, чего не хватало.

Мы поднялись на борт корабля. Настя с интересом принялась его изучать, требуя от меня пояснений. Осмотрели его сверху донизу. Нашли запасной парус, снасти, кое-какие запчасти для мотора.

– Ты сможешь довести ее до ума?

– Запросто.

– Топлива хватит?

– Не знаю, в крайнем случае дойдем под парусом.

– А свет здесь есть?

– Вот выключатели, – она щелкнула – и мы зажмурились.

Солнце почти село.

– А где каюта?

– Пошли, – гостиная не была большой, но и не маленькой.

Настя плюхнулась на мягкий диван.

– Представляешь, уже отвыкла, – в ее голосе прозвучала

грустинка. – Сколько мы будем собираться? День, два?

– Где-то так, может чуть больше, нам чемоданы не укладывать.

– Мы сюда когда-нибудь вернемся?

– А галеон ты подаришь рыбам?

– Значит еще будут приключения?

– Если ты считаешь тяжелый труд приключениями, то обязательно.

– Что в тебе всегда бесит, так это отсутствие романтики.

– Да, да забавные приключения Донни и Микки. На старости лет напишу книгу с таким названием про то, как мы здесь скакали голышом...

– И трясли концом – прыснула Настя.

– Во-во и об этом искусстве тоже. Не сносная девчонка, – я прыгнул на нее, но с проворностью кошки Настя скатилась с дивана, и я поймал пустоту. Кувыркнулся к ней, и завязалась обычная возня, которая всегда заканчивалась одним: довольным урчанием кота и легким попискиванием пойманной мыши.

В любовных играх не стоит ограничивать себя, что для двоих, то свято. Пускай гуляют руки там и тут. И языки порхают, словно птицы. Вот поднимаются и падают ресницы. И ты скользишь вдоль стройного бедра, трепещут жаркие сердца, и ты никак не можешь насладиться. Она дрожит и льнет к тебе, даря нежнейшие объятия. Рука взмывает ввысь и падает опять, то на плечо, а то на грудь, то по спине бе-

жит, то треплет нежный волос. Источник твой благоухает пряно, прильнуть к нему и подразнить чуть-чуть, чтоб наполнил несносного буяна. Он упадет почти хмельной, а то подскочит снова. И вдруг забрызжет влагою живой, даря жизнь новую все снова, снова... Ты упадешь, откинувшись назад, глаза прикроешь в сладкой неге, и губы тихо шелестят: «Ты мой всегда, навеки...»

Настя

Сладостная истома никак не хотела отпускать. Лень пошевелить даже пальцем. Я в самом деле отвыкла от цивилизации. Казалось бы: мягко, удобно, тепло, не дует, а дышать ну совершенно нечем. Последние деньки нашей свободы, а потом начнутся: заботы, проблемы. Теперешняя жизнь тяжела по-своему, но все заботы сводятся к добыванию еды. А там... Что одеть? Как себя вести, что сказать? Учеба. Потом дети. Нет, против ребенка я ничего против не имею, а может и двух. Больше всего пугает общение с людьми, тем более высшего света. Ведь мы будем миллионерами. Из прислуги и в барья. Вот уж мама удивилась бы. Мама... Как странно... Я о ней почти не вспоминала, а она, наверное, все глаза выплакала. Четвертый год пошел, как мы пропали, а в данной ситуации утонули. Переживет ли она все это? Как выберемся, надо будет сразу ей написать, успокоить. Нет, лучше не ей лично, а тете Шуре, нашей соседке, она сумеет ее вначале подготовить, а уж тогда скажет, что я жива – здорова. Точно, именно так и сделаю. А потом я ей пошлю вызов, и она к нам прилетит. У нас будет большой дом с камином, и сидя у огня, я буду рассказывать как мы жили здесь, чему я научилась, о Сережке, как он меня спас, обо всем, обо всем... Я подарю ей самые красивые украшения, одену с головы до ног. Одену... Опять придется одеваться. Раньше в комбина-

ции стеснялась перед врачом стоять, а сейчас трусы надеть противно. Когда Стрент первый раз увидел меня, даже ничего нигде не екнуло, в голове ни одна мысль не шевельнулась, что надо прикрыться. Что делается?! Там вот так забудешься, бретелька свалится, а ты и глазом не моргнешь. В туфлях и ходить-то не смогу. Тяжело придется...Одни мозоли на ступнях сводить целая морока.

Нет, эта духота невыносима, пойду, искупаюсь. Осторожно выползла из Сережкиных объятий, умаялся бедный. На палубе обласкал ночной ветерок, хорошо... Прыгнула в воду без единого всплеска, как учили. Сказочное наслаждение... Как же там без всего этого обходиться? Значит нужен бассейн.

А интересно, в чем я поеду. Меня смутить теперь трудно, но что обо мне подумают: «папуаска приехала», и так русских на всех углах склоняют. Надо посмотреть в плоту старую Сережкину рубашку, она у него длинная. На том и порешили, а сейчас спать.

Подплыла к заднему борту, дотянулась до края и одним рывком перемахнула на палубу. Странно, все время ругалась на духоту, а спать иду в каюту, нет уж, дудки. Лягу прямо здесь. Растянулась на настиле, руки за голову, вот и вся постель, а бывало на новом месте уснуть не могла. Звезды, какие звезды, там таких не увидишь. Мерцают, подмаргивают, переливаются, раньше этого не замечала, только на острове все чувства у меня обострились, еще Сергей поднатаскал.

Жаль уезжать, откровенно жаль.

Сергей

Всю ночь мучили кошмары, как будто черти пекли на сковородке. Не хватало заболеть клаустрофобией. Солнце только позолотило гладь воды. Настя спокойно спала на палубе, но стоило отвести взгляд от ее загорелого тела, как она тут же проснулась.

– Ты уже встал?

– Только что. Купаемся, разминаемся, завтракаем, я начну готовить яхту, а вы с Робертом собирайтесь и потихоньку свозите с берега все сюда. Начали...

В обычном ритме: купание, пробежка, разминка от затылка до пяток, повторение некоторых Като и в конце легкий спарринг, за которым нас застал Стрент. У меня была мысль остановить занятие, но вместо этого дал команду: «Бой приближенный к реальному, т.е. в полную силу». Сначала Настя удивилась, но перехватив идею, включилась в игру. Давно мы так не лупили друг друга. Каждый раз приходилось импровизировать, но сейчас мы просто выворачивались наизнанку. Концовку я невольно смазал: посмотрел на лицо Роберта, бледное, удивленное и перекошенное от ужаса. Отвлекся ровно на доли секунды и был наказан Настей. Она сгребла мое мужское достоинство в свою крепкую ладонь, я знал, что произойдет и истошно заорал:

– Матей! (достаточно) – слава Богу это сработало и я

остался при своем хозяйстве.

– Серж! Я не верю своим глазам? Вы из ангелов превратились в чертей. Как все это понимать?

– Школа выживания включает в себя способы самообороны и рукопашного боя, а мы стараемся не терять форму.

– Я наблюдал за вами с самого начала...

– Смотря что считать началом? – Перебил я его.

– Плавание и ныряние тоже относится к видам спорта, и, признаюсь, натерпелся страхов из-за вас.

– Почему?

– В отличие от тебя у меня часы на руке, и сидеть по пять минут под водой, не выныривая, дано не каждому.

– Сегодня мы занимались по сокращенной программе, – скромно вставила Настя.

– Три часа это сокращенная программа, сколько же тогда полная?!

– Шесть-восемь, в зависимости от темы занятий.

– Послушай, девочка, ты хоть отдаешь отчет своим словам?

– Полностью, сер Роберт. И даю Вам слово, что за нас можете быть спокойны. Ваши детки не дадут себя обидеть, – она лукаво улыбнулась, обвила его шею руками и расцеловала в обе щеки.

– Я должен прервать вашу милую беседу и предложить потрапезничать, чтобы потом заняться делами.

После завтрака мы с Робертом переплыли на яхту.

– Что с компьютером? – Мы стояли в капитанской рубке, еще носившей следы шторма.

– Не знаю. Когда я пришел сюда, он уже молчал. Кстати о молчании, Серж, ты не видел магнитолау?

– Какую? – У меня мурашки побежали по спине.

– Здесь должна быть магнитола «SHARP» – обведя вокруг глазами, из угла он поднял пропажу, с которой закапала вода. Он хотел было включить, но не успел – одним прыжком я выбил ее из рук и тут же поймал.

– Извини, ее сначала надо высушить, – из отсека питания я извлек окислившиеся батарейки и показал ему.

– Это не страшно, здесь должны быть запасные, – с настенной полки Роберт достал еще комплект.

– О, кей, через час опробуем, – я вышел на палубу, руки мелко дрожали. Никогда не думал, что возврат к большому миру произведет на меня такое впечатление. Чего ждать дальше? Аккуратно поставил магнитофон на крышу рубки и вернулся назад.

Роберт сидел на корточках перед открытой панелью, скрывающей потроха компьютера. Он усиленно дул на штекер, выдернутый из панели. В следующую секунду он вернул его в гнездо, я с ужасом закрыл глаза, но донесшееся гудение успокоило, на мониторе загорелась надпись: «Идет загрузка программы». Облегченно вздохнул.

В руках Стрента почувствовалась уверенность, он снял телефонную трубку с передней панели и стал манипулиро-

вать с кнопками, затем нажал клавишу на пульте; раздался длинный гудок, он отрегулировал громкость. После второго вызова послышался приятный женский голос:

– Компания «Химикалинтертрейд», приемная, слушаю Вас, – Стрент тяжело дышал в трубку.

– Алло, говорите! – я видел, как капельки пота выступили на его лбу.

– Хелло, Линда! Это я. – Тихо произнес он.

– Кто это? – В голосе слышалось сомнение и испуг.

– Линда! Это мистер Стрент...

– Ой! Мистер Стрент! Вы живы? Господи, Иисусе! Где Вы, мистер Стрент?

– Не кричи, малышка. Все о, кей.

– Вы в порядке?

– В полном. Я на яхте моего друга Дэна в открытом океане. Я догадываюсь, что у вас творится, поэтому готовь полный отчет за время моего отсутствия, я скоро буду в офисе.

– Когда Вас ждать?

– Нас никто не слышит?

– Совершенно.

– Передашь мое распоряжение также начальнику моей службы безопасности и больше никому не слова о моем звонке, все. Бай, – он положил трубку и повернулся ко мне.

– Ну, что, сынок, когда мы выйдем в море?

– Не позже, чем завтра.

– Отлично. Командуй, капитан, что мне делать? Пора за-

канчивать отпуск.

– Надо закрепить запасный парус и уложиться. С компьютером ты справишься?

– В этом будь спокоен.

– А почему раньше ты его не включил?

– Твоя идея с коротким замыканием натолкнула на мысль о самоблокировке, так и было. Одна голова хорошо, а две лучше, – он протянул мне руку и я пожал ее.

Мы взяли на борт запас воды, пополнили провиант свежими продуктами, перевезли все драгоценности. Законсервировали свое жилище. Несколько часов, до боли в глазах, я провел за компьютером, осваиваясь с программой. Оставался самый сложный вопрос – что одеть? Настя решила плыть в моей рубашке. В свои джинсы я влезть не смог. Роберт предлагал свои брюки, но без швейной машинки или иглы они спадали с меня, а если быть откровенным, не хотелось выглядеть слишком мешковато перед репортерами. Сошлись на том, что я возьму что-нибудь из одежды бывших членов команды, если найду что-то по размеру.

После заката мы торжественно поужинали. Роберт изрядно захмелел и постоянно чадил своей сигарой. Настя обнаженная, украшенная своими драгоценностями, сидела, с грустным лицом, и слушала магнитофон. Я заполнял бортовой журнал, пытаюсь воспроизвести рассказ Стрента и кратко описать дни, проведенные вместе.

– Послушай, Серж! А может, будешь моим сыном? – Ро-

Берт заговорил слишком громко из-за выпитого, это заставило меня вздрогнуть.

– А?! Какого черта! У меня опять будет семья! Глядишь и внучат понянчу, – он вертел в руках свой бумажник. – Я бы спокойно отошел от дел.

– По-моему мы уже говорили на эту тему.

– Хрен с ней с темой. Ты даже не представляешь, как я устал.

– Догадываюсь.

– Ни черта ты не догадываешься, сколько раз меня хотели убить, а когда я утром увидел вашу махаловку, то окончательно убедился, что вы ребята – что надо. Я буду тебя на-таскивать, а заворачивать делами и откручивать головы, будете вы со Стаси. Соглашайся, сынок.

– Я вырос в другой стране, воспитан на других принципах и морали, и мне тяжело все это оценить правильно и по-деловому. У меня нет нужной хватки.

– Твою мать! Да, тебе ничего не нужно! Твоей головой в бизнесе буду я, а молодость и здоровье будут твои. У тебя отличная помощница. Вы горы свернете, у вас есть деньги! Бешеные деньги! Понимаешь?! Бешеные деньги в твоем возрасте и холодная голова, которая умеет думать! Черт тебя подери, задница ты этакая!

– Настя, видала, дед разошелся, – рассмеялся я, обращаясь к ней по-русски.

– Может быть, в его словах есть определенная доля исти-

ны?

– Ты помнишь, что меня пугает, то, чего я не знаю, а в данной ситуации я полный профан. Примотался, как пьяный до радио: «спой, да спой»...

– Друзья мои, нехорошо говорить на чужом языке, когда собеседник вас не понимает.

– Почему я должен ответ дать именно сейчас? Мы еще не знаем как нас встретят...

– Хм! Встретят?! А как встречают, по-вашему, миллиардеров?

– Каких миллиардеров?

– Да разрази вас гром! Я по сравнению с вами нищий! Или вы не собираетесь поднимать галеон? Мне не нужно от вас ничего, просто искренне жаль, если вы не сумеете правильно распорядиться своим состоянием. Я не знаю, чем доказать свою порядочность и правоту слов. Не верите! Убейте меня в конце концов! – он хлопнул кулаком по столу, хмель его прошел, он говорил вполне серьезно.

В кубрике повисла напряженная тишина. Мы смотрели с Настей друг другу в глаза. Положение оказалось крайне нестандартным.

– Хорошо... У меня нет видимых причин для отказа, но ошибки... От них никто не застрахован, ведь отвечать придется мне. Я же не могу вложить твои мозги в свою голову, а каждый раз с совещания не будешь звонить и спрашивать: «пап, а сейчас как поступить?» Нужно время чтобы войти в

курс дела.

– Тебя, что, учили дипломатии?

– Нет, просто я все время работал с людьми.

– Еще один плюс. И имей в виду, что сейчас мне крыть нечем, но я не оставлю тебя в покое, и мы продолжим этот разговор.

– У нас для размышлений почти две недели плавания, по данным компьютера. Многое обсудим, но первый вопрос уже назрел.

– Валяй.

– Насколько надежна Линда?

– Bravo! Мой мальчик! Ты случайно не работал в КГБ? – Я не выдержал и расхохотался в голос, и Настя меня поддержала:

– Дело в том, что в США, что в СССР все журналисты, выезжающие за границу, обрабатываются спецслужбами и являются их осведомителями, разве это не общеизвестный факт? – Стрент сошел с лица, оно стало мертвенно бледным, потом покрылось красными пятнами. Я плеснул ему виски, не разбавляя, и протянул. Он залпом выпил и отер рукой мокрые губы, глядя на меня в упор, не моргая:

– Я совершенно об этом забыл, и верно ведь ты журналист и направлялся в Штаты со специальным заданием. Я правильно понял, ты же не шутил?

– К сожалению нет, теперь ты понимаешь какие проблемы возникнут у службы безопасности, когда они получат мое

досье, а ты знаешь, как они любят журналистов, а ведь кто-то захочет покопаться, даже если ты запретишь. А твои враги обязательно это сделают. И никакие заверения, что блеск золота меня переделал, не помогут.

– Вот уж зарезал, так зарезал...

– Добавлю еще, что раскрывать государственные секреты, даже если бы я их знал, чтобы получить доверие твоих соотечественников я не собираюсь, тем более отношение к предателям везде одинаковое. Ну, как орешек?

Роберт Стрент

В самом деле есть над чем подумать.

– Извините, – я поднялся и направился к выходу. Стаси попыталась меня остановить.

– Роберт!

– Не надо. Пойду, проветрюсь, – я машинально поднял руку, чтобы остановить ее порыв, и ладонь уперлась в тугую, теплую девичью грудь. Я этого не ожидал и дернулся, как от чего-то горячего. Поднявшись на палубу, все потирал пальцы еще хранившие это произвольное прикосновение. И все же она хороша, а я уже безвозвратно старею, как мог забыть, что папарацци готовит к выезду КГБ?

Дети! Дети... Они даже не подозревают в какую бездну себя вворачивают с этим золотом. А тут еще его эта работа! Разрази ее гром! Ну сундук еще так-сяк... Эту пилюлю я проглотил, значит и дома переварят... Капитал велик, но не смертелен. Говоря о контрразведке, Серж совершенно прав, проверять будут. Другой вопрос, что за эти годы многое изменилось в отношениях США и СССР, он этого не знает. Не хочу их терять, помощники нужны. Воспитанные в преданности делу они мне не изменят и не сбегут... Прежде чем вводить их в оборот придется надавить на все каналы и просчитать возможные неприятности, а там и умыть руки в случае неудачи, такова жизнь... А то панику поднял – КГБ,

КГБ! Не так страшен черт, как его малюют...

Если все сойдет с рук, надо будет отговорить их от экспедиции за галеоном. Это им не пропустят ни мои друзья, ни госдепартамент. Кто ж позволит подрывать всю экономику, которую и так лихорадит. Ни одна страна не потерпит подобных вливаний. Это безумие...

Я о себе не знаю, что думать? Может быть мою компанию уже распродали по кускам? Живой труп...

Достал сигару и закурил. Открылась дверь каюты, залил палубу ярким светом.

– Роберт? – Это был Серж.

– Я здесь.

– У тебя проблемы?

– Все о, кей.

– Настя считает, что лучше сняться с якоря сейчас, чтобы не так мучительно переживать расставание с островом утром.

– А ты сможешь провести яхту через пролив в темноте?

– Темнота от горящего света, а на самом деле очень светло.

– Должен признать, что в отличие от вас меня здесь ничего не держит. Ты капитан, решай сам.

Хотелось бы знать насколько они решительны в своих действиях. Что возобладает упрямство и жадность или холодный разум? Я слышал как Серж что-то говорил Стаси, свет погас, казалось меня окунули в черную краску, но через ми-

нуту прорезались самые яркие звезды, и оказались, что все вокруг мерцает: небо, океан и джунгли. Как, все равно искрящийся туман меня окутал. Обозначились очертания предметов, а вокруг все жило своей круговертью, Господи, почему мы этого не замечаем в своей мелочной суете. От чистого сердца мне будет жаль потерять этих ребят, а головы у них горячие. Стоит им заикнуться о затонувшем судне, как тут же найдутся желающие убить. С такими деньгами люди долго не живут.

Заработавший двигатель, заставил меня вздрогнуть. Мелкий озноб прошиб все тело. Машина работала спокойно и четко. Блики от датчиков высвечивали озабоченные лица молодых людей. Господи! Помоги им и сохрани! Я в темноте перекрестился, и крепче взялся за поручни. Подсветка приборов совсем погасла, и яхта дрогнув, направилась к выходу из лагуны, гремя якорной цепью. Чувствовалась уверенная рука мастера. Серж шел на самых малых оборотах. Легкий ветерок с океана облизал мне лицо. Закрыв глаза и расслабился. Вот и закончилось мое приключение.

Сзади кто-то тихо подошел. Стаси. Ее теплая рука легла мне на талию.

– Уходим, мистер Стрент, – тихо, чуть не плача, произнесла девушка.

– Не расстраивайся, дочка, все, что Бог ни делает, все к лучшему.

– Хотелось бы верить.

– А ты верь. И зови меня просто Роберт или... Папа.

– Не знаю, у меня не было отца, может не получится.

Стал слышен шум прибоя, мы выходили в открытый океан. Стаси стянула с левой руки один из перстней и с силой бросила за борт.

– Ты, что с ума сошла?

– Я хочу за ним вернуться.

– Искренне ценю твои чувства, но буду отговаривать вас возвращаться сюда. На отдых, пожалуйста, но для изыскательных работ ни в коем случае.

– От чего же? – это подошел Серж.

– Ты здесь, а...

– Я договорился с автопилотом, он сказал, что в случае каких-либо изменений он мне позвонит.

– А?.. – неопределенно протянул я.

– Так почему нам не надо ничего искать?

– Мне не хотелось вас огорчать, но объяснить обязан, а там поступайте, как знаете. Только не сведущему человеку со стороны может показаться, что в мире бизнеса все хаотично, не спланировано, своевольно и т.д. Это ошибка. Все строго регламентировано и имеет свои законы, официальные и нет. Вплеснуть в оборот с неба свалившиеся тридцать миллионов долларов это еще допустимо и то не желательно. Свободный капитал всегда опасен, ты не знаешь, где он может всплыть и против кого обернется. Поэтому с вами будут деликатны и осторожны. Каждый постарается тянуть одеяло

на себя, мило улыбаясь, тем самым оставляя с голым задом другого.

Нельзя никому верить. Не доверяя проверяй, а проверив действуй. Я буду стараться помочь избежать столкновений с айсбергами, но и вы не теряйтесь.

Поймите, миллиардеров у нас в мире единицы, их капитал строго сбалансирован, и они поставлены в жесткие рамки со всех сторон: закона, коррупции и мафии. Здесь нет возможности поступать как тебе вздумается, тут диктуются условия игры, нарушил – погиб. Все мы смертны, Сережа, – я впервые назвал его полным именем. Он внимательно посмотрел на меня, как могло показаться в темноте.

– Все фильмы, книги это только частичная выдумка, в жизни бывает и более хитро. А теперь попробуй на минуту представить уравновешенные чаши весов, на одной из которых все производственные силы: заводы, станки, люди, товар, а на другой деньги. И вдруг ты, именно ты, привозишь и бросаешь в сторону денег такую массу, что вся другая половина, от подобного удара, просто взлетает на воздух. Кто разрешит тебе это сделать?

– Никто, – глухо отозвался Серж.

– Никогда не думала, что все это так сложно. Деньги и деньги. Куда хочу туда и трачу.

– Обычная точка зрения обывателя, прости Стаси. Почему-то в повседневной жизни люди никогда не задумываются откуда берутся деньги.

– Правительство печатает.

– Правильно, дитя мое. Но каждый выпуск денег должен быть оправдан товаром, который на них можно купить, а если его нет? Деньги теряют свою ценность, начинается инфляция. Бумажки есть, а купить нечего. Начинается безработица, от банкротства мелких предприятий, и вся стройная структура дает сбой, все рушится. Кто тебе это позволит? Сложности, проблемы и еще раз головоломки. Азы экономики надо знать.

– Короче ты категорически против подъема груза затонувшего судна?

– Деньги твои, что хочешь то и делай, но тебя убьют, их не допустят в оборот.

– Знаешь, мне вспоминается один анекдот про Бруклинский мост.

– Что-то не припомню.

– Когда газетчикам нужна была сенсация они останавливали на нем то француза, то немца, то русского и говорили им разные вещи.

– Не помню.

– Француза останавливают и говорят, а во Франции закрыли все публичные дома, он с криком: «О, горе мне!» – прыгает с моста. Проходит время, опять нет сенсаций и с моста никто не прыгает. Немец идет – ему: «А в Германии закрыли все гаштеты». Он с криком: «О, горе мне!» – прыгает вниз. Через некоторое время история повторяется, теперь

идет русский Ваня пьяненький. Ему – «А Вы знаете, здесь нельзя с моста прыгать». Он удивленно: «Правда?! Да мне наплевать!» и через перила.

– Ты намекаешь, что ты русский Ваня?

– Где-то около того, только трезвый, – от его слов я рас- смеялся.

– Где ты видел русского на Бруклинском мосту?

– А что?

– В Америке нет русских, здесь только евреи, – теперь до слез смеялся он.

– И то верно, – подтвердил Серж.

– Короче, если ты так поступишь, то мне жаль.

– Можешь поверить, я не дурнее паровоза.

– Ты прости, но русский юмор до меня слабо доходит, при- чем здесь паровоз?

– Дело в том, что паровоз тратит огромное количество энергии, а КПД его составляет пять процентов. Так вот я не этот железный конь.

– Все равно не дошло.

– Я не собираюсь тратить энергию впустую, а тем более отдавать свою жизнь.

Я облегченно вздохнул, а про себя улыбнулся. Буду наде- яться, что с моста он прыгать не станет, а голова у меня в самом деле уже плохо соображает.

– У меня есть предложение: идемте спать.

– Роберт, одну минутку, – Стаси исчезла в каюте. Вспых-

нул свет в иллюминаторах. Мы зажмурились. Вновь темнота и легкие шаги.

– Давайте отметим отплытие ракетами, – ее рука поднялась вверх и три ослепительных, красных огонька прорезали ночную тьму. С замиранием сердца я проводил их взглядом. Красиво.

– Спокойной ночи, – пробормотал я напоследок и поплелся в каюту.

– Ты в самом деле бросишь это золото?

– Хотя я и белорус, но вырос в Москве, а значит ничто русское мне не чуждо.

Похоже, что удержать их вылазки на этот остров, мне не удастся. Чем все это обернется? Одному Богу известно.

Всю ночь меня мучили кошмары. Слышались голоса моей погибшей команды. Трижды просыпался в холодном поту, и никак не мог привести сердце в порядок. Скорее всего такое действие оказала легкая качка. Двигатель размеренно урчал. Я сидел на своей койке, свесив ноги, и пялился в темноту. Надо что-нибудь выпить. Прошаркал к бару, плеснул виски, какая же это все-таки дрянь. Конец ночи прошел почти спокойно, но встал на рассвете весь разбитый. Серж и Стаси уже суетились возле лебедек, похоже, они собираются ставить парус. Я смотрел и не мог понять, что здесь не так? Что-то как бы лишнее, какое-то бельмо на глазу. Окинул взглядом океан и опять на них. Господи! Так ведь они одеты, а у Сержа даже часы на руке. Не выдержал, подошел:

– Стаси, а тебе без рубашки было лучше.

– Спасибо, папочка, хорошо хоть в плечах не жмет, – ее колкость не обидела, а чем-то стала приятна из-за того, что меня называли «папочкой».

– К вещам необходимо привыкать постепенно, так что она еще подразнит тебя голым задом, кстати, под рубашкой ничего нет. Стаси вдруг прошлась по палубе «колесом», показав при этом мне свою «киску», и высунула язык. Мы с Сержем рассмеялись.

– Ну, дури в тебе, Настена, ничуть не убавилось, – констатировал Серж, красноречиво вращая пальцем у виска.

– Последние деньки свободы, зануда.

– Молчу, молчу, только не шипи.

– Все готово, шеф, – отрапортовал капитан.

– Вы хотите идти под парусом?

– Горючее надо экономить для маневров, а управлять все равно будет компьютер. У тебя какие планы?

– Ни каких, а что, есть проблемы?

– Не хотелось бы терять время зря, может поднатаскаешь нас с Настей в экономике и бухгалтерии?

– Сколько у вас энергии... Ночью мне плохо спалось, и пришла такая мысль: у меня к тебе огромная просьба – вырви листы бортового журнала пиратов, где написано про галеон, и спрячь от всех до поры, до времени. На душе будет спокойней.

– Как скажешь. А что насчет занятий?

– С удовольствием, как только будете готовы.

Так и пошло каждый день. Мне даже понравилось жить по расписанию. Молодежь умудрялась еще и купаться, обвязавшись концом фала. Стаси кормила, Серж следил за курсом и состоянием яхты, а я учительствовал в меру сил и возможностей, стараясь не давать ничего лишнего, что в жизни не имеет значения.

– Скоро, очень скоро войдем в территориальные воды США. Ура! Цивилизация!

На рассвете следующего дня нас встретил сторожевой корабль ВМФ США. Только мне одному известно, что творилось ночью с моими спасителями. Стаси напилась до истерики, и ее рвало полночи. Когда я поднялся в рубку к Сержу, то застал его с сигаретой у окна. Нервы не выдержали. Я считал, что они перенесут это спокойнее. Утром следы ночных волнений остались только на сером лице Стаси.

Нас окликнули по громкоговорящей связи и запросили принадлежность судна. Приемник был настроен на их волну, и мы смогли объяснить наше положение. После чего было предложено убрать паруса и лечь в дрейф для уточнения некоторых деталей.

Через несколько минут к борту пристала шлюпка с офицером и шестью матросами. Лейтенант долго, с сомнением, вертел в руках мое удостоверение личности и другие документы.

– Вас что-то не устраивает, офицер?

– Очень скользкая ситуация. На Вас был объявлен поиск после шторма, его прекратили неделю назад, и принято решение считать Вас и всю команду пропавшими без вести. А что делать с этими молодыми людьми? У них, как я понимаю, совсем нет документов?

– Вы все правильно понимаете, сэр. Чтобы разрешить накопившиеся проблемы, берите нас на буксир и тащите в порт, и у меня к Вам будет маленькое поручение: для проведения таможенного досмотра пусть приедет генерал Симс, и без проволочек пришлите врача для освидетельствования.

– Так точно, сэр! – Лейтенант отдал честь и удалился.

– А ты произвел на него впечатление, – заметил Серж.

– Меня многие знают в лицо, и скорее всего он его вспомнил. А теперь пора поднимать своих на ноги.

– Простите, мистер Стрент, – опять вернулся офицер. – Сейчас довольно сильная качка, и целесообразней не брать вас на буксир. Вы самостоятельно сможете дойти до акватории? Вы сможете вести яхту без нашего штурмана, у Вас есть лоции? – засыпал вопросами Сержа лейтенант.

– Вообще-то две недели она плыла сама, а сейчас не знаю.

Пограничник явно опешил, и не понимая переводил взгляд то на меня, то на Сержа.

– Да, Вы не удивляйтесь, она у нас волшебная, – просто-душно подметила Стаси, чуть улыбаясь глазами. Лейтенант молоденький, в какой раз, облизал ее глазами, и с еще большим недоумением уставился на нашего капитана, а когда по-

вернулся, с очередной порцией слюней во взгляде, к девичьим ногам, то они просто испарились, от чего он вздрогнул, как я тогда.

– Что за шутки! – разозлился он.

– Никаких шуток, это бортовой компьютер.

– Я не об этом, девчонка где?

– Я здесь, – откликнулась Стаси с прежнего места, – военный побледнел, как полотно.

– Плавник тебе в ребро, – грязно выругался он, и вышел, бросив через плечо: – Следуйте за нами!

Ребята прыснули со смеху.

Я нервно хихикнул и заметил:

– На будущее, мой вам совет, никогда не шутите с лицами обличенными властью, они юмора не понимают. Ну, а мне может быть откроете секрет, как это у вас получается?

– Ничего особенного, простое внушение, что ты меня не видишь, – серьезно ответил Серж, но я ему до конца не поверил.

Мы поднялись в рубку. Пока двигатель набирал обороты, я решил позвонить.

– Розен?.. Это Стрент. Немедленно к причалу мою машину, крытый фургон и десять человек охраны. Детали на месте. Да, вот еще что, позвони Краймону и попроси об аудиенции... Нет... Все нормально, а ты, хитрая лиса, наверное, уже простился с моей душой, похоронив старого друга, а... старый волкодав? Мы еще шуму наделаем. Тут тебе есть

один сюрприз. Что? Нет... Он погиб... Ладно, все потом. До встречи.

Порт обдал гарью и шумом. Противно прокричал сторожевик. Мы встали на рейде. К нам подскочил санитарный катер. Здесь были мой личный врач и кто-то с эпидслужбы.

Сначала осмотрели меня, сделали прививки, и попросили подняться на палубу, чтобы они спокойно освидетельствовали молодежь.

– Дети, лишнего не болтайте, – посоветовал я на выходе.

Вот и генерал пожаловал, как всегда со своей свитой.

– Хелло, дружище! С воскрешением тебя! – он разверз широченные объятия, – ты даже не представляешь какой переполох в штабе.

– Всем уже раззвонил?

– Обижаеть?! Сам создал неординарную ситуацию и еще спрашивает. Мы не часто выезжаем на таможенный досмотр. Вы часом не SS-20 привезли?

– Хуже, – грустно ответил я.

– Как тебя понимать? – тут же осекся он.

– На яхте золото.

– Рад приветствовать графа Монте-Кристо.

– На тридцать миллионов, а может и больше, – окружающие замерли, наверное и дышать перестали. – Я прекрасно понимаю, что шила в мешке не утаишь, но хотелось бы, чтобы пресса об этом узнала как можно позже.

В этот момент появились врачи.

– Что скажете хорошего?

– Они совершенно здоровы, анализы в норме, прививки сделаны. У нас вопросов нет.

– Замечательно, вы свободны, – на палубу вышли мои герои. – Знакомьтесь, господа, Серж и Стаси Беркут, мои ангелы-хранители. Эти молодые люди спасли мне жизнь, не дали разбиться о скалы, и умереть с голода на острове. Надеюсь они станут достойными членами нашего общества, – мне не понравился шумок: «русские..., русские...».

Возникла неловкая пауза.

– Мистер Стрент, насколько я понимаю, заграничных паспортов или других документов и них нет? – осведомился генерал Симс.

– Наши документы остались на теплоходе с которого нас смыло во время шторма три года назад, после чего наш спасательный плот течением прибило к острову, где мы прожили все это время до появления яхты мистера Стрента. – Серж очень кратко изложил свою историю.

– На основании вышеизложенного, кроме показаний мистера Стрента ваши слова подтвердить некому, насколько я понимаю?

– Именно так, генерал.

– Что ж, тогда до выяснения вашего истинного происхождения, необходимо вас задержать, – Симс обернулся. – Капитан, вызовете полицию.

– Я думаю, не стоит горячиться, старина. Если тебе будет

недостаточно моей расписки, что они будут жить у меня дома, в таком случае могу оставить залог в виде крупной суммы, – я с улыбкой и надеждой во взгляде посмотрел на генерала.

– Ну, если ты за них ручаешься, что это не засланные КГБ люди?

– Одну минутку, генерал, – вмешался Серж. – Если Вас смущает наша нация, то скорее всего не смутит вот это, – я не успел моргнуть глазом, как Серж метнулся в трюм и также быстро вернулся. В центр палубы воткнулись пять кинжалов шикарной работы и торчали вызывающе ровной пятиконечной звездой.

– Ох! – пронесся вздох изумления.

– Хотелось бы верить, господа, что поговорка время – деньги, верна на деле, а не на словах. Приступайте, мы слишком долго ждали этой встречи. Помимо этих предметов у нас письменные документы подтверждающие происхождение этих драгоценностей, вы убедитесь, что это не подделки.

Через несколько минут катер отчалил за оборудованием и дополнительными экспертами. Никто не ожидал такого ответного психологического прессинга от русских, но в душе я его хвалил за умение взять инициативу в свои руки. Мои уроки не пропали даром, да и он парень с головой.

В плену каменных джунглей

Сергей

Портовая суматоха легла тяжелым грузом напряжения на плечи. Время, когда можно не следить за словами и поступками, прошло. Вышел на палубу отдохнуть от цифр, унций, каратов и постоянно настороженных взглядов. Очень хотелось искупаться, но я прекрасно понимал, что покинуть яхту нельзя, оставалось только глазеть по сторонам.

Натренированный глаз отметил появление на пристани фургона, двух машин и человека, легко одетого и в черных очках. Несмотря на возраст, он выглядел старше Стрента, его поза выдавала профессионала спецслужб: он стоял чуть шире расставив ноги, чем обычные люди, руки за спиной, волнение скрыть ему не удавалось или это просто самоуверенность, она выражалась в покачивании с носков на пятки.

Но мое внимание буквально приковали две или три машины репортеров, которые деловито настраивали аппаратуру. Как коллегу интересовало, откуда они узнают новости, и часа не прошло с момента нашего прибытия, а работа уже кипит. Где-то читал, что в большом городе известия распространяются с геометрической прогрессией. Скорей бы на берег...

– Черт бы их побрал этих бюрократов, – выругался Стрент, становясь рядом со мной. – Иди, подпиши декларацию, заявление с просьбой о виде на жительство и протокол досмотра.

Когда яхта подошла к причалу, я подумал, что сквозь толпу журналистов прорываться придется с боем.

– Господин генерал, чем вызвано Ваше участие в таможенном досмотре?!

– Мистер Стрент, как Вам удалось спастись?! Что с членами команды, почему их не видно?!

– Кто эти молодые люди?!

Генерал стоял перед сверкающей фотовспышками толпой, размышляя, потом громко произнес:

– Комментариев не будет. Все вопросы на пресс-конференции и не ко мне, а к мистери Стренту. Я очень устал и прошу освободить причал для проведения разгрузочных работ. Мне не хотелось бы прибегать к силе, потому что слишком сильно уважаю нашу прессу, – он говорил спокойно и ровно, так, чтобы слышали все.

– Разрешите сделать несколько снимков? И когда мы получим ответы на вопросы?

– Завтра, все завтра в пятнадцать часов в моем конференц-зале, – небрежно бросил Стрент и направился к своей машине. К нему подошел человек в черных очках. Скорее всего, это был Розен, он снял очки и они обменялись рукопожатием, слишком долгим для просто подчиненного и хо-

зяина, но объятий после долгой разлуки не последовало.

Со Стрентом мы договорились, что я и Настя проследим за погрузкой драгоценностей. Вплотную к трапу подогна-ли фургон, и люди фирмы поспешили к нам. Они перенес-ли ящики и коробки, предоставленные таможенниками. По-следними покинули яхту мы.

Настырность репортеров удивляла, нас окружили.

– Представьтесь!

– Где вы встретились с мистером Стрентом?

– Что находилось в ящиках?

Обнявшись, мы глупо улыбались камерам.

– Кто вы?

– Вы говорите по-английски?

– Прекрасно понимаю ваше нетерпение, но поймите наше состояние, после двухнедельного плавания мы еле стоим на ногах. Все, что я готов заявить: мы, Анастасия Дробышева и Сергей Беркут пропавшие без вести во время шторма в 1986 году. Граждане СССР. Это все. Более подробно расскажем после, как уже было объявлено. До свидания, – нас ждала машина.

Разместились в «детском» крыле особняка Стрента. От-делан он подобающе положению и финансам хозяина. Слуги не назойливы и учтивы, правда нам никто был не нужен.

После того, как мне показали спальню, столовую и где на-ходятся звонки для вызова прислуги, я отправился искать Настю. Закралось сомнение, что она чем-то расстроена.

Пятнадцать минут ушло на поиски. «Детская» половина дома имела свои два отделения. Все правильно, каждый ребенок не должен быть обижен. Вот и ходил от двери к двери, а кругом тишина. Без подсказки не обошлось.

Настя лежала в ванне по шею в пене. Из-за стеклянных створок шторы была видна только голова.

– Ты жива моя старушка? Привет тебе, привет? – реакции не последовало. – Настя, тебе не плохо?!

– Пошел вон!

– Не понял? Что случилось, Настена?

– Сто случилось, Нястенья? – сильно шепелявя передразнила она и добавила, – Козел!

– У тебя, что крыша поехала от горячей воды?

– Это у тебя мозги затуманились от гари городской! Какого хрена ты порвал мое заявление с просьбой представления вида на жительство в США?!

– Вот оно что?!

– Как был солдафоном, им и остался, и выходки мужланские!

– Может, успокоишься?

– А ты мне рот не затыкай, не один год под твою дудку плясала. Кто тебе дал право решать за меня?

– Я не прав в том, что не посоветовался, просто вошло в привычку решать все самому.

– Ты скажешь, наконец, почему порвал заявление?

– Стрент тогда на яхте подколол нас насчет патриотизма,

но он не прав. Я рассуждал, что мы с тобой одно единое целое и разногласий не возникнет. Нам нужна ниточка домой.

– А я туда не тороплюсь...

– Тебя никто и не гонит.

– Но ты лишил меня всех прав и свобод, да и вдруг требуют выдать, а я не просила политического убежища.

– Крути, крути дальше, а если я не попрошу, то меня могут и посадить, а то и расписать... – я провел ребром ладони по горлу

– Кому ты на хрен нужен курьер несчастный?

– Ничего ты не поняла...

– Да уж объясни глупенькой, что за шашни ты затеваешь?

– Золото узаконить надо? – она согласно кивнула, – значит вид на жительство нужен. Но мне хотелось когда-нибудь вернуться домой. А без тебя это невозможно.

– Я-то здесь причем?

– Разве ты не собираешься стать моей женой?

– Вот еще глупости, мне и так хорошо. Деньги есть, внешность позволяет мужикам прилипать, буду жить в свое удовольствие.

– Ты явно перегрелась, – я никак не мог понять, шутит она или серьезно говорит.

– Я надеялся, имея русскую жену, еще увидеть милую Москву...

– Ничего, лет через пятнадцать купишь ксиву и слетаешь на поклон.

– Бог с тобой, золотая рыбка, мыло обсохнет, тогда поговорим, – я пошел к себе отквашивать последние жиры, говорят холестерин вреден для здоровья.

По дороге пытался разобраться в услышанном. Если она психанула на самом деле, то надо подготовиться и к такому повороту. Ладно, пока это терпимо. Сейчас искупаюсь, а затем разыщу Стрента. У самых дверей меня остановили:

– Извините, сер. Мистер Стрент просил передать, что через тридцать минут Вас, ждут в столовой на обед, и не забудьте одеть костюм, он в гардеробной. Спасибо, сэр, – я поклонился в знак согласия и вошёл к себе в спальню. Очень хорошо, на ловца и зверь бежит.

Больше чем на душ, времени не хватило ни на что. Впервые, за эти годы, одетый костюм казался гипсовым корсетом, а накрахмаленный воротничок рубашки – ножом приставленным к горлу или строгим ошейником.

В дверях столовой ждал Роберт:

– Ну как, осваиваетесь на новом месте?

– С трудом, но это пройдет. Честно говоря, не мешало бы пройти курсы светских манер перед выходом в люди.

– Успокойся, Сережа, это не сложно, да ты и не с гор спустился из индейской резервации.

В мозгу чирикнула мысль, как-то он слишком чисто называл меня по имени.

– Это конечно, но не хотелось бы оказаться в смешной ситуации.

– Выбрось из головы, не это главное. Лучше обсудим ближайшие дела. А вот и твоя прекрасная половина, – мы обернулись к Насте. Она остановилась в дверях, в явной растерянности. На ней было черное платье с длинным рукавом без воротника, оно плотно облегало ее стройную фигуру. На левой руке браслет, на шее кольцо и маленькие сережки в ушах. Серебристые тени оттеняли ее большие серые глаза и розовая помада подчеркивала нежную линию губ. Челка уложенная волной блестела лаком и золотистыми блестками, а волосы роскошным водопадом струились по спине до самой талии. Линию ноги подчеркивали черные замшевые туфли на высоком каблуке.

Было видно, как она стесняется своего вида и не знает куда деть руки. Настя опустила глаза и покраснела под нашими взглядами, что даже загар не скрыл её румянца.

– Стаси, ты обворожительна, – всплеснул руками Стрент – и направился к ней, – Прошу за стол, – мы сели: он во главе, я справа от него, а она напротив меня.

– Не надо так тушеваться, ты богатая леди, голову выше, взгляд смелее, наглее, если хочешь. Мы тут с Сержем поговорили, что не помешают несколько уроков по культуре поведения, чем вы и займётесь после еды. Сейчас я предлагаю обсудить завтрашний день и пресс-конференцию. У Вас есть какие-нибудь планы на завтра?

– Мы ещё не думали над этим, – ответил я.

– Не знаю как Серж, а я бы хотела полностью ознакомить-

ся с домом и окрестностями. Думаю, найдётся человек, который смог бы дать понятия об азах актёрского мастерства, чтобы не выглядеть «Дунькой» перед репортёрами, а остаток дня можно посвятить тренировкам, плаванию и занятиям английским, – после её тирады, глядя на Стрента, можно было подумать, что у него кусок выпадет изо рта. Он медленно его закрыл и стал жевать, не сводя глаз с руки Насти, которая ковыряла вилкой в салате, в ожидании ответа. Я отхлебнул минералки и почувствовал стыд за себя, не готов к разговору, а мог бы и подумать.

– Тебя, Серж, устраивает такой план? – обратился ко мне Роберт.

– На завтра, да. Но сегодня хотелось бы как можно доскональные разобрать возможные вопросы встречи с журналистами, у тебя есть время?

– Сегодня я целиком Ваш, а потом познакомитесь с Хао, это мой дворецкий, он родом из Китая, его педантичность не уступает английской, широта мировоззрений – философской, утончённость вкуса – японской, а бойцовские качества – ему самому. Я думаю, вы найдёте общий язык. Он и по-русски говорит сносно.

Я подумал, но не сказал, а откуда ты это знаешь?

– Сегодня обойдётесь той машиной, на которой приехали, а завтра закажите Хао какие модели хотите иметь.

– А я ездить не умею, – призналась Настя.

– Надеюсь, Серж решит эту проблему без моей помощи?

– Естественно, – кивнул я, расправляясь с отбивной.

– Между делом просмотрите газеты, основную подборку статей вам принесут, и смотрите новости по ТВ. Необходимой конфиденциальной информацией буду снабжать, – Стрент сделал паузу.

– Ну, а завтра, что?

– Мы будем вместе, это первое, а второе – оставайтесь естественными и не пытайтесь врать. Это со стороны бросается в глаза, и тогда вас будут раскручивать до конца, заставляя врать снова и снова, пока не сочтут бессовестными лгунами, которым нельзя верить, и станут сами докапываться до истины, а она-то им и не нужна.

– Роберт, ты противоречишь сам себе, – заметил я.

– Ни в коем случае. Есть правдивая информация и истинное положение вещей, а это ни одно и то же. Умолчать не значит солгать.

– Давайте конкретно договоримся, что можно говорить журналистам, а что нельзя.

– Одну минуточку, Стаси, – Стрент поспешно поднялся и направился к старому приемнику. – Я думаю, немного музыки нам не помешает, и попрошу учесть, что стены тоже имеют уши. Если хотите о чем-то поговорить, включите что-нибудь или отправляйтесь на природу. Тогда есть небольшая возможность остаться не услышанным другими, – он посмотрел на нас и извиняющимся тоном добавил, – не могу быть уверен, что в мое отсутствие дом не утыкали «жучка»

ми».

– Неужели, так все сложно?

– Прости, милая, привычка всех бояться и никому не доверять.

– Как так можно жить, не понимаю? – Не унималась Настя

– Только именно поэтому и живу еще.

– Но если мы завтра ничего не скажем репортерам, то лишим их куска хлеба, – вмешался я.

– Я не ограничиваю вас ни в чем, только молчите, что золото есть еще и не лезьте в политику. Односложные ответы их не устроят, но в длительные повествования не впадайте. Старайтесь говорить лаконично и точно, без лишних прикрас и демагогии.

– Чего, чего? – не поняла Настя.

– Пустословия я сказал.

– А...

– Как ты думаешь, какова степень их осведомленности? – Поинтересовался я.

– Они знают, что вы русские; я спасся; мы что-то привезли. Хотелось бы знать, про золото им уже стуканули?

– А уклониться от встречи нельзя?

– Серж, это бесполезно, они все равно достанут. Ну, да бог с ними. Вы посматривайте на меня и все будет о, кей. А сейчас настало время делать сюрпризы. Пойдемте...

Мы пришли в его кабинет. Ни какой лишней мебели, под ногами ковровое покрытие, рабочий стол, мягкий уголок.

Правая стена – одно огромное, от пола до потолка, окно, вдоль которого приютились цветы. Противоположная сторона – сплошные стеллажи с книгами.

– Здесь можете выбрать, что почитать, – Стрент направился в дальний левый угол и остановился у последней стойки. От его прикосновения она стала отъезжать, и за ней открылся проход.

Мы последовали за хозяином. Вспыхнул мягкий свет, и сердце у меня учащенно забилося: это была потайная оружейная кладовая.

– Здесь моя святая святых, последняя страсть и любовь. С молодых лет – стрельба моя слабость, а хорошее оружие ее основа.

– Я считаю, что это умение от бога, – заметил я, и подошел к пирамиде с автоматами и винтовками. В самом деле, здесь собраны лучшие образцы.

– А мне никогда не доводилось держать в руках пистолета, – грустно пожаловалась Настена.

– Ты, что ни разу в жизни не стреляла, – изумился Роберт.

– Нет, почему?! В школе из мелкокалиберной винтовки стреляла.

– Уже хорошо, – улыбнулся Стрент, – но будет еще лучше, если вы выберете себе в подарок любой пистолет. Тебе, Стаси, я посоветую вот эту маленькую «Берету».

– Мне можно попробовать вот этот? – спросил я.

– О! «Магнум», конечно. Сейчас достанем патроны и по-

пробуем, – он подошел к сейфу и стал перебирать коробки. Я щелкнул кнопкой и на левую ладонь выпала полная обойма:

– Так он заряжен?

– Естественно. Здесь все заряжено и готово к работе, – отозвался Роберт и скомандовал, – пошли за мной. Сейф приподнялся от пола и вместе с платформой, на которой мы стояли, поехал в сторону, открывая за собой спуск в подвал. Мы прошли по освещенному коридору и попали в тир.

– Располагайтесь, вот наушники, пульт управления передвижными мишенями, там дверь в запасной подземный гараж.

– Как в кино про мафию, – осторожно вставила Настя. Стрент снисходительно улыбнулся.

– Мы все немножко мафиози.

Я укоризненно посмотрел на нее. Она чуть приподняла левое плечо – «извини».

– Мишени стоят, можете начинать.

Стал за спиной Настены, взял ее правую руку, в которой она держала пистолет.

– Вот это предохранитель, его надо опустить и стреляй, целясь через прорез в планке, совмещая мушку с ее краями.

– Это я знаю.

– Очень хорошо, тогда пробуй, – я умышленно не напомнил ей про наушники.

Выстрел ошеломил ее. Она стояла с разинутым ртом, потом закрыла уши руками. Не давая опомниться, грохнул из

своей пушки. Она присела от неожиданности. Стрент подпрыгнул ко мне.

– Ты что сдурел?!

– Пусть привыкает к грохоту. Сейчас она сидит, а в это время в меня стреляют, и нам конец.

– «Конец» у тебя в штанах, – огрызнулась она, вставая, и выпустила всю обойму без остановки. Стрент недовольно покачал головой.

Я нажал кнопку – мишень приблизилась: семерка на три часа, восьмерка на четыре часа, три девятки разбросаны по всему кругу и четыре десятки завершили ее результат.

– Я думал, будет хуже, – облегченно вымолвил Стрент, – блесни, – кивнул он мне. Грохот стоял ужасный от этого изрыгателя огня. Подтянутая мишень не оставила сомнений.

– Видна работа профессионала, – ехидно заметил Стрент и добавил, – может быть ты не журналист, а профессионал в другой области? – внутри у меня все похолодело, в самом деле нельзя было показывать настоящих своих возможностей, но ответить мне не пришлось, запищал настенный телефон.

– Да, я. Все готово? Отлично. Сейчас иду, хотя... Нет, давай ты спускайся к нам, – Роберт повесил трубку, – Сейчас я вас познакомлю с самым страшным человеком – Себастьяном фон Розеном. Это удивительный человек.

На лестнице раздались шаги и перед нами – человек в черных очках, безукоризненно одет, подтянут, седые виски, среднего роста и ни одной особой приметой.

– Приятно встретит с достойный партнер – произнес он по-русски и протянул руку. Но больше всего изумила искренняя улыбка, от которой он весь засветился.

– Вы говорите по-русски? – в свою очередь удивилась Настя.

– Да, Настя, я имел чест воеват с Вашей страной и немножко бежал в Америку, – он заразительно рассмеялся, что я не удержался от улыбки.

– Роберт дал Вам страшную характеристику, что глядя на такую манеру держаться, никогда не подумаешь, что это правда.

– Друзьям я друг, врагам я враг, – он поклонился мне.

– Красиво сказано.

– Просто ест время шутит, а ест – арбайтен.

– Старина, хватит балагурить, тем более я ничего не понимаю. Займись делом. Надо научить Стаси стрелять.

– Буду считать это своим долгом.

– Может быть мне этим заняться, зачем человека отрывать от дел? – спросил я.

– Я с предателями вообще разговаривать не хочу, – резко бросила Настя, и в воздухе повисла напряженная тишина.

– За что это, Серж, тебе навесили такой странный ярлык? – поинтересовался немец, говоря уже по-английски.

– Я порвал ее заявление с просьбой представления вида на жительство в США.

– Но почему?? – в один голос выдохнули старики.

– Я надеялся, имея жену с Советским гражданством, еще вернуться в Союз.

– В таком случае ты прав, – рассудил Розен.

– Как?! – изумилась Настя.

– Политически и юридически это правильно, – подтвердил Стрент.

– Так выходит, я зря на него наорала?

– Выходит, – улыбнулся Розен. Она посмотрела на меня, подмигнул ей, что все нормально. Поцелуй стал наградой за мои терзания.

– Невоспитанная девочка, – покачал головой начальник службы безопасности, – имей в виду на будущее, что в некоторых штатах за поцелуй «на людях» могут посадить в тюрьму или оштрафовать. А теперь давай учиться, – он передал Стренту папку, которую принес, и тот откланялся.

Роберт Стрент

Я поднялся в кабинет и закрыл все выходы. С удовольствием закурил и просмотрел первые страницы отчета. Внутренние мелочи, извечной мышшиной возни из-за карьеры, меня мало интересовали; все мероприятия по ним Себастьян расписал правильно, а вот внешние поползновения со стороны противников, за время моего отсутствия, заставляли задуматься.

Основной объем отчета состоял из копий документов и кратких комментариев Розена. Действия одного из директоров азиатского филиала были ясными и понятными – упрочить свои связи и показать степень своего влияния в совете директоров, но за каким хреном продавать акции нефтедобывающих скважин и перерабатывающего завода – непонятно. Только ли с целью обогатиться? Или что-то еще стоит за этим? С одной стороны, могли пригрозить, а с другой, он не знает всех деталей игры Советского Союза в этом регионе и поэтому поступает так опрометчиво. Нельзя отлучатся даже на несколько дней, а что же произойдет, если я в самом деле умру? Все растащат по кускам? Однозначно нужен сильный приемник.

Еще эта сука, Трешмен, опять решил руки погреть за мой счет. И как все тонко рассчитал. Кажется он стал забывать с кем имеет дело, или его крысиные мозги решили, что я стал

стареть, а тут новость о моей гибели, налетели как стервятники на мертвечину, но я еще жив! Не выйдет. Скорее всего он решил, что сможет прибрать к рукам главенство в «семье»? Ну-ну! Что говорить, эта сделка пробила определенную брешь в моих финансах, а вот и золотишко пригодится.

Пока читал и думал, не заметил, что докуриваю вторую сигару. Надо будет его приструнить или убрать...

Раздался телефонный звонок, от неожиданности даже вздрогнул.

– Хелло, Стрент, это Трешмен. Как поживаешь старина? – в первый момент я машинально отвернул трубку в сторону, показалось, что из нее завоняло.

– Живу как слышишь, не смотря на все твои ожидания, а что это ты, Ричард, обо мне печешься?

– Мне пришла в голову великолепная идея. Ты наверняка будешь устраивать вечеринку по поводу своего возвращения. Так вот, заготовь и мне приглашительный билетик. Хочу познакомиться с твоими цыплятами.

– А тебе не кажется, что ты хамишь?

– И не думаю, Стрент! Ведь мы теперь с тобой почти партнеры? Ты уже в курсе арабской сделки?

– В курсе, так что?

– Но краник можно и перекрыть, и прощай еще доля прибыли, а я эти акции куплю, согласен?

Во мне все кипело и клокотало, но я вовремя вспомнил, что нельзя волноваться. Стал считать до десяти.

– Что замолчал, старина?

– Можешь считать, что я уже не у дел. Приходи на вечеринку, здесь многое прояснится, – нажал кнопку сброса, и тут же включил внутренний вызов, – Розен, Серж и Стаси поднимайтесь ко мне.

Минута тянулась долго, шкаф откатился, и удивленные они остановились перед столом.

– Что случилось, папочка? – Стаси не могла удержаться, пока еще, от доли иронии при обращении ко мне. Я не обиделся, не до того было сейчас. Пройдет время и мы привыкнем друг к другу.

– Присаживайтесь, Стаси, Серж, а ты, старый хрен, тащи досье на Трешмена, эта тварь меня достала.

– Спокойней, батя, спокойней! – я посмотрел на Сережу, у меня отлегло от сердца, понял, что он говорит искренне, значит, можно не переживать, что окажусь непонятым или отвергнутым.

– Сейчас вы поймете о чем я говорил на острове, – кратко изложил суть моей потери на Ближнем востоке, – а мне нельзя волноваться – сердце. Спускать с рук такое нельзя, иначе затопчут!

– Насколько я понял, разбираться с Ричардом предлагается мне? – спросил Серж.

– Во всяком случае, я на это очень сильно надеюсь, мой мальчик, если ты не хочешь чтобы со мной приключился инфаркт или инсульт. Ну, а какие силы тебе задействовать, ре-

шай сам.

– Стаси будет участвовать в этой операции?

– Еще раз повторяю, решайте сами.

– Досье, сэр, – Розен протянул мне папку.

– Любое дело начинается с информации, так что располагайтесь удобней: курите, пейте, задавайте вопросы, а я буду читать и комментировать, – Себастьян отошел к окну, Стаси налила себе и мне по бокалу лимонада, Серж сидел, потупив взгляд в крышку стола, то и дело смыкая и размыкая растопыренные пальцы. Все готовы.

– Полл Трешмен влился в «семью» в 1956 году после того, как окончательно пришел к убеждению, что в современном бизнесе легче оставаться на плаву сообща. В его распоряжении несколько заводов по выпуску автомобильных покрышек, синтетического каучука, две фабрики пластмассовых изделий и четвертая часть капитала в ценных бумагах и акциях.

В дискриминирующих связях замечен не был, исправно платил взносы, в конфликты с властями лично не вступал. В 1972 году за махинации на биржевых торгах его заместителем, компания была оштрафована на 2 миллиона долларов. Имеет хорошо подготовленную группу боевиков и личную охрану, которые принимали участие в ликвидации членов конкурирующих «семей».

Имеет плантации коки в Бразилии и Венесуэле. Хорошо налажена сеть распространения. Несколько раз отдел по

борьбе с наркотиками почти вплотную выходил на него, но он с честью выкручивался из сложных ситуаций. 1980 году П.Трешмен скончался от сердечного приступа.

Осталась вдова и сын. Вдова живет на своей вилле недалеко от Майами. Все дела перешли к сыну – Ричарду Трешмену. Ему 36 лет. Не пьет, но курит. Холост. Вредных привычек не имеет. Очень заносчив и мнителен. Был замечен в некорректных отношениях с членами «семьи», за что имел 2 предупреждения на «сходе». Жаден и рвется к деньгам любыми способами.

Однако, несколько раз оказывал значительные услуги по спасению членов организации от суда, в результате чего приобрел определенный авторитет сильного человека. Жесток по отношению к своим людям, троих провинившихся застрелил лично. После гибели Роберта Стрента, путем не очень чистых махинаций приобрел акции арабского региона, что расширило его сферу влияния и укрепило финансовую базу...

Розен, а как понимать фразу: «После гибели Роберта Стрента»?..

- Все так считали, шеф...
- Ладно, опустим, а ты справишься. Какие будут мысли?
- Параноик, – тихо произнес Серж.
- А что скажет, прекрасная леди?
- Почему там ничего не написано про женщин? Он что онанист или педик?

– В самом деле, Себастьян? – улыбнулся я, глядя как краска смущения заливает лицо моего друга.

– В порочащих связях замечен не был, – глухо проворчал Розен, удивленно посмотрев на Стаси.

– Что это Вы так на меня смотрите, дядя Себастьян? – поинтересовалась девушка.

– Я бы попросил в моем присутствии не выражаться.

– Ой! Да я еще совсем дикая и срываюсь иногда, прости, – она фыркнула в стакан с лимонадом, а Розен буквально побагровел.

– Выпусти пар, старина, а то засвистишь, – рассмеялся я.

– Я не привык к такому обращению...

– Молодо-зелено, успокойся. Лучше посоветуй на чем прижать нам эту гадину?

Розен сел к столу.

– Чистых вариантов нет. Он изворотлив, как угорь. Грязная работа требует подготовки. Меня сильно расстроила твоя пропажа, упустил из виду, прости...

– Забудь об этом. Махать кулаками после драки – пустое. Надо искать выход.

– Это вся информация об этом человеке? – вмешался Серж.

– Да.

– Что ж, если нет аргументов – в ход идут эмоции.

– Что ты задумал?

– Набить ему морду.

– Не хватало еще, чтобы начались внутренние разборки, – проворчал я, не понимая куда он клонит.

– А кодекс чести в «семье» есть?

– Разумеется, но доказать, что он его нарушил очень сложно, игра идет на грани фола.

– Это было с тобой, со мной Ричард еще не играл.

– Ты не член нашего «профсоюза», – заметил Розен.

– Интересно, а общечеловеческие принципы вам не чужды? Если, например, оскорбят мою жену, что же я по-твоему стоять буду?

– Он не настолько глуп чтобы размениваться на мелочах, извини Стаси, это не про тебя.

– Про меня, я знаю, вы мужики, только и ждете момента, чтобы нас унижить. А как насчет защиты от дурака?

– Что это значит? – спросил Себастьян.

– От дурака защиты нет, а это значит, что его надо поставить в дурацкое, безвыходное положение, которое для окружающих будет выглядеть однозначно. Но вы не ответили насчет принципов.

– Этот человек без принципов.

– Хочешь сказать, что он играет без правил?

– Серж, говори прямо, что ты хочешь сделать?

– Скандала, пусть небольшого, но чтобы все сходилось на мне.

– Его охрана открутит тебе голову, как повар куренку.

– Кроме головорезов Трешмена еще кто-нибудь вмешает-

ся?

– Могут подключиться ребята из других фамилий.

– Но ты же босс – останови.

– Над этим надо подумать.

– Лови! – крикнул Розен и резко бросил зажигалку Сержу.

Все произошло в доли секунды: Беркут поймал ее и тут же бросил обратно, причем Себастьян не успел отреагировать, и предмет, ударив его в лоб, упал на пол.

– Что за эксперименты! – взревел я, глядя как по лицу моего друга растекаются струйки крови.

– Хотел проверить насколько он крут, – проскрипел Розен сквозь зубы, зажимая рукой рану.

– Совсем спятил старый хрен, а спросить не мог?

– Я ждал ответа, но не с такой же скоростью, – оправдывался он.

– Бешеный слон! – выругалась Стаси на Сержа, промывая рану водой из графина. – Чуть человека не убил.

– В последний момент рука вздрогнула, – вздохнул Серж, и подошел к нам. – Отойдите.

Он отстранил нас, обтер рану платком, плотно сжал ее края, пальцами левой руки, а правой стал водить из стороны в сторону, как бы что-то разглаживая.

– Все. Можете встать, если хотите, но больше так меня не проверяйте, я всегда готов.

– Дай то Бог, – одобрительно кивнул Розен и протянул Сержу руку. По их глазам я понял, что они стали друзьями.

Странная сцена...

– И так, на чем мы остановимся? Нам со Стаси разрешается его разыграть?

– Вы, Серж, хотя бы присмотритесь к нему, пощупайте и постарайтесь не перегибать палку, – тяжело принимать решения до конца не зная чем все закончится. Я задумался, пытаюсь в уме проиграть возможные варианты и не моргая смотрел в крышку стола.

– Надо полагать, что совещание окончено? – осведомилась Стаси, прервав мои мысли.

– Да, дитя мое, а ты что-то хочешь?

– Купаться, папочка, и вам с дядей надо пошущукаться, ведь правда же, – лукаво заглядывая мне в глаза промурлыкала эта несносная девчонка.

– Бегите, юные плутишки, – я легонько хлопнул ее под зад, скрываясь за дверью, она погрозила мне пальцем.

– Надеюсь, все что ты мне про них рассказывал правда? – Розен стоял у бара, засунув левую руку в карман брюк, а правой разливал нам по бокалам виски.

– За мое отсутствие дом остался чист?

– Здесь никого не было, говори смело.

– Тогда вместо этой гадости налей мне водки, я наверное никогда не привыкну к этому здешнему самогону. А про ребят добавить особенно нечего, хотя характеры и манеры своеобразные. Стаси большая выдумщица, а Сережа немного резковат.

– Это я успел заметить, – Розен осторожно потрогал ушибленное место.

– То, что он агент КГБ, ты знаешь, но голова его забита спасением затонувшего золота.

– Много?

– Думаю, что да. Правда оно на дне океана, и чтобы его достать потребуется целая экспедиция.

– Что ж там россыпи царя Соломона? – с недоверием уставился на меня Розен. – Прозит, – бросил он свою немецкую здравницу перед рюмкой водки, мы выпили, закусили лимоном.

– Сто тонн, может больше.

– Ты шутишь??!

– Зачем.

– Но это же смерть?!

– Я ему говорил, но особого действия это не возымело.

– Мне кажется дело Трешмена его охладит.

– Пойми, Себастьян, не хотелось бы рисковать им. Я конечно согласую со своими, но сдается мне, что дела передавать придется Сереже. Подумай как его зачислить в наши ряды.

– Когда будешь приглашать на вечеринку предупреди коллег, что их ждет сюрприз и без обиняков расскажи про все кроме галеона.

– Естественно. Другой вопрос, что мы все равно должны быть начеку. Много людей «братья» не привезут, а ты своих

собери всех.

– Несмотря ни на что, Трешмена многие недолюбливают. Ладно, Роб, не бери в голову, это случится еще не завтра, все обойдется.

– Да, да и понадеялся поп на русский авось...

– Это ты о чем?

– Просто вспомнилась одна детская сказка. Пригласи сюда Хао, – Розен нажал кнопку.

Мы закурили. Через несколько минут дверь распахнулась и вошел китаец. Он низко, на свой манер, поклонился.

– Слюхаю, хозяина.

– Ты познакомился с новыми жильцами?

– Нет есё.

– Можешь считать их моими детьми: ее зовут Стаси или Настя, его Серж или Сергей, как тебе будет удобно. Завтра покажешь им окрестности и купишь машины какие скажут. В свободное время можете заняться с ними твоим любимым каратэ.

– Спасибо, хозяина. Хао все поняла.

– Иди, – он с поклоном удалился, – Себастьян, тебе плеснуть еще чего-нибудь?

– Да, коньячку пожалуй, что-то голова трещит.

– Не мудрено старый ты дуралей. Пойдем, посмотрим как они плавают, только не удивляйся, помни, что они из джунглей.

Мы вышли во внутренний двор, где располагался бассейн.

Он светился чуть изнутри, подсвеченный скрытыми плафонами. Загорелые тела ребят казались черными. Мы сели в шезлонги. Через несколько минут Бас тихо спросил:

– Так они, что голые что ли?

– Конечно. Это их стиль жизни.

– ???

Стаси подплыла к нашему бортику, подтянулась на руках, до пояса высунулась над краем, и без подготовки сделала стойку на руках, застыла на несколько секунд, потом локти плавно подогнулись, сгруппировавшись она скатилась к нашим ногам.

– Кто угостит русалку-Настю лимонадом? – ее глаза блестели, как и все тело.

– Какое беспардонство, – фыркнул Бас, и поднялся, чтобы уйти.

– Послушай, Розен, брось дурить, а то я тебе синюю бороду наклею, – резко бросила Настя, – можно подумать ты баб голых не видел?

– Я воспитан на других принципах.

– Что за шум, а драки нет? – к нам присоединился голый Серж.

Розен ушел. Молодым людям было не понять, что после работы в концлагере он не мог смотреть на обнаженные тела, его по ночам мучили кошмары.

– Довели старика?

– Он еще не старый, – удивилась Настя.

– Ему, детка, 65, он на два года моложе меня.

– Никогда бы не подумала, хорошо сохранился.

Я бросил недовольный взгляд на Сержа:

– Идите спать завтра тяжелый день, – оставив их, я ушел к себе.

Сергей

Первая половина дня прошла по сценарию Настены. Затем на Кадиллаке мы поехали в офис, где располагался конференц-зал. Машина остановилась, живая цепь из полицейских оградила нас от журналистов. Засверкали вспышки. Когда мы выходили Настя бросила через плечо:

– Хао, не забудь мою сумку.

– Слюхаю, Настя-сан, – они как заговорщики улыбнулись друг другу.

– Ты никак на базар собралась?

– Нет, милый, просто подумалось, а вдруг захочется перекусить, вот и прихватила пару бутербродов.

– В метр длиной?

– Уж какие получились, – дальше препираться нам не дали. Мы вышли на сцену. Зал был почти полон. На столе, как кобры торчали микрофоны. Нас посадили в центре, слева сел Стрент, справа его пресс-секретарь, вышколенный молодой человек лет тридцати.

– Цель нашей встречи всем известна, – начал он, – мистер Стрент выступит с заявлением, затем кратко ответит на ваши вопросы.

Я сидел и глупо улыбался камерам, слушая известные факты, обычно я привык находиться по другую сторону рамп. Когда нас представили залу, мы покивали, чуть при-

встав. Скучая смотрел на часы, и вдруг четко осознал последнюю фразу:

– ... пусть мои спасители сами расскажут о себе.

– Мистер Беркут, какая ваша специальность?

– Могу обрадовать, мы коллеги.

– О! О! – пронесся вздох.

– Я работал в «Комсомольской правде».

– Цель вашей командировки?

– Я должен был делать репортаж с конкурса «Мисс мира».

– Анастасия Дробышева Ваша жена?

– Пока еще нет.

– Как долго Вы пробудете в Америке?

– Все будет зависеть от положения дел.

– Что помогло вам выжить?

– Армейская подготовка и труд.

– Как Вы относитесь к событиям происходящим в вашей стране?

– На нас свалилось столько впечатлений, что еще не было времени ознакомиться с новостями.

– Стаси, как Вы считаете, встреча с мистером Стрентом случай или судьба?

– Я верю в судьбу.

– Какова Ваша профессия?

– Официантка, – она покраснела.

– Вы сейчас живете на средства Советского Посольства?

– Нет. Нас пригласил мистер Стрент.

– Ваши родные уже знают о вашем чудесном спасении?

При этом вопросе Настена отпрянула назад, как от удара и побледнела. Секретарь налил ей воды, а ответил я:

– Нет. Мы еще не встречались с нашими представителями. Если только вчерашний репортаж не попал в программу новостей в Союзе.

– Какая часть клада в России причитается нашедшему?

– Я не понял вопроса?

– Вы привезли золото, по нашим данным на 30 миллионов долларов. Как вы собираетесь ими распорядиться? – по залу прокатился рокот. Этот вопрос был сродни разорвавшейся бомбы, я не готов был к утечке информации и ответил что первое пришло на ум:

– Считать чужие деньги последнее дело.

– Это не ответ на поставленный вопрос.

– Откуда у Вас эта информация про золото, мы не делали никаких заявлений?

– Любая информация покупается и продается. Где гарантия того, что это не происки КГБ, и это золото ввезено ни с целью подорвать экономику США?

– Я считаю этот вопрос провокационным и оскорбляющим интересы моей страны...

– Гражданином, которой Вы уже не являетесь, согласно Вашего заявления?

– А разве покойник может иметь гражданство? Нас похоронили три с лишним года тому назад, – рассмеялась На-

стя. – Кажется мне, этот джентльмен пользуется закрытой информацией, за что кто-то будет наказан. Ну, да ладно. У нас есть доказательства тому, что Советский Союз не имеет никакого касательства к данному делу. Это первое. Второе, деньги или золото привезенные нами не будут употреблены с целью подрыва стабильности вашей страны.

– Вы девушка прекрасно говорите, но здесь задеты принципиальные вопросы и нам нужны факты.

– Хорошо, Бог с Вами. Вы их получите через несколько минут, а пока пообщайтесь с мужчинами, – видя как у нее подрагивают крылышки носа, я понял, что Стаси взбешена и от нее можно ожидать чего угодно.

– Стаси, ты куда, – прошипел я.

– За бутербродами, – коротко бросила она и скрылась за кулисами.

– Мистер Стрент, Вы не боитесь ответственности за ввоз в страну не лимитированного эквивалента?

– Все положенные налоги уплачены и государственные интересы соблюдены.

– А Ваши интересы не пострадали за время отсутствия?

– Что Вы имеете ввиду?

– Потеря акций в арабском регионе?

При этих словах Роберт перегнулся через меня и шепнул секретарю:

– Розена сюда, – тот удалился.

– Молодой человек, а Вы не боитесь быть привлеченным

к ответственности за финансовый и промышленный шпионаж?

– Ему надо бояться меня, – промурлыкала Настя, появляясь за нашими спинами. Она медленно обогнула стол в гробовой тишине. У меня пробежал холодок по спине. Поравнявшись со мной, она тихо сказала:

– Работаем.

Одета она была так, как первый раз приветствовала Стрента в новом платье королевы, только шпаг было две.

– Я демонстрирую вам часть того, что мы привезли, в знак доказательства лживости прозвучавших утверждений, – она чуть повела плечами вперед – я последовал за ней. Сделав в воздухе сальто, она спрыгнула со сцены.

– А как известно за ложь надо платить, – голос ее звучал глухо и зловеще. Сцена напоминала удава и мартышек, которые, как под гипнозом готовы прыгнуть ему в глотку. Завороженный зал боялся шелохнуться.

– Снимайте, что ж вы не снимаете, – замелькали вспышки. Одним прыжком она оказалась возле дотошного журналиста.

– Ну что? Нравится? – острое шпаги уперлось в ямку под шеей. Он судорожно глотнул.

– Да, – еле выдохнул он.

– Но справедливость должна восторжествовать, – мелькнула сталь в мгновение ока, и словно росчерком пера, обидчик обнажился донага. На нем остались лишь штанины. А

жалкий сморщенный его конец, в руке ее зажат был словно прессом. Две шпаги я уже держал в руках, отброшенные ею. А острое ее кинжала, его махнушки подпирало.

– И пусть уроком будет всем, что нас дразнить не надо не зачем. Не то достоинства свои вы растеряете до утренней зари.

– Настя, ты отпусти его, а то помрет.

– Ну, посмеялись и будет. Исчезни злыдень.

В дверях его уже ждали двое. Она вложила кинжал в ножны и забрала у меня шпаги.

– Теперь серьезно, – но договорить ей не дали, зал взорвался аплодисментами. Положив клинки на плечи Настя поднялась на сцену.

– Вы прекрасно поняли, что обманывать никто не соби-рался, кроме того есть письменные доказательства на наше с Сергеем владение всем этим добром. На этом будем считать конференцию законченной.

Мы ушли в малый зал. Стрент тяжело плюхнулся в кресло.

– Вы что, смерти моей хотите?

– Ни в коем случае, – улыбнулась Настена.

– Скорее всего ты не отдаешь себе отчет содеянному?

– Я в здравом уме.

– Сомневаюсь, – вставил я.

– Я сделала то, что хотела – фурор.

– Америка видела многое, но голых миллионерш еще ни

разу.

– Во-первых, я русская, а во-вторых, хорошо быть первой.

– У меня не укладывается в голове, зачем?

– Нечего было приставать, и вообще я хочу шампанского, – Хао появился, как из-под земли. Бокалы, хлопок, шапки пены.

– Я никак не могу прийти в себя. Где этот Розен?

– Здесь.

– Ты узнал, что это за гусь?

– Да, шеф.

– Где он?

– Привести.

– Да.

Незадачливый репортер появился перед нами все в том же виде, прикрывая свое хозяйство руками. Не сводя глаз он смотрел на Настю, неподдельный ужас застыл в его зрачках.

– Чье задание ты выполнял? – прогремел Стрент. Таким свирепым я его еще не видел, знать, в былые времена он мог испугать и не только подобных хлюпиков.

– Трешмен снабдил всей информацией и велел доложить вашу реакцию.

– Ты догадываешься, что докладывать не о чем.

– Да, теперь нет.

– Особенно в таком виде, – хихикнула Стаси.

– Ты член его команды или случайный игрок?

– Член.

– Оно и видно, – опять съязвила эта заноза.

– Так вот, член, передай своим яйцам, что их скоро побреют. Доставьте его в таком виде в резиденцию Трешмена, – Розен после моих слов перевел взгляд на босса, тот кивнул:

– Выполнять.

– Нет! Меня убьют!

– А ты думал, что за подобные выходки по голове погладят. Ты забываешь к кому ты пришел, сраная задница!

Я никогда не думал, что голос Стрента может напоминать рычание разъяренного льва.

– Пшел вон, шакал! Гиена бесхвостая! Скунс-вонючка! – и уже почти спокойно, – Хао, водки мне.

Через минуту появился граненый стакан, до риски полный и ломтик соленого огурца. Мы с Настей выкатили глаза при виде, как все это булькнулось. В конце он хлопнул в ладоши, передернул плечами и не переводя дыхания затянулся сигаретой.

– Как заправский алкаш-Вася, – изумленно прошептала по-русски Настя.

– Угу, – как бы поняв хмыкнул Стрент и добавил:

– Ничего дедок, правда Стаси? – он ей игриво подмигнул.

– Я тебе не перестаю удивляться, папочка...

– Подожди, еще успеешь, а то вы КГБ, КГБ!.. Ха! Ха! – они с Розеном дружно рассмеялись.

Вдруг смех оборвался.

– Все. Хватит. Цирк окончен. Работаем по плану, –

Стрент резко развернулся и пошел к выходу, ни разу не качнувшись. Розен подошел к Насте с ее одеждой.

– Ваш костюм, леди.

– Спасибо, – она протянула ему недопитый бокал, – часто старик так чудит?

– Не думаю, коллега.

Он сделал ударение на последнем слове и пояснил:

– Ты заставила всех себя уважать, ценю. А теперь я откладываюсь.

Домой нас вез Хао.

– Ты что специально готовила этот трюк?

– Драгоценности я взяла умышленно, догадываясь, что их придется показывать, а все остальное сплошной экспромт.

– Любой экспромт хорош, когда он заранее подготовлен.

– Ну, честно говорю, на ходу придумала.

– Все у них здесь продается... Тебе не кажется, что мы начинаем вязнуть?

– Пока нет, Сережа. Пока... Но напряжение растет. Слишком все быстро разворачивается, а мы не владем информацией.

– Сейчас нам надо усиленно заниматься и быть готовыми ко всему. Мне это тоже не нравится. График будет такой: 2 часа вождение, 2 часа стрельбы, час английский, 2 часа новости, 2 часа плавание, 2 часа экономика, 3 часа тренировка, 3 часа на еду, 7 часов сон. Согласна?

– Вполне, только у меня к тебе будет просьба.

– Говори.

– Давай съездим в посольство, я хочу маме весточку передать.

– Я уже думал над этим, но шестое чувство подсказывает, что нужно немного подождать.

– А что плохого в том, что я приду и скажу, что жива, здорова, маме привет, ну не знаю, письмо напишу.

– Когда мы там появимся, тебе будут задавать множество вопросов, и ты можешь наговорить лишнего, поэтому к данному визиту надо подготовиться и все отрепетировать, можем включить это на первых днях занятий вместо экономики? Что скажешь?

– Скорее всего ты наверное прав, как всегда, но об этом визите даже журналисты спросили.

– Вот ради них и твоей мамы мы туда и пойдем, но чуть позже, договорились?

– Логично.

Мы ударили по рукам и все завертелось. Нам удивлялись все, но на третий день привыкли. Постоянным нашим спутником был Хао, с его неизменным выражением: «Я от вас толчу, хозяина». Розен иногда наблюдал за нами, он появлялся в разное время, но никогда не говорил и слова, кивком здоровался, а потом уходил «по-английски».

Семь дней пролетели незамеченными. Мы уже отработали все детали предстоящего визита в Посольство, но произошел казус, который заставил меня встрепенуться.

После обеда мы всегда отдыхали по тридцать минут, каждый в своей комнате. Работал кондиционер, я лежал на постели. Дверь без стука отворилась, меня, как ветром сдуло на пол. В комнату вошел молодой человек, неся перед собой кипу чистого белья. Я уже переполз за дверь, и он не мог меня видеть. В следующее мгновение его шея оказалась зажатой между моих рук. Я готов был отвернуть ему голову.

– Почему без стука? – тихо спросил я, – ты новенький, почему меня не предупредили?

– Это называется, скирдуйте воблу штабелями, – услышал я ответ на русском языке, и колени мои дрогнули, невольно опустился на пол. Руки у визитера расслабились и белье все рассыпалось. Он плюхнулся на ковровую дорожку и стал растирать шею.

– Хорошо, что меня предупредили, а то точно в штаны наложил бы со страху.

– Ничего, браток, бывает хуже, но реже. Что передать велено?

Он молча протянул конверт без адреса. Открыл. Записка: «Помним. Видим. Жди встречи».

Я поднял глаза, комната была пуста, только белье лежало на месте. Перечитал еще раз. Напечатано по-английски, не подкопаешься. И лица я его не видел. Видимо, кто готовил «выход», продумал все до мелочей. Встал, подошел к камину, сжег конверт вместе с содержимым и разворошил пепел. Собрал белье и убрал в шкаф. Что ж будем ждать.

Кто же выйдет на связь? Судя по тексту, он знает меня в лицо. Нового пароля не назвали, старый, про воблу, уже не действителен – значит и я должен знать его в лицо. Хороший ребус. Но как учили: не бери тяжелого в руки, а дурного в голову. Придет время – узнаешь.

На десятый день, после нашего прибытия в Америку, должна была состояться званая «вечеринка». К пяти часам стали съезжаться гости.

Настя стояла у окна в моей комнате.

– Как в хорошем кино: лакеи, дорожки, лимузины, бриллианты, старые перчатки, даже собаки... и Розен с рацией.

Я подошел сзади к Насте и обнял ее за плечи, они мелко дрожали.

– Волнуешься?

– Немного, – она повернулась, и сжавшись в комочек, зарылась у меня на груди. Я вдохнул аромат ее волос. От нее все так же пахло тропиками. Привычка.

– Нам нельзя расслабляться, особенно сегодня.

– Знаю. Обними меня покрепче, Сережа.

– Ты, чего, Киса?

– Тепла хочется, надоело собачиться, я уже вся провоняла порохом и бензином.

– Потерпи малость и отдохнем.

– Нет, Сережка, не будет нам отдыха, теперь все пойдет по нарастающей. Об одном прошу – будь осторожен. Одна я не потяну, а ты ведь у меня «Бешеный слон».

– Хорошо, «Русская Амазонка», как скажешь.

– А тебе та статья понравилась?

– «Русская Амазонка покоряет Америку!»?

– Да.

– Корректно написано и не слова лишнего. Я ее несколько раз перечитывал.

– Что-то их заставило осторожничать?

– Скорее всего достоинства свои берегут.

– Не шути, настроение не то.

– Просто к нам еще присматриваются. Сегодня тоже будут репортеры. Дурацкая ситуация, не знаешь как себя вести. Как бы не перегнуть палку. Главное ты сыграй, как по нотам.

– Дебют уже был, а второй раз легче.

– Жаль, что мы не знаем о чем разговор сейчас идет у Стрента в кабинете.

Стук в дверь.

– Войдите.

– Хозяина ждет, Серега-сан, и просит Настя-сан надевает золото. Там большие гости, вай – все «братья» приехал, много говорил, сильно дымил, громко спорил.

– А сколько пил?

– Совсем не пил, только по столу стучал.

– Розен там?

– Он за шкафом, Серега-сан. Братья не любят чужие уши.

– Понятно. Подождем Настю, – мы остановились у ее

апартаментов.

– Серега-сан...

– Ты чего?

– Ой! Боюсь хозяина... Много злой. Его братья недовольны.

– Чем это?

– Золото много привез, плохой золото, мертвый золото.

– Почему мертвое?

– Продать нельзя, деньги делать нельзя.

– У нас все лъзя, – усмехнулся я.

– Не понял, хозяина?

– Потом скажу.

Появилась Настена. Диадема, серьги, кольцо, платиновый пояс с рубинами, блески на веках, светлая помада, черное короткое платье, открытые плечи. И конечно же самое прекрасное бриллиантовое колье переливающееся на загорелой коже.

– Держите меня восемь человек.

– Я только один, хозяина, – откликнулся простодушный Хао.

– Шутка. Пойдемте.

На пороге кабинета двое в черном с квадратными мордами, не обезображенными интеллектом.

Хао в метре от них остановился и поклонился. Я прошел к двери, но перед лицом, в стену, уперлась рука. Кто-то меня быстро обыскал. Я сдержался и на пороге обернулся.

С Настей вышла заминка. Ее тоже хотели подвергнуть до-
смотру. Какая глупость...

– Убери руки, а то протянешь ноги.

Детина ослабилась и двинулся к ней. Настя попятилась
изобразив испуг от неудачной шутки, тот видно это понял
и сделал еще шаг. Он оказался последним. Его нога не успе-
ла опуститься на пол, как Настя в шаге подсекла ее, довер-
нулась сама, ноги охранника мелькнули в воздухе, и чтобы
он не пытался больше встать, она ткнула его рукой в кадык.
Получился легкий – бух! Я только покачал головой.

Второй дернулся помогать, но я похлопал его по плечу, он
нервно обернулся и получив удар двумя пальцами в бычью
шею, тихо осел у стены.

– Хао, позаботься о них и научи хорошим манерам, – я по-
правил костюм, Настя взяла меня под руку с невинной улыб-
кой. Китаец молча кивнул.

Мы появились на пороге кабинета.

– Что там за шум, Серж, – поинтересовался Стрент. Я не
успел открыть рта.

– Это я за ковер каблуком зацепилась, папочка, – краснея
объяснила Настя и добавила, – никак не привыкну к туфлям.

– Вот такие они у меня, – расплылся Стрент, – знакомь-
тесь: Серж Беркут и Стаси Дробышева.

Нам дружно покивали. Один джентльмен поднялся на-
встречу, и поцеловав Насте руку, предложил свое кресло. Я
стал за ее спиной. Он устроился на диване. Их представлять

не имело смысла, потому что в ходе занятий мы ознакомились с их досье. Здесь сидели все члены «семьи» Стрента. У всех честный бизнес, они известные люди. Но группой легче держаться на волне экономики, имея и подводные крылья.

Первая стрельба глазами прошла.

– Нам очень приятно, что у вас с мистером Стрентом сложились хорошие отношения. Но есть ряд вопросов, которые мы бы хотели обсудить с вами лично, несмотря на вступительное слово президента. Хотелось бы, например, знать, как будет работать ваш капитал: отдельно друг от друга, ведь вы не муж и жена, или это вопрос времени?

Из своих занятий мы уяснили, что большие акулы спокойней относятся к мелкой рыбе, нежели к себе подобным. Вопрос сложный.

– Видите ли, мы, если так можно выразиться не очень сильны в финансах, и все проблемы свалившиеся на нашу голову вместе с этим золотом большая загадка. Конечно, мистер Стрент, кое-что нам объяснил, но принимать решения, не зная их последствий, было бы глупо.

– Довольно грамотный ответ для дилетанта, – заметил мой сосед.

– Спасибо. Что касается слияния наших капиталов, то здесь возникли временные проблемы личного характера. Так как я считаю, что деньги надо пустить в оборот, а Стаси хочет загорать на пляже и покупать красивые вещи, – вспылил я. Она с издевкой посмотрела на меня. На эту мизансцену

реакция была правильной: легкий смех и жидкие аплодисменты.

– Женщины, есть женщины, – констатировал кто-то. Я следил за реакцией Трешмена, но она была общей и никак не выделяла его.

– Ваше решение остаться у нас, хорошо обдуманно?

– А в какой бы стране мы смогли бы остаться с большими доходами? – вопросом на вопрос ответил я.

– Логично.

– Ваш выпад, Серж, на яхте с ножами в форме звезды, не является противостоянием коммунистической морали нашей?

– Иногда, чтобы заставить человека действовать или наоборот, приходится прибегать к неадекватным мерам. Там всех парализовало то, что мы русские, пришлось прибегнуть к гротеску. Я же вам не тычу в глаза: «О! Американцы!» – все дружно рассмеялись.

– Молодец парень...

Стрент кивком подозвал Настю и что-то шепнул ей на ухо. Она направилась к двери.

– Да мы русские и душа у нас широкая, – продолжил я свою мысль стараясь поддержать сложившуюся атмосферу, в этот момент дверь с треском распахнулась, в нее спиной влетела Настя, диадема покатилась под ноги присутствующим. Настя руками держала за уши одну из тех горилл, что стояли у входа. Она перекатилась через себя, упираясь каблуком

ему в пах, и оказавшись сверху тут же вскочила на ноги.

– Хетт! Хетт! Хетт! – три глухих удара, и только яростный шепот в наступившей тишине – Б...дь, собака бешеная!..

– Стаси! В чем дело?! – Стрент встал из-за стола.

– Кто поставил этих мастодонтов у двери? Я что, не имею права ходить по этому дому?

– Объясни, что произошло?

– Когда мы шли сюда, я не падала... Меня хотели обыскать, как Сержа, я не разрешила. Сейчас он решил, видите ли, отомстить! Ублюдок!

В проеме появился Хао.

– Узнаешь у Розена где он взял этого и проверь как он?

Хао нагнулся и потрогал сонную артерию, потом отрицательно покачал головой.

– Леди, я преклоняюсь перед вами, но ведь это электрический стул?

– А я думала хрен!

– Вы явно чего-то не понимаете? Сейчас было публично совершено преднамеренное убийство.

Настя и плечом не повела, голос звучал спокойно, дыхание выровнялось:

– В случае вызова полиции я разрываю на себе платье и его руками царапаю себе грудь, и буду утверждать, что он пытался меня изнасиловать, а чтобы снять все дополнительные вопросы о превышении самообороны:

Она залезла в боковой карман пиджака трупа, достала но-

совой платок, с его помощью выудила из подмышки у детины револьвер и вложила ему в еще теплую руку, а платок вернулся на место.

– Вопросы?

– Браво!

– Воистину, браво русской амазонке!

– Вы потрясающая девушка!

– Джентльмены, инцидент, конечно, неприятный, но я думаю молодые люди много пережили, и то шампанское, которое я просил принести Стаси нам не помешает, – Стрент хлопнул в ладоши. Хао уже успел утащить тело и вкатил сервировочный столик.

Я подошел к бару, налил коньяка и отнес его вместе с диадемой Насте, она стояла у окна.

– Выпей.

Она молча опрокинула рюмку и взяла протянутые мной сигарету и корону. Мы закурили.

– Я в самом деле убила его? – она говорила тихо.

– Да. Я предупреждал тебя, что это страшное оружие. Только смотри на вещи философски и не впадай в истерику, – она какое-то время молчала.

– Господи! Неужели это так просто – убить человека? Сережа, чего стоит человеческая жизнь?

– Держи себя в руках... – нас прервали.

– Извините, молодые люди, может быть выйдем на свежий воздух, – это был Дэвид Эйхен, седой толстяк в зеленых оч-

ках.

– И вы знаете, и что я вам скажу, – начал он по-русски, когда мы вышли в сад, – Этот эпизод пусть вас не огорчает. И это все, потому что здесь все свои люди. А то пешки, шестерки, их иногда надо ставить на свое место.

– Или класть, – вставила Стаси.

– О, я вижу, девушка улыбается, щеки стали румяные. Так вот, что я хочу сказать, один мой знакомый раввин говорил, что слушать надо не только ушами, но сердцем, так оно мне говорит: «Мы сработаемся». Я буду голосовать – «за». Он поцеловал руку Стаси, отсалютовал мне бокалом и удалился по тропинке.

– Как тебе еврейчик?

– Подожди, меня сейчас вырвет.

– Отходняк пошел. Держись, я принесу воды, – оставил ее у дерева и метнулся к дому.

– Хао! Воды быстро! Нет, не стакан, больше, Стаси плохо, – выдохнул я одним залпом. Китаец не заставил себя ждать, сунул мне в руку графин:

– Серега-сан, не ходит долго, хозяина сказал, что продолжен разговор надо.

Настю я встретил на полдороги.

– Все нормально, – попыталась она меня успокоить, но к воде припала с жадностью. Я похлопал ладонями по ее щекам, чтобы вернуть нормальный румянец.

– Ты в состоянии вернуться?

– Если верить тому, что говорили мне, ты и Стрент, то к случившемуся надо привыкать.

– К смерти нельзя привыкнуть, просто загоняешь в угол свои эмоции.

– Ладно, пойдем.

– Итак, джентльмены, продолжим. На чем мы остановились? – осведомился Стрент.

– Я говорил о том, что душа у нас широкая.

– Совершенно правильно, а степень подготовки еще шире, с учетом, что профессия мисс Дробышевой официантка, – съязвил Трешмен. Наши взгляды встретились. Он хотел просверлить меня глазами, забраться внутрь, но наткнулся на холодную издевку в ответ и стену отчуждения.

– Вы что-то имеете против? – спокойно спросил я.

– Вы или ты забываешь, что мы представители двух противостоящих лагерей, несмотря на все старания Михаила Толмачева. На основе этого хотелось бы иметь гарантии, что эти драгоценности в самом деле не имеют отношения к КГБ?

– Мы впервые встречаемся с таким числом бизнесменов, и исходя из того, что мы уже слышали от мистера Стрента, а теперь и Вы, мистер Трешмен ведете речь о КГБ. Хочется обрезать пустые опасения одной фразой: Неужели такая страна как ваша боится какого-то пресловутого комитета?

– Я не зря заикнулся об этом дорогая леди. Дело в том, что нам хватает внутренних проблем, еще не доставало внешних. Это первое. А во-вторых, чтобы охладить ваш воин-

ственный пыл скажу прямо, и надеюсь коллеги меня поддержат, что с вами здесь разговаривают только из уважения к мистеру Стренту, вы спасли его жизнь. В другой ситуации – ликвидация не заставила бы себя ждать, а доход был бы поделен. Такие люди долго не живут, это мертвое золото.

Стрент хотел возразить, но я поднял руку и он промолчал. Этот жест не остался незамеченным, видимо босса не принято было перебивать. Но отвечать взялся я:

– Спасибо за искренность. Пусть босс не обижается, но этот камень я принимаю в свой огород. В отношении смерти мы со Стаси вполне спокойны, так как погибли более трех лет назад, а покойника нельзя убить или наказать, его можно только потревожить. Вы догадываетесь к чему я клоню? Нет? Очень просто – мы привыкли находиться вне закона. Это касается угроз.

– А вам никто не грозил.

– Вас не перебивали, – повысил я голос, и продолжил, – меня больше интересует понятие «мертвое золото»?

– Это те средства, которые нельзя безболезненно пустить в оборот, вы нарушите баланс. Этого мы не допустим, – объяснил Ник Велтон.

– Ну, а как же быть? Мы, например, хотели бы учиться?

– Без проблем, за счет мистера Стрента, если он согласится.

– А продать его нелегально?

– Ребята, вы явно дилетанты. Для всех сейчас на это золо-

то наложено «вето», даже самый мелкий перекупщик не станет связаться с вами, у нас все под контролем. Иначе смерть.

– То есть, Вы хотите сказать, что не дадите нам ступить и шагу?

– Совершенно верно.

– А если мы его поделим между вами?

– Тогда спасибо и до свидания.

– Лихо закручен сюжет, – Настя даже побледнела. Я невольно потянулся за сигаретой. Стрент сидел мрачнее тучи. Под ложечкой противно подсасывало. Создалось впечатление какой-то безысходности. Трешмен ехидно ухмылялся. Я встал:

– Что ж спасибо за аудиенцию. Отрицательный результат тоже результат. У меня последний вопрос: Можем ли мы купить тот остров, на котором все это нашли?

– Над этой проблемой мы подумаем и о решении сообщим, – тихо ответил Стрент, – и об аудиенции с Джимми Корсосом я постараюсь договориться.

Настя взяла меня под руку и мы двинулись к двери, на глазах у нее блестели слезы. Уже на пороге она обернулась:

– Как бы вы золотыми пятаками срать не стали, – от ее слов меня, как током прошибло.

– Ты, что?! Умей проигрывать.

– Да пошли они все в задницу толстосумы хреновы.

Благо нам никто ничего не ответил. Мы поднялись на террасу. Зажигались огни. Гости перешли к застолью. Столы

стояли вокруг бассейна находящегося в центре внутреннего двора.

– Пойду-ка я, Сережа, полежу, что-то голова разболелась.

– А меня с собой возьмешь?

– Оставайся. Может один что-нибудь придумаешь.

– Хорошо, попробую. Если, что надо, пришли Хао.

– Ладно.

Она ушла слегка виляя задом. А на каблуках у нее походка изменилась.

Как тень подошел Розен.

– Что скажешь?

– Не думал я, что так все обернется.

– Ты со Стрентом много лет вместе?

– Сорок пять.

– Ого... Это очень серьезно?

– Главное, что вам сказали правду в глаза. Шеф ничего не смог доказать. Видимо Трешмен поработал на славу. Стоило Стренту пойти против, и его могли сместить.

– Я его ни в чем не виню.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

– Ты человек умудренный опытом, ничего не подскажешь?

– Первое, не падать духом и работать. Я думаю они с Соросом договорятся.

– Дело в том, что мы не можем злоупотреблять гостеприимством старика.

– Не бери ему душу, он сейчас очень тяжело переживает этот проигрыш. Придет время, если вам нельзя будет здесь оставаться, он сам скажет.

– Мы не привыкли жить нахлебниками.

– Не переживай, не обнищает.

– Но нам в самом деле надо учиться?

– Роберт всё для вас сделает и не возьмёт и цента.

– Но почему?

– Эх, парень! Я не могу тебе этого сказать, но ты очень похож на его сына. Но не это главное.

– А что?

– Я думаю, он сам скажет. Только не принимайте поспешных решений.

– Как думаешь, сегодняшнее «ЧП» сойдёт Стаси с рук?

– Это была проверка. Тот парень был Трешмена.

– Опять эта тварь! – вспылил я.

– Здесь межведомственная охрана, как мы говорили, и противиться я не мог. Никто правда не ожидал такой развязки.

– Ты можешь помочь подобрать мне команду?

– Зачем?

– Вдвоём тяжело сломать эту машину.

– Бессмысленная затея. Шею себе свернёшь.

– Хорошо. У меня есть одна идея не связанная с этой сворой, но для её воплощения нужны люди.

– Не советую ничего скрывать ни от меня, ни от шефа.

– Пока я боюсь её испугнуть, а вдруг придётся уходить, так хотелось бы иметь несколько проверенных ребят для поддержки.

– Тебя никто не отпустит.

– Даже если сам пойду?

– Только на тот свет.

– Это уже интересно. Жить как хочешь нельзя, да ещё и не отпускают.

– Всему своё время.

– Короче, ты мне не помощник?

– Я подумаю, что можно сделать.

– О, кей!

Мы расстались.

Настя

Наконец-то одна. Бьёт мелкая, нервная дрожь. Как в детстве залезла на кровать с ногами, поджала колени к подбородку и обхватила их руками. Боже мой, как мне плохо. Сердце то замирает, то бешено колотится. Господи! Как легко и как страшно – убить человека! Но теперь ничего не вернёшь. С другой стороны – я только защищалась. Если бы ещё умела контролировать свою силу. А может быть это всё розыгрыш? Дернула кисть колокольчика, появился Хао.

– Настя-сан, тебе плохо?

– А что, очень заметно?

– Ты похож на маленький испуганный кошка.

– Наверное, так и есть, – по щекам скользнули горячие слёзы.

– Не надо, Настя-сан, – его круглое, узкоглазое лицо расплылось совсем рядом. Белой перчаткой он провёл по мокрым дорожкам.

– Скажи правду, я убила его?

– Да, кареглазый, он совсем мёртвый.

– Но я же не хотела! – со злостью ударила рукой по одеялу.

– Убивает не рука, а душа. Сила духа сильнее тела.

– Хао, они все злые и ненавидят нас.

– В Китае говорят: «Хочешь подчинить – заставь любить».

– Сколько действия в этой фразе... А смысла ещё больше.

Принеси бронзовую девушку из коридора, – мысли стрелами неслись в голове.

– Настя-сан шалить будет?

– Есть одна идея, – пока он вышел, я быстро разделась и только хотела оторвать шнур от прикроватной лампы, как Хао вернулся и замер на пороге. Краска смущения залила его лицо, он опустил глаза. Значит работает.

– Хао, я красивая?

– Осень.

– Какая осень?

– Я хотел говорит, что...

Я подошла к нему вплотную:

– Ты меня хочешь?

– Я люблю тебя... – его глаза сверкнули, как молнии, и он покраснел ещё больше.

– Бедный Хао, прости меня, я не хотела сделать тебе больно.

– Нисего, Хао сильный, я умею терпит. Только... – он запнулся.

– Говори всё, нам нечего терять.

– Разреши мне смотреть на тебя, мне нравится.

– Но ведь тебе же будет больно?

– Когда смотришь на утреннюю звезду, любишься ею и хочешь её иметь – больно не бывает.

– А ты однако поэт. Но сейчас нужна от тебя другая помощь. Я буду немного тонуть.

– Хао отказывается помочь.

– Это будет игра и большая, а другому человеку станет больно и обидно.

– Зачем плохо говоришь о Серега-сан?

– Нет, Хао, это будет Трешмен.

– Тогда я твой помочь, – заулыбался он.

Шнуром мы привязали статуэтку мне к спине и вышли на террасу. Он посадил на перила. Прыжок... Вода остудила натянутые нервы. На животе морской узел, чтобы легко освободиться от груза.

Оружие соблазна работает безотказно. Теперь дело за малым, чтобы рядом оказался Трешмен. Минута прошла. Я лежала с открытыми глазами, и через прозрачную воду бассейна видела склоняющиеся головы.

Не может быть чтобы здоровый мужчина, не замеченный в порочных связях, не любил красивых женщин. Фотографии одно, а живая... – это другое. Этого банкира надо повязать на взломе мохнатого сейфа. Вторая минута прошла.

Жаль Сергея предупредить не успела. Он, конечно, знает, что мы должны разыграть сцену ревности, а это может все испортить. Сама затея сплошная авантюра, но кто не рискует – не пьет шампанского, а я его люблю. Лежи русалка-Настя. Три минуты прошло.

Они, что боятся замочить свои смокинги, но тогда полезет прислуга, а это не входит в мои планы.

Вот он – прыжок! Кто нырнул ко мне? Главное не водить

глазами. Тренированный парень на глубину трех с половиной метров идет смело. При попытке поднять меня надо закрыть глаза. Грамотно берет за волосы и тянет – тяжело. Бросил – пошел наверх. Вода глушит звуки и сильно давит на уши. О чем-то он просит. Перед носом скользнул нож. Они охренели там что ли?

Еще чуть и я бы дернулась, чтобы увернуться от удара. Вот он вернулся, и стал резать шнур, но это не веревка, милый. Развяжи – идиот! Пятая минута на исходе.

По законам смерти через несколько секунд мне конец, но я-то вне закона. Они этого не знают.

Все – подъем. Не так сильно, баран, голову оторвешь. Важно сдержать первый вдох. Набрала немного в рот воды.

– Осторожно! Принимайте!

Меня вытащили, уложили на пол.

– Жива?

– Сердце ели бьется, а может и нет? Нет...

– Надо сделать искусственное дыхание.

– Но это же девушка?

– А они, что не дышат?

– Пустите – нервный голос, до боли знакомый. Шесть минут без дыхания.

Трешмен взял меня за руки и отвел их за мою голову, потом – к груди и надавил, выпустив из меня последний дух – козел. Вода потекла по щеке.

– Надо изо рта в рот попробовать, – посоветовал кто-то.

Горячие, упругие губы прильнули к моим, и струя воздуха обожгла легкие. Если бы я утонула в самом деле то ничего бы не произошло, но физиологию не обманешь. Дикий кашель сдавил горло.

– Повтори еще раз, чтобы дыхание полностью восстановилось, – это Розен, милый, спасибо – ты выручил, а то момент упущу.

Трешмен вновь наклонился. Мой язык, как змеиное жало проскользнул между его зубами и стал щекотать нёбо, правая рука обвила шею, чтобы не вырывался, а левая проскочила в брюки, стиснув драгоценный кинжал. Дик дернулся, но хватка моя оказалась сильнее чем он ожидал. Поцелуй получился долгим и страстным. Секира его взметнулась, но как владеть этим оружием я знала. Сцену прервала реплика:

– А теперь кого откачивать?

Толпа дружно рассмеялась.

– Пустите! Разрешите! Да, отойдите же! – забыв обо всем, по-русски уговаривал Сергей. Пора отпускать свою добычу. Открыла глаза. На меня смотрели два зрачка затуманенные страстью. Я нежно провела по его фаллосу, вынимая руку, и улыбнулась.

В следующее мгновение увидела Сергея, летящего в прыжке. Резко оттолкнула Трешмена в сторону и выставила ногу. От неожиданной преграды Сережка отлетел в воду. Через секунду он выскочил обратно, как на пружине, и опять бросился на Ричарда.

– Надеюсь, что пули зубами ты ловить не умеешь? – зло-веще прогремел голос Розена.

– Представление окончено, можно расходиться, – мило промурлыкала я, и встала во всей красе. Мужчины не отрывали вожделенных глаз. – Серж, проводи меня, – я протянула ему руку, но он оказался галантней чем ожидалось, подхватил на руки и понес в дом.

– Ты, что опять отчудила?

– Немного поиграла в русалку, а они любят затаскивать в омут.

– Ты о чем, солнце мое?

– Я решила наградить Трешмена, чтобы наказать.

– Как-то слишком сложно.

– Более просто чем кажется. Наградила его поцелуем за спасение, а наказала диким желанием, которое ведет к болезненному сухостюю.

– Ну ты, хитрая лиса!

– Нет, всего лишь Амазонка, а ты Бешеный слон, зачем ты полез в драку?

– Ну так ведь мы договаривались?!

– Давай перекуем мечи на орала и пусть он пашет наше поле.

– Объясни мне глупенькому, что ты задумала?

– Я хочу влюбить его в себя, чтобы он бегал за мной, как собачка на привязи, а с тобой мы должны быть, для всех в ссоре. Понял?

– Смутно... А если ты в него влюбишься?

– Сережка! Прекрати этот детский лепет.

– Ладно, ладно замолкаю. Иди, оденься и пойдём к гостям,

а то все шампанское попьют.

– А можно я одену новое платье?

– Королевы?

– Ну не совсем...

– А у тебя есть новое платье?

– Скажи, что ты не будешь сердиться?

– Хорошо, не буду...

– Тогда жди, и учти, что я вновь начну заигрывать с Трешманом.

– Иди быстрее!

– С Ричардом заигрывать?

– Одеваться, все б только к словам придиралась.

Вихрем ворвалась в свои комнаты. Вытянула из-под кровати картонную коробку и извлекла покупку: это было платье из черного не то капрона или дедерона, а может газа, короче прозрачное. Воротник стойка откинут на стороны, от манжет плотно облегающих запястья шли пышные рукава, на уровне бедер платье было присборено и заканчивалось пышным бантом, прикрывающим мое лоно, а длиной оно было ровно по ягодицы. На ноги я одела сандалии в виде шнурков, которые подчеркивали стройность икр. Украшения были из золотых цепей с монетками, которые свисали почти до пояса и лишний раз заставляли остановить взгляд

на моей точеной груди. Такой же был пояс по сборкам платья и на правом запястье блестели звенья. Косметики ни какой, а вместо ридикюля длинная сабля с золотой рукояткой и сияющим клинком.

– Ого! – только и вырвалось у Сергея, когда он меня увидел. – Это еще круче чем совсем без ничего. Мне кажется надо прихватить крупнокалиберный пулемет, чтобы отстреливаться от твоих ухажеров.

– И не вздумай. Они должны стелиться у моих ног. Все человеческое им не чуждо. Мы еще посмотрим кто кого накажет. Пусть слюной изойдут, а утереться я им не дам.

– Ну, ты и стерва, однако, Настена?!

– А ты только узнал. Своим телом надо уметь пользоваться.

– Мне-то хоть останется?

– Оно все твое. Все, тихо – выходим, – я легонько оттолкнула его в тень, а сама вышла в круг света и остановилась, чуть звенья концом сабли по мрамору.

Гул за столами стих. Постепенно все взоры обратились в мою сторону. Наступила тишина, нарушаемая только малиновым звоном клинка. За каждым столом сидели дамы. Я держала паузу. Дзинь, дзинь, дзинь... Текли секунды. Заминка становилась неловкой. Скрежет отодвигаемого стула раздался, как гром среди ясного неба. ОН СДАЛСЯ. Сам Ричард Трешмен шел ко мне с бокалом шампанского.

– Как Ваше самочувствие, мисс Стаси? – он протянул мне

искрящийся напиток. Не удостоив его ответом в нависшей тишине, выпила все до капли и разбила фужер, вроде бы случайно выронив.

– Представьте меня, – мой взгляд был настолько вызывающим, что он невольно сглотнул. Мы были одного роста, а если надеть каблуки? Коротышка...

– Леди и джентльмены, – он откашлялся, – позвольте вам представить – мисс Стаси.

Не знаю почему, но все стали аплодировать. Он сам взял мою левую руку и повел за свой столик. Краешком правого глаза я заметила Стрента и Розена. Первый, прикрывая рот рукой, ехидно хихикал, а второй сидел с невозмутимым видом.

– Я не понял, что произошло в бассейне? – начал Трешмен, чуть наклоняясь в мою сторону.

– Вы предъявили нам такие условия, что я просто решила утопиться.

– Как можно, Стаси?

– О! Мы уже на "ты"?

– Извините.

– Как это бывает, Вы видели, камень на шею и вперед.

– Сознайтесь, что это была шутка?

– А Вы в состоянии просидеть под водой пять минут ради хохмы?

– Да, но... пожалуй Вы правы. Тогда я должен признать, что Вы решительная женщина.

– А разве Вам об этом не доложили?

– Кто?

– А тот корреспондент, которого я раздела. Он получал подобное указание.

– Нет, я не в курсе.

– Очень жаль. Знай Вы подобное, остался бы жив тот охранник, царство ему небесное.

– Мне кажется это цепь сплошных недоразумений.

– Хорошее слово – не-до-разума.

– Почему Вы такая колючая?

– Не я, а жизнь такая. Мне приходится только подстраиваться. Но ведь меня можно гладить и по шерстке, а не против, – я взяла его руку и спрятала у себя под бантом. Легкая испарина покрыла его лоб. Я почти физически ощутила, как у него заболела поясница от нестерпимого желания.

– Кстати, мистер Трешмен, говорить за столом о делах считается плохим тоном, может, сменим пластинку?

– А где Ваш нервный друг Серж?

– Тяжелый случай, мы поссорились. Он почему-то решил, что я его собственность, а свободной женщине не нужна клетка. Тем более кошке, которая гуляет сама по себе. Вы знаете как я умею мурлыкать?

– О! Мисс Стаси! Вы ставите меня в неловкое положение.

– Ошибаетесь, я могу только положить. А вот он может, – моя рука мягко проутюжила его оттопыренную ширинку.

– Ох! Проказница, – он натянуто улыбнулся. Наживку он

заглотил, а уж сорваться с крючка я ему не позволю.

По моей поднятой руке подошел Хао.

– Пусть играют, – сказала ему по-русски. Зазвучала музыка.

– Стаси, Вы искусительница. Не откажите в танце.

Мы встали. Он был настолько возбужден, что все время сбивался с такта.

– Стаси, Вы любите море?

– Странный вопрос, если вспомнить сколько я прожила на острове.

– Ночной пляж, звезды, легкий бриз...

– Это что, приглашение?

– Если хотите, – тут же ухватился он за спасительную ниточку.

– Да, я хочу, отбить у Вас партнершу, – подхватил последнюю фразу, подошедший Розен, очень мило и как всегда вовремя. Скривившись, Трешмен отступил.

– Как дела, малышка?

– Спасибо, Себастьян, пока все идет по плану.

– Серж посвятил меня в твои замыслы. Будь осторожна, это змея еще та.

– Знаю, но я хочу выдрать у нее жало.

– Не возражаешь, если мы посмотрим за вами.

– Было бы кстати и отснять на пленку, хороший монтажик мог бы получиться.

– Имей в виду если он что-нибудь заподозрит – тебе ко-

нец.

– Это у него конец, а у меня другая конструкция.

– Хватит пошлить, я серьезно.

– Что может обнаружить мужчина в постели кроме того, что он с женщиной – то, что у него уже не стоит?

– И все равно будь осторожна, и помни: мы рядом.

– Спасибо, Себастьян.

Он проводил меня к столику Трешмена.

Трешмен

Чем больше с ней общаюсь тем сильнее она меня интригует. Почему она себя так ведет? Ведь у нее есть жених? Яркая девушка ничего не скажешь. Но кто она на самом деле? Манеры светской дамы, а выходки дикой кошки. В ее присутствии очень сложно сосредоточиться. Себе лгать не стоит – я хочу ею обладать. Но как обуздать этот дикий нрав? Не надо забывать, что она противник, опасный соперник. А может я это все выдумал? Что заставило так думать? Секретность их прибытия? Или небывалый груз? Полное отсутствие информации? Что...что? Но я хочу ее не смотря ни на что. Расслабиться или насторожиться? Чутье подсказывает – второе. Может затащить ее к себе, и там, в подвале, в спокойной обстановке допросить эту кралю? Но Стрент? Эта старая скотина весь Лос-Анжелес поднимет на ноги. Что-то он там говорил о приеме их в «семью»? Уж не думает ли он поставить на свое место этого сосунка? Нет, надо эту девочку покрутить как следует. А вот и она плывет. Какие ноги!.. Так и хочется ее потрогать. Мурашки побежали по спине.

– Вы не будете возражать моему возвращению, мистер Трешмен?

– Вы мне льстите, мисс Стаси, – какая грудь! – какое-нибудь решение созрело в этой прелестной голове? – я нагнулся и вдохнул аромат ее волос.

– Вы забываете, что на нас смотрят люди, – снисходительно прошептала она.

– Тонко подмечено и все же?

– Вечер еще не кончен, а я люблю танцевать. К тому же, принятое сегодня решение о нашем отчуждении заставляет думать о другом, а не о звездах.

Она бросала меня то в жар, то в холод.

– Кто вы женщина-загадка, вопрос конечно наивен, и все же? – я откинулся на спинку стула и пригубил сухого вина. Она смотрела на меня чуть прикрыв глаза. Выражение ее лица и слегка напряженная поза напоминали кошку перед прыжком.

– Я амазонка живущая в свое удовольствие. По вашим меркам ни одна уважающая себя женщина не оденется так как я. А я себя люблю больше чем Вы думаете и мне плевать на авторитеты и морали, особенно когда загоняют в угол. Захочу и сейчас же расцелую Вас. Мне все равно, а у Вас репутация пуританина подмокнет.

– Я думаю, что не стоит этого делать, – на последних ее словах у меня сердце екнуло и комок страха притаился в животе.

– Не бойтесь, я не такая дура, как может показаться. Вот вы тут затеяли сыр-бор из-за этого золота, – она толкнула, лежащую на столе саблю, – да будет Вам известно, что ни одного слова лжи не было сказано о нем. Любая экспертиза подтвердит его подлинность.

Вам, единственному скажу, жизнь все время заставляет меня бороться с судьбой, простую русскую официантку, сначала там, в Союзе, потом на этом острове, попробуй, выживи, думала здесь вздохну свободно имея такое состояние. Так – нет! Тут появляетесь Вы – как черный демон. Постой Настя! Тебе сюда нельзя, рылом не вышла! Да, видала я вас всех, слава Богу, могу за себя постоять и обижать не позволю! А сейчас я хочу танцевать.

Когда она говорила голос ее не дрожал, но в глазах стояли чуть заметные слезы, а выражение лица было полно издевки. Но, что самое интересное – я ей поверил. Заранее такой монолог подготовить невозможно.

Она схватила свое оружие и направилась к оркестру. Может, правда, эта девочка заслуживает немного тепла и ласки? Так это в моих силах.

Музыканты заиграли что-то быстрое, латиноамериканское. Прожектора выхватили маленькую эстраду, и на ней блеснула сталь клинка. Подобного танца мне видеть не приходилось, как наверное и всем здесь присутствующим, сколько в нем было огня, гнева, одновременно грусти и страсти больше всего. Кошечка хранила в себе незаурядный талант, да и саблей она владела также виртуозно, как и своим телом.

Пока не погас свет я не мог оторвать глаз от происходящего. Не побоюсь этого слова – она была прекрасна. Я думал она исчезнет. Нет – вернулась ко мне. В два удара рассекла,

стоящий на столе ананас, и с жадностью дикой красавицы впилась в него белоснежными зубами. По щекам заструился сладкий сок, утерлась тыльной стороной ладони и рассмеялась:

– Меня никому не понять и не обуздать, остановит лишь пуля, если догонит, ха-ха! – она была просто обворожительна в своей раскрепощенности, мне так хотелось слизать остатки сока с ее тела, что слюна выступила непроизвольно. Я готов был покрыть ее поцелуями с ног до головы не пропуская ни одного местечка. Верю ей полностью, так красиво лгать не возможно. Эй, Ричард, не теряй головы! Я сидел и глупо улыбался ей в ответ.

– Мистер Трешмен, с Вами все в порядке?

– В полном.

– Мне показалось, что не совсем?

– Должен признаться, что Вы заставляете терять голову.

– Спасибо за правду, но ведь Вы великий выдумщик и очень скрытный человек.

– Зачем Вы портите вечер? – мне стало грустно и больно, незаслуженно меня укололи.

– Хотелось бы заставить Вас вести себя не соблюдая этикет, похищать, ублажать, терять голову, ласкать, иметь, кружить, любить...

– Хватит! – дыхание у меня перехватило, перед глазамиплыли какие-то жаркие образы и сцены, кровь прилила к низу живота. Дико хотелось ее поцеловать, и если она не замол-

чит, я овладею ею прямо на этом столе на виду у всех. Чтобы сдержаться, сильно сжал кулаки, до боли. Немного отпустило.

– Поехали отсюда! Мне плевать на то, что скажут и запишут в досье, которое ты хорошо знаешь.

– Мистер Трешмен, Вы мне польстили, наверное ни одна Ваша девушка не могла похвастать, что довела до такого состояния?

– Ты права, в самом деле так нельзя.

– От чего же, Ричард! Безрассудство подчас творит великие дела! – она вызывающе, с издевкой смотрела на меня. Ох! Хороша стерва! Так бы и провел пальцем по ее груди.

– Все, нам пора освежиться, – я встал и предложил ей руку. Мы направились в парк.

Прохлада деревьев остудила нахлынувший жар, и я вздохнул полной грудью. Наметил огромный дуб возле дорожки, чтобы сделать остановку.

– Извините, Настя-сан. Хозяина хочет видеть тебя, – желтомордый дворецкий, что-то сказал ей, скорее всего на русском, низко поклонился.

– Прости, меня срочно вызывает Стрент, – она сжала своей рукой мое запястье и, быстро поцеловав в щеку, растворилась в кустах. Китаец напугал меня – идиот. А вдруг он следил? Хорош бы я был в объятиях под дубом. Это место явно не подходит, но мы еще кошечка увидимся. Я поправил свое хозяйство в брюках и пошел обратно к столу. Знать се-

годня не судьба.

Настя

– Меня в самом деле хочет видеть Стрент?

– Уже все собрались.

– В кабинете?

– Да.

– Спасибо, можешь идти, – Хао исчез в темноте. Как хорошо остаться одной, а еще хочется искупаться, чтобы смыть всю грязь лицемерия. Бедные артисты! Вот уж кому не позавидуешь, в каждой роли примерять чужую шкуру. Главное не переиграть, а то не будет естественно, но пока изображаешь тряпку перед глазами быка многое сойдет с рук. Однако, зачем старик хочет видеть? Какой тяжелый день. Срочно нужна тренировка. Топ-топ, топает малыш, по дорожке мамин стриж... Всякая дурь лезет в голову. Глаза слипаются от усталости, иду почти на автопилоте.

Постучала в дверь. Открыл Розен. В комнате сильно накурено.

– Знакомьтесь, Кимберли, это Стаси, наша Амазонка, – Стрент сидел развалившись в левом углу дивана, и широким жестом, как дирижер представил нас друг другу.

Она приютилась в кресле, в непринужденной позе. Между средним и безымянным пальцами левой руки дымилась длинная сигарета в позолоченном мундштуке. Роскошное платье кремовых тонов украшала бриллиантовая брошь в

виде веточки розы. Работа была столь тонка, что несколько секунд невольно рассматривала ее. Темные волосы свободно струились по плечам. Возраст тяжело было определить, она хорошо сохранилась, но наверняка далеко за сорок. Ким бесцеремонно изучала меня с головы до ног, потом низким, грудным голосом поинтересовалась:

– А что, под платьем ничего нет?

– А зачем?.. Я могу и его снять.

– Ты совершенно прав, совсем как я в молодости. Извини, но Роберт рассказывал о тебе настолько живо, что мне непременно захотелось познакомиться поближе.

– Прекрасно понимаю, по улицам слона водили, как видно на показ, – она, после этих моих слов, непонимающе посмотрела на Стрента.

– Я тебя предупреждал, что она у нас ужасная выдумщица, а еще больше – колючка.

– Ядовитая, – добавила я, и за все время обвела взглядом помещение. Розен сидел за рабочим столом, как ни странно, и Сережка притаился на банкетке за моей спиной у окна. – Ясно, мужчин нет, значит так и буду стоять.

– Здесь все свои, Стаси. Делай, что хочешь, только не уходи, отмахнулся Роберт.

– Тогда мне кофе желательно с кофеином и много, – Себастьян нажал кнопку. Я плюхнулась в свободное кресло и вытянула ноги, прислонив саблю к подлокотнику.

– В твоём возрасте, когда мне было очень плохо я вскры-

вала вены, а ты топишься, что – так погано?

– Жаль ты не слышала всего разговора, – попыталась я ответить.

– Она в курсе, – остановил Розен. Вошел Хао с подносом и поставил его на сервировочный столик. Я с жадностью набросилась на тосты, кофе и сливки.

– Поверь мне, как женщине, сейчас ты сверкаешь, лучишься яростью, бросаешься головой в омут. Спокойнее надо быть, девочка, хитрее, рассудительней. Тем более, что люди с твоим капиталом так себя не ведут. Мужчины это грязные, похотливые твари, которые при первом удобном случае, вытрут о тебя ноги и пойдут дальше. Их надо держать в строгом ошейнике и на коротком поводке.

– Ким, ты о чем? О каком капитале? Тебе сказали о принятом решении.

– Знаю я все, – она махнула рукой, пепел упал на пол. – Ты не слышала разговоров ведущихся за столами и в кулуарах. Все в восторженном шоке от тебя. Но не спеши обольщаться, похоть с них быстро сойдет. Они готовы хоть сейчас перетасовать карты, но не поддавайтесь на это. Держите свою марку. Ты хорошо начала, только не взлетай высоко – низко падать. Соблюдай дистанцию и будешь всеми любима, но недосыгаема, как звезда.

– Это я уже сегодня слышала.

– Одни слова, а делать – что? – Сергей подошел и взял кофе.

– Сейчас мы поедим все вместе встречать рассвет на берег океана. Там обсудим ряд проблем и решим как жить дальше, – подытожил Стрент, – Хао, у тебя все готово?

– Да, хозяина.

– Очень хорошо, тогда в путь.

Роберт Стрент

Ладони очень сильно потеют. Нельзя так волноваться. Успокойся, расскажешь и станет легче. Если они не примут мои условия, их будет откровенно жаль. Как устал жить все время в напряжении, да чего уж там, и страхе. Себе врать не стоит. Хочу отдохнуть до ломоты в затылке и неприятного зуда возле сердца. Только не поддаваться бы эмоциям, а то не долго до суицида. Главное чтобы меня поняли и не заставляли убивать, скорее всего я этого не переживу.

Мы приехали на пляж, мои частные владения, здесь никто не должен был помешать. Хао занялся костром. Я ступил на скрипучий песок.

– Дети, проводите меня, – голос предательски дрогнул. Пока они, присмирившие, выбирались из Кадиллака, протер очки, хотя в темноте это не имело значения. Розен, как тень, шел чуть позади нас, он получил четкие инструкции на случай отказа от партнерства со стороны молодежи. Кимберли осталась у машины. Нам теперь никто не мешал. Мы могли спокойно поговорить.

Я остановился у линии прибой. Лунная дорожка искрилась на черной воде. С чего начать? Как их подготовить, чтобы не испугать и дать возможность правильно понять.

– Сказочная ночь... Как тогда на острове. В те дни вы часто заставляли меня удивляться, теперь настало мое время.

Убедительная просьба не пугаться, хорошенько все взвесить, и прежде чем дать ответ несколько раз подумать, – я ожидал, что меня перебьют или последует какая-нибудь очередная колкость. Но тишину нарушал лишь шелест волн. Они внимательно смотрели на меня. Начав говорить, я обрел спокойствие и уверенность в себе.

– Если ты помнишь, Серж, я задавал тебе вопрос о патриотизме?

– Было дело.

– Так вот любовь к Родине проверяется годами. Это не высокие слова и вы поймете почему. Хитрость заключается в том, что я не тот человек, за которого себя выдаю. Я такой же русский как и вы...

– Но... А как же положение, деньги, они откуда? – изумилась Настя.

– Эта история началась в 1945 году, уже был открыт второй фронт, но не имея своих аэродромов базирования, американцы летали с наших на Украине. В одном из боев немцы подбили американский самолет, но летчик дотянул до наших позиций и чудом посадил машину, будучи тяжело раненным. По молодости лет вы не имеете представления о работе НКВД и «СмерШ». Наши ребята сумели разговорить и расспросить бедного Роберта Стрента о его семье и о нем самом. Парень был ранен в голову, но сознание периодически возвращалось к нему. Его отец был миллионером уже тогда, поставляя бензин для армии, и мог спокойно оградить сына

от армии, но Роберт ушел добровольцем, став военным летчиком. Отцу направили уведомление о том, что сын тяжело ранен в голову. Любимое чадо было единственным в семье. Отца разбил инфаркт. Стренту долго не говорили о смерти отца, боясь ухудшения состояния. Но представители американских войск посчитали эту меру излишней. Роберту зачитали завещание. К ночи его состояние резко ухудшилось, а к утру он скончался от кровоизлияния в мозг. И на арене появился ваш верный слуга.

– Значит твою заброску планировали в любом случае?

– Да, Сережа, война жестокая вещь и контрразведке приходилось использовать любую возможность внедряться в чужие ряды.

– Но ведь тебя могли опознать сослуживцы? – не удержалась Настя.

– Нас могли отличить только родители или домашний врач. Травма головы давала возможность ссылаться на провалы памяти. Благо Роберт не имел особых примет и родимых пятен. Вы прекрасно понимаете, что чекисты не отказались бы от двойника, который был в наличии. Так появилась на свет операция «Родственник». У меня была железная легенда. Задание простое: внедрение в капиталистические круги и проведение промышленного шпионажа. Слава Богу, что у Роберта было только военное образование, но вот летать я не мог, правда после ранения меня бы так или иначе списали.

Такую удачу разведка имеет раз в десять лет, а то итога реже. Но судьба требует компенсаций; при возвращении «домой», я имею в виду, Америку, мы с сослуживцами нарвались на фашистских недобитков, меня теперь по-настоящему ранило, и умереть не дал Розен – гестаповский оберлейтенант, потребовав за мое спасение своей амнистии. Заплатив информацией за освобождение, он не бросил меня, а как истинная сиделка выходил, теперь уже в американском госпитале. Мы сдружились, хотя изначально были врагами. Жизнь хитрая штука... Отказать просьбе взять его с собой в Штаты не нашлось аргументов.

Работать с людьми и вербовать их было моей специальностью. Война открывала широкие возможности для налаживания разведкагентуры и каналов связи. Через некоторое время я получил данные, кто на самом деле был Розен. Это страшный человек. Но шантаж и вербовка состоялись. Лучше работать, чем быть случайно мертвым. В дальнейшем все являлось обычной жизнью и работой. Теперь можете задавать свои вопросы.

Сережа закурил и долго смотрел на воду, заложив руки за спину. Настя выглядела совершенно потерянной, застывшей с ничего не видящим взглядом.

– Из всего сказанного можно попытаться сделать вывод, что в настоящий момент Вы являетесь агентом КГБ? – почему-то по-русски спросил наконец Сергей.

– Совершенно верно, – также по-русски ответил я, отчего

Настя встрепенулась:

– Но почему ты... Вы раскрылись? – ее глаза широко раскрылись и в них искрился лунный свет.

– Просто ваши действия вызывают определенную тревогу и могут навлечь на меня подозрения со стороны ЦРУ.

– Где гарантия того, что это не провокация? – Сергей бросил испытывающий взгляд.

– Объяснения слишком примитивны, но необходимы из-за логичности вопроса. Насколько я успел заметить, вы в самом деле незнакомы с настоящей жизнью Америки. Истинный американец не опустится до той сентиментальности, которую я изображал на острове, предлагая усыновить тебя. Это чистый бред. Просто захотелось проверить степень вашей самооценки, и к тому же родилась идея собственной замены на этом тяжелом посту. Мне по-настоящему уже очень трудно. Я отправил запрос на утверждение твоей кандидатуры, и Москва вчера дала «добро». Розен намекал тебе сегодня об этом. И без разрешения сверху этого разговора не было бы. Еще вопросы?

– Выходит, если рассуждать с точки зрения моей службы, я обязан подчиниться приказу?

– Да, Сережа.

– Если я правильно усвоил уроки крайних ситуаций, отставка одна – смерть?

– К сожалению, – мне осталось только пожать плечами, – я раскрыт, а это недопустимо.

– Боже мой! Куда я попала?!.. Какие же вы ползучие гады!

Ну почему от вас нет нигде спасения и покоя?

– Мне почему-то показалось, что авантюры и риск у тебя в крови. Глянь как ты Трешмена крутанула. Но все делать надо профессионально, Настя.

Хотелось бы знать чем тебе насолил наш комитет, что ты так разозлилась?

– Бюрократы поганые, тарантулы мохнатые!

– Да что с тобой случилось?

– Мне еще дома надоела брехня о счастливом будущем, которое, на самом деле, достигается деньгами и постелью!

– Чисто женский взгляд на вещи, но это происходит от недостатка информации и подготовки.

– На какой черт мне это нужно, если я просто хочу свободно жить! Делать то, что хочу!

– Слишком много «хочу», и ни слова «надо» и «должна».

– Когда это я успела столько задолжать?

– А ты хочешь сказать, что можешь получить что-то бесплатно?

– Да пошли вы в задницу!

Я был настолько удивлен таким поворотом разговора, что даже растерялся. Она сидела на песке обхватив колени руками, как капризная девчонка.

– Есть одна вещь, которая всегда дается бесплатно, – Розен говорил по-русски, – но не смотря на это, я в свое время от нее отказался – это смерть.

Выстрел грянул неожиданно и хлестко, фонтанчик песка брызнул слева от Насти. Застывшая до этого фигура, мгновенно пришла в движение, взвившись волчком. Подсечкой Розен был сбит с ног, рукой она выбила пистолет и в прыжке завладела оружием. Стоя на одном колене, Настя направила черное дуло на Себастьяна.

– Я устала повторять, что не хочу играть по чужим правилам, – голос ее звенел, и не вызывало сомнений, что она станет стрелять в случае необходимости. Мы с Сергеем застыли на месте, понимая сложность ситуации, под огнем мог оказаться любой. Розен растопырив руки, медленно поднялся, не сводя глаз со смертоносного зрачка.

– Не в каждую дырочку, что видишь, надо свои любопытствующие части тела совать, а попытки уйти от пожатия костлявой руки это только вопрос времени, – правой рукой он не спеша отряхнул песок с пиджака, потом взмахнул левой – в ладонь, из рукава, выпрыгнул пистолет и тут же показал огненный язык. Пуля звякнула о ствол, выбивая из руки Насти веский аргумент.

Серж пролетел тенью и безжалостно придавил свою подругу коленом к песку.

– Успокойся и выслушай все до конца, умереть успеешь.

– Отпусти, Слон! Шею ломаешь.

– Настя, поймите меня правильно. Я никогда не стал бы втягивать тебя в это дело, но вы с Сергеем как единое целое. Личные наши отношения в счет не идут, в случае отказа, те-

бя все равно убьют. Организация не прощает ошибок. Успокойся и давай поговорим серьезно, без истерик.

– Отпусти, сказала! Бешеный слон! – Сергей отпустил и тут же получил сильнейший удар ногой в грудь.

– Предатель! Сука!

Он никак не отреагировал на этот выпад, лишь только отряхнулся и спокойно посмотрел ей в глаза, которые горели, как у загнанного зверька.

– Сладили с маленькой, ублюдки! – она резко повернулась и пошла к костру.

Я оказался в затруднительном положении. Неужели, разучился разбираться в людях или просто у нее не выдержали нервы? Сережка впал в подавленное состояние. Розен невозможно перебрасывал пистолет из руки в руку.

– Пошли, – бросил я и направился к месту стоянки.

Кимберли сидела на заднем сидении, свесив ноги в раскрытую дверь и курила. Настя расположившись на складном стуле со злостью ела шашлык.

– Слышишь, Стрент, или как там тебя? Объясни мне глупенькой зачем все это нужно? Все эти игрища в шпионов? Пойму, считайте я иду с вами, если нет – убейте.

Сначала все ели и пили. Потом я закурил и стал рассказывать, как мог:

– Шпионаж ни что иное как обмен информацией между государствами. Получение данных знаний дает возможность усилить свою страну и ослабить другую. Везде есть

свои агенты.

– Сказки тетушки КПСС, – усмехнулась Настя.

– Было бы смешно, если б не было так грустно. Живя на острове, вы немного отстали от жизни. События, а точнее изменения происходящие в Союзе заставляют о многом задуматься. Когда я только начинал работу в НКВД, мне вдалбливали в голову, что благосостояние Родины превыше всего. Но постепенно диктатура стала перерастать в махровую бюрократию. Жажда портфеля и денег стала подменять идеалы. Все возвращается на круги своя. Миром правит капитал. Все продается и все покупается: честь, совесть, жизнь. В наше ведомство подбирали людей глубоко идейных, подчас фанатичных, преданных Родине и делу партии до последнего вздоха.

Мне нравятся попытки Горбачева влить свежую струю в старые жилы. Но нам со стороны виднее, что его политика обречена на провал. Мало кто знает, что страной управляют совсем не те люди, которых мы видим по телевизору. К рулю пришли новые «воры в законе». Мафия запустила свои щупальца везде, и во многих случаях стала коррумпированной. Нам отсюда она не подвластна, а там многие стали продажны. Идет борьба за накопление капитала. В скором времени надо ожидать начало экономических перемен, если верить проектам перестройки. Многие заводы и производства устарели, и мы готовим пакет предложений по торговле и инвестициям.

Имейте в виду, что визиты глав государств в другие страны помимо официальной стороны имеют и обратную сторону – получение закрытой информации о данной стране и предложения агентов о дальнейших действиях и контактах. Так экономика и политика идут рядом. Может быть это не интересно, но необходимо знать для дальнейшей жизни. Иначе нельзя управлять государством.

– Да, да... Каждая кухарка должна управлять государством, как говорил Великий Ленин, – усмехнулась Настя.

– Ленин сказал, что каждая кухарка должна учиться, заметьте, учиться управлять государством, но не более того, так как Богу Богово, Кесарю Кесарево.

С восемнадцатого года страной правили чекисты, сейчас я этого не могу утверждать. Старые кадры уходят, и мне скоро на покой. Пока у меня есть связи и влияние хотелось бы подготовить достойную смену.

Вывод простой: нашу страну ждут большие перемены и испытания, и я глубоко надеюсь, что молодое поколение не отдаст ее на разграбление и не позволит поставить себя на колени.

Итак, вопрос: готовы ли вы работать на благо своего государства, заметьте не партии и правительства, а государства? Больше всего меня волнуют простые люди, над которыми ставятся эксперименты.

– И это говорите Вы, со своими миллионами долларов? Не вижу логической связи между вашим капиталом и любимой

Родиной?

– Когда придет время эти деньги заработают для Советских людей. Финансы имеют свойство перетекать с места на место. К тому же я не вижу криминала в том, чтобы вы с Сергеем получили здесь образование за мой счет. А когда встанете прочно на ноги, поверьте, я обещаю поддержку всего КГБ.

– Неужели, Вы настолько влиятельны?

– Не всегда и все надо доказывать людям. К сожалению я не могу дать вам время на раздумье, как пишут об этом в книгах. Все сейчас, да и поедим домой.

– Я не настолько глупа, чтобы сказать нет, но признаюсь, что Вы меня не убедили. Одно останавливает – в Союзе у меня мать. Ладно, проживем – увидим.

Сергей

С того дня, жизнь для меня приобрела определенный смысл. Очень жесткий режим дня: занятия в университете, тренировки, разбор новостей, их анализ. Я как губка впитывал информацию. Многие слова Стрента находили подтверждение. Один удивительный факт: в Америке столько русских, украинцев, евреев и армян лояльно настроенных и следящих за событиями в Союзе, что волосы начинают шевелиться. В основном все живут в определенных микрорайонах своими диаспорами, гетто что ли. Даже не всегда пытаются освоить английский, а говорят на своих языках.

Действия наваливались, как снежный ком: отделение Прибалтики, инциденты в Молдове, землетрясение в Армении, выступление ГКЧП, распад Союза, президент России, демократия похожая на анархию, какая-то непонятная приватизация.

Невольно вспоминаются слова из фильма «Чапаев»: «Красные идут – Уря! Уря!; белые идут – Уря! Уря! Белые пришли – грабють, красные пришли – грабють! И куды же бедному крестьянину податься?»

Состояние свойственное, наверное, только русскому Ивану – не признавая чужих ошибок, разбивать стену лбом и дважды наступать на грабли. А уж сколько велосипедов изобретено, скорее всего книги Гиннеса не хватит.

Кровь в жилах стынет и хочется крикнуть: «Куды прешь!». Страну растаскивают и продают, как хотят. В самом деле, за Державу обидно!

Стрент сильно сдал и тяжело переживает происходящее. Комитет распущен, многие агенты реконспирированы. Слава Богу его это не коснулось. Он все чаще привлекает меня к управлению Корпорацией. Сплю совсем мало. Постоянно не покидает чувство тревоги – что-то должно произойти.

Трения с Трешманом становятся невыносимыми. Его хитрость не знает границ. Все время какие-то интриги. Конкуренция в бизнесе выматывает, его люди постоянно следят за нашими сделками. Обрабатывают и переманивают компаньонов и клиентов. За некоторыми сотрудниками Фирмы выявлено наружное наблюдение, периодически из офисных помещений изымаем подслушивающие устройства. Устал обходить углы. Наши юристы и адвокаты сбиваются с ног. Очень не хватает Насти. После той вечеринки на пляже она уехала с Хао для учебы в университете и мы только перезваниваемся.

Розен выполнил мою просьбу, служба информации собрала сведения о русском квартале, и дала рекомендации на кого можно обратить внимание. Выбрав машину попроще, отправился в порт, и оставив ее за несколько кварталов, зашагал к складам на пирсе. Для этой прогулки оделся в грязенькие джинсы, клетчатую рубашку и выдавшие виды кроссовки. Без дела послонялся вдоль распахнутых ворот, пона-

блюдал за работой автокаров и как бы невзначай забрел к холодильникам, здесь разгружали рыбу.

Прислонившись к опоре навеса, курил и смотрел за работой здоровенного детины, под два метра ростом, он выделялся среди других грузчиков. Отбросил окурок щелчком и направился к нему, когда он отправился за очередной рыбной:

– Вам не нужны еще одни рабочие руки?

– Работу ищешь?

– Хотелось бы.

– Хлипковат ты для нашего дела. Но если не боишься надорваться подойди к бригадиру, вон он стоит в бейсболке, спроси у него, может, возьмет.

Через пять минут, натянув на голый торс брезентуху, я таскал, как бревна здоровенных рыбин вместе с этим гигантом. Через полчаса я у него поинтересовался:

– А перекуры здесь бывают?

– Если здоровья много кури на ходу, а нет – жди когда будут переставлять следующий контейнер.

Еще через полчаса, мы стояли в стороне и курили, пока из шланга мыли проходы и переставляли следующий рефрижератор.

– Глядя на тебя вначале я думал ты слабак, а ты ничего парниша, жилистый – наш человек. Что, совсем туго? – его серые глаза смотрели прямо и открыто.

– У тебя какой-то акцент, не местный?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.